

28982

1811 10 2

L. Foran 1811.

L. O. O. O. O.

28982

В. Э. 1908.

86487

С. Торяиновъ.

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ
ПОНЯТОВСКІЙ

И

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА

По неизданнымъ источникамъ.

Въ числѣ бумагъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, находятся записки послѣдняго короля польскаго, Станислава-Августа Понятовскаго, и переписка великой княгини Екатерины Алексѣвны съ англійскимъ чрезвычайнымъ посломъ при императорскомъ дворѣ, сэромъ Чарльзомъ Генбюри Уилльямсомъ. Мы пользовались обоими источниками, которые были до послѣдняго времени недоступны изслѣдователямъ. Записки короля Станислава-Августа значатся въ числѣ бумагъ, найденныхъ послѣ его смерти (1/12 февраля 1798 года), въ помѣщеніяхъ Мраморнаго дворца, въ которомъ онъ проживалъ въ Петербургѣ. Изъ „Протокола о снятіи печатей“¹⁾, наложенныхъ на покои короля въ день его смерти графомъ Мнишкомъ и д. т. сов. гр. Безбородко, видно, что маршалъ кн. Репнинъ²⁾, канцлеръ кн. Безбородко³⁾,

¹⁾ Госуд. Архивъ, XII разр., № 272.

²⁾ Фельдмаршалъ кн. Николай Васильевичъ Репнинъ (1734—1801).

³⁾ Свѣтл. кн. Александръ Андреевичъ Безбородко, госуд. канцлеръ, д. т. сов. (1747—1799).

Библиотека ИИФ СССР

д. т. сов. гр. Безбородко ¹⁾ и т. сов. гр. Румянцевъ ²⁾, убѣдившись въ цѣлости печатей, сняли ихъ, а по осмотрѣ вещей, книгъ, картъ и бумагъ, принадлежавшихъ королю, отложили нѣкоторыя изъ нихъ для ближайшаго разсмотрѣнія.

Въ описи, приложенной къ этому протоколу, значится подъ № 24: Мемуары короля Станислава-Августа, — два тома, и подъ № 25: Мемуары короля Станислава-Августа — восемь томовъ. Изъ собственноручной надписи короля на первомъ томѣ этихъ мемуаровъ видно, что онъ началъ ихъ въ 1771 году и писалъ съ большими перерывами; ко второй части онъ приступилъ лишь черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ началъ первую.

Въ дипломатическомъ отдѣлѣ С.-Петербургскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся бумаги одного изъ секретарей короля Станислава-Августа — Христіана-Вильгельма Фризе ³⁾. Эти бумаги состояли преимущественно изъ прошеній на Высочайшее Имя и другихъ ходатайствъ; въ нихъ Фризе добивался, кромѣ разнаго рода милостей, разрѣшенія продолжать и дополнить записки короля, съ которыми онъ занимался 33 года. Изъ бумагъ Фризе видно, что всѣ десять томовъ мемуаровъ написаны его рукой, подъ диктовку короля, и что, по смерти послѣдняго, онъ, Фризе, передалъ кн. Репнину восемь переплетенныхъ томовъ, которые перешли, по Высочайшему повелѣнію, на храненіе въ Императорскій Кабинетъ, а два непереплетенныхъ тома были переданы черезъ графа Сергѣя Петровича Румянцева въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Куда эти два тома поступили, когда коллегія была преобразована въ министерство, остается неизвѣстнымъ; но 7 января 1832 года были переданы отъ императора Николая I въ Государственный

¹⁾ Гр. Илья Андреевичъ Безбородко (1756—1815), т. сов., сенаторъ.

²⁾ Гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ (1753—1838), д. т. сов.

³⁾ *Papiers de Friese, Carton № 1.* Изъ формулярнаго списка Христіана Фризе видно, что 6 октября 1796 г. онъ былъ принятъ на русскую службу изъ секретарей короля польскаго съ чиномъ колл. сов., причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, состоялъ при кн. Репнинѣ для пограничныхъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ кн. Безбородко, кн. Куракина и бар. Васильева для дѣлъ, касающихся польскихъ долговъ, и по производствѣ, 1 января 1801 г., въ д. ст. сов. отставленъ, 4 марта 1801 г., отъ дѣлъ коллегіи. 4-го апрѣля онъ застрѣлился, 76 лѣтъ отъ роду. Сообщая объ его кончинѣ графу Нессельроде, управлявшему коллегіей иностранныхъ дѣлъ, д. ст. сов. Дивовъ, завѣдывавшій секретнымъ и публичнымъ архивами министерства, въ письмѣ отъ 15 апрѣля 1816 г. увѣдомилъ его о томъ, что у Фризе осталось много тайныхъ бумагъ покойнаго короля, относившихся къ жизни Екатерины II, которыми Фризе думалъ воспользоваться для снисканія милостей у государя. Дивовъ предлагалъ „ихъ перенести къ Его Величеству во избѣжаніе того, чтобы любопытный взоръ не проникъ въ такія дѣла, которыя не должны быть никому извѣстны“.

архивъ черезъ государственнаго канцлера два запечатанныхъ пакета, хранившихся въ архивѣ подъ №№ 17 и 18. По истребованіи ихъ государемъ обратно, они вновь возвращены въ архивъ 11 января 1841 года въ видѣ одного пакета съ надписью Николая Павловича о храненіи и невскрытіи ихъ безъ особаго на то разрѣшенія. Съ этого времени пакетъ этотъ хранился въ архивѣ подъ № 28 до 1891 г., когда онъ былъ истребованъ государемъ Александромъ Александровичемъ и возвращенъ обратно съ предписаніемъ хранить запечатаннымъ попрежнему. Нынѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, этотъ пакетъ вскрытъ и въ немъ оказалось восемь въ кожу переплетенныхъ томовъ записокъ короля Станислава-Августа, изъ коихъ первый томъ заключаетъ свѣдѣнія до первой поѣздки его въ Петербургъ, второй описываетъ его пребываніе при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны въ 1755, 1757 и 1758 гг. до окончательнаго его отъѣзда изъ Россіи; третій же кончается избраніемъ его на польскій престолъ (7 сентября 1764 г.), а остальные пять относятся къ исторіи Польши по 1778 годъ.

Мемуары Понятовскаго написаны по-французски чужой рукой, но ихъ надо признать подлинными, такъ какъ они исправлены самимъ королемъ. Они написаны на бумагѣ, заготовленной королевскою фабрикой и носящей водяные знаки съ буквою S, украшенной сверху короной. Часть этихъ записокъ, относящаяся къ пребыванію Понятовскаго въ С.-Петербурѣ, была напечатана по-французски въ 1862 году въ Познани. Въ предисловіи къ этому изданію говорится, что подлинныя записки хранятся въ архивѣ въ С.-Петербурѣ, но часть ихъ, заключающая рассказъ объ апрѣльскомъ возстаніи въ Варшавѣ 1794 г., досталась издателю Жупанскому въ собственноручной рукописи короля. Эта часть не вошла однако въ изданіе Жупанскаго. Въ томъ же предисловіи указывается, что хотя король вообще никому не давалъ читать своихъ записокъ, но для нѣкоторыхъ личностей онъ дѣлалъ исключенія и давалъ имъ самую рукопись или копію съ нея. Этимъ объясняется, что, кромѣ подлинника восьми томовъ, хранящагося въ Государственномъ архивѣ, существуютъ копіи, снятыя съ нѣкоторыхъ частей и появившіяся въ печати, какъ, напр., вышеуказанное познанское изданіе 1862 г., а затѣмъ переводъ первыхъ двухъ частей на польскій языкъ съ двухъ рукописныхъ томовъ, хранящихся въ парижской библіотекѣ князей Чарторыйскихъ, изданной Брониславомъ Залѣскимъ въ 1870 г., въ Дрезденѣ (*Biblioteka pamiętników i podróży po dawnej Polsce, wydawana przez J. I. Kraszewskiego, t. III*).

Поступившіе въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ два послѣднихъ тома записокъ Понятовскаго, которые Жупанскій будто бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи, не найдены мною; они, очевидно, находились въ архивѣ министерства, такъ какъ военный историкъ Фридрихъ Шмиттъ, въ предисловіи къ своему сочиненію (*Suvorow und Polens Untergang, nach archivalischen Quellen dargestellt, 2 Bände. Leipzig und Heidelberg, 1858*), говорить, что его сочиненіе должно состоять изъ трехъ частей: 1) жизнь Суворова; 2) послѣднія смуты (*Wirren*) Польши; 3) возвышеніе Костюшки и паденіе Польши. Третья часть не появилась въ печати, а между тѣмъ авторъ, по предложенію канцлера гр. Нессельроде и черезъ его посредство, пользовался для своего изслѣдованія Главнымъ архивомъ въ Москвѣ, военными архивами въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, бумагами Суворова, Ферзена, письмами Костюшки и мемуарами короля Станислава-Августа. Очевидно, Шмиттъ интересовался только тѣми частями мемуаровъ, которыя относились къ польскому возстанію 1794 г.; онъ ихъ имѣлъ благодаря канцлеру гр. Нессельроде; значить, онѣ дѣйствительно существовали и хранились въ министерствѣ, но не въ Государственномъ архивѣ, составляя, по всему вѣроятію, часть библіотеки одного изъ департаментовъ.

Въ самое послѣднее время намъ доставлены московскимъ Главнымъ архивомъ министерства бумаги изъ дѣлъ Царства Польскаго подъ заглавіемъ: „Подробное описаніе революціи Варшавской 1794 года, учиненное самимъ королемъ въ видѣ дневнаго журнала“. Онѣ написаны по-французски постороннею рукою, по всей вѣроятности секретаремъ короля, Фризе, состоятъ изъ пяти тетрадей, на корешкѣ которыхъ остались слѣды переплета, точно онѣ были вырваны изъ книги. Въ пяти тетрадяхъ числится 87 листовъ. Въ четырехъ изъ тетрадей изложены дневныя записи событій съ приложеніемъ въ иныхъ мѣстахъ копій съ документовъ. Эти записи, обнимающія промежутокъ времени съ 2 марта 1794 по августъ 1795 г., должны быть, повидимому, признаны черновыми, изъ которыхъ могли составить два тома мемуаровъ, найденныхъ по смерти Станислава-Августа и переданныхъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, эти два тома остаются до сей поры неразъисканными. Въ пятой тетради заключаются копии писемъ и документовъ разныхъ годовъ, собранныя безъ всякаго порядка; между ними—записи событій, относящихся ко времени пребыванія Станислава-Августа въ С.-Петербургѣ въ 1797 г., а послѣдняя—отъ 18/29 января 1798 г., значить—за нѣсколько

дней до его смерти, передаетъ его разговоръ съ министромъ Пруссіи, Грэвеномъ.

Записки Станислава-Августа не раздѣлены на главы, но къ каждому тому приобщенъ указатель со ссылкой на соотвѣтствующія страницы рукописи. Первый томъ, содержащій воспоминанія Понятовскаго объ его молодости до перваго приѣзда въ Россію, мы передаемъ частью въ краткомъ изложеніи, частью въ переводѣ. Второй томъ предлагается въ переводѣ, за исключеніемъ немногихъ его отрывковъ, не представляющихъ интереса для русскаго читателя. Изъ третьяго тома на томъ же основаніи приводимъ, преимущественно въ изложеніи, ту часть мемуаровъ, которая заканчивается извѣстіемъ о воцареніи Екатерины II.

Кромѣ записокъ короля Станислава-Августа, мы пользовались для настоящей работы перепиской между великой княгиней Екатериной Алексѣевной и англійскимъ посломъ Уилльямсомъ ¹⁾. Переписка занимаетъ двѣ тетради: въ одной переписаны письма великой княгини (Lettres, 67), а въ другой—отвѣты Уилльямса (Answers, 86), всего 153 документа, относящіеся главнымъ образомъ ко второй половинѣ 1756 г. (съ 31 іюля 1756 до іюня 1757 гг.). Великая княгиня обыкновенно получала обратно отъ Уилльямса письма, иногда продиктованныя, частью собственноручныя, съ тѣмъ же посланнымъ, который ей приносилъ отвѣтъ Уилльямса. Послѣдній изъ предосторожности снималъ копии съ писемъ Екатерины Алексѣевны и возвращалъ ей подлинники; два-три подлинника остались однако въ рукахъ Уилльямса; что же касается его отвѣтовъ, то они писаны или самимъ посломъ, или чужою рукою; повидимому, Екатерина возвратила ихъ Уилльямсу при отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга. Въ Англии вся эта переписка была отдана Уилльямсомъ на храненіе довѣренному лицу и оставалась тамъ понынѣ неизвѣстною. Она поступила въ Государственный архивъ 10 мая 1864 года отъ государственнаго канцлера, которому она была передана императоромъ Александромъ II. Она хранилась запечатанною до послѣдняго времени. С. М. Соловьевъ зналъ о существованіи этой переписки, такъ какъ онъ приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ нея, безъ указанія на то, какимъ путемъ онъ ихъ получилъ ²⁾.

¹⁾ Государ. Арх., V разр., № 79.

²⁾ Исторія Россіи, т. XXIV, изд. 2-е тов. „Польза“, стр. 935.

Первые томы Записокъ Понятовскаго относятся къ половинѣ XVIII вѣка. Соперничество Бурбоновъ и Габсбурговъ въ это время распредѣляло европейскія державы на два лагеря: въ одномъ руководящее значеніе имѣла Франція, въ другомъ—Австрія. Задача Франціи заключалась въ расширеніи своихъ предѣловъ на востокъ до Рейна, а слѣдовательно въ ослабленіи и подчиненіи германской народности; защитникомъ послѣдней считался австрійскій императоръ, какъ глава Священной Римской Имперіи. Но на мѣсто ослабѣвшей Австріи, гдѣ правила императрица Марія-Терезія, война выдвинула другое государство — Пруссію, гдѣ царствовалъ Фридрихъ II. Благодаря этой перемѣнѣ, группировка державъ также перемѣнилась. Честолюбивые замыслы прусскаго короля, захватившаго у Австріи Силезію (дрезденскій миръ 25 декабря 1745 г.), показали, что въ борьбѣ романскихъ государствъ съ германскими первенствующее значеніе между послѣдними будетъ имѣть Пруссія. Столкновеніе было неизбежно, но оно началось въ заокеанскихъ странахъ и по мѣрѣ своего развитія перешло въ Европу. Колоніальные интересы Англіи и Франціи столкнулись въ Остъ-Индіи и въ Сѣверной Америкѣ и привели оба государства къ войнѣ. Англійскій король Георгъ II, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ганноверскимъ курфюрстомъ, опасаясь нападенія прусскаго короля на свои германскія владѣнія, заключилъ, 19/30 сентября 1755 г., договоръ съ Россіей (ратификованный 1-го февраля 1756 г.), по которому она обязалась выставить для ихъ защиты корпусъ въ 55.000 чел. за ежегодное вспомошествованіе въ полмилліона фунт. стерл. Узнавъ о томъ, Фридрихъ II успѣлъ убѣдить Георга II, что послѣдній можетъ быть спокоенъ за свои нѣмецкія области, и заключилъ съ нимъ вестминстерскій договоръ 16 января 1756 г., по которому оба государя обезпечивали другъ другу свои владѣнія и обязывались не допускать иностранныхъ войскъ на свои терри- торіи въ Германіи. Договоръ былъ направленъ, съ одной стороны, противъ русскихъ, съ другой — противъ французовъ. Такимъ образомъ, Фридрихъ II и Георгъ II изъ враговъ стали союзниками. Такая же перемѣна произошла въ отношеніи Австріи и Франціи: ихъ вѣковая вражда обратилась въ союзъ. Марія-Терезія не могла примириться съ потерей Силезіи и ждала только случая отомстить Фридриху II. Ей помогъ въ этомъ канцлеръ графъ Кауницъ, который убѣдилъ императрицу сблизиться съ Франціей, чтобы изолировать Пруссію. 1 мая 1756 г., былъ заключенъ въ Версалѣ договоръ, по которому Людовикъ XV и Марія-Терезія обязались выставить другъ другу по 24.000 чел.

Черезъ годъ этотъ договоръ былъ возобновленъ (1 мая 1757 г.) исключительно противъ Пруссіи; области ея подлежали раздѣлу; Франція обязывалась выставить войско въ 10.000 чел. и вносить ежегодно 12 милліон. гульд., пока Австрія не вернетъ Силезію. Россія была старой союзницей Австріи, и одна только императрица Елисавета Петровна не признала присоединенія Силезіи къ Пруссіи. Еще 22 мая (2 іюня) 1746 года оба государства заключили между собой въ Петербургѣ тайный договоръ, на случай нападенія Фридриха на ихъ владѣнія или на Польшу, причемъ обязались держать на границахъ съ Пруссіей по 30.000 чел. войска въ мирное время и по 60.000 чел. въ случаѣ войны. Король польскій Августъ III, въ качествѣ курфюрста саксонскаго, могъ также примкнуть къ союзу въ случаѣ опасности, хотя и не участвовалъ въ заключеніи этого договора. Прусскій король зналъ объ этомъ союзѣ и, видя, что его окружала коалиція державъ, начавшая уже стягивать войска въ Богеміи, Моравіи и въ Остзейскомъ краѣ, рѣшился перейти въ наступленіе, не объявивъ войны. Онъ въ августѣ 1756 года напалъ на Саксонію и тѣмъ положилъ начало семилѣтней войнѣ.

Нападеніе Фридриха II на Силезію вызвало заключеніе новаго оборонительнаго договора, отъ 22 января 1757 года, между Австріей и Россіей. Елисавета Петровна обязалась всѣми своими силами помогать Маріи Терезіи въ борьбѣ съ прусскимъ королемъ за Силезію, причемъ обѣ стороны должны были выставить по 80.000 чел.

Сближеніе Австріи съ Франціей, выразившееся въ подписаніи версальскаго договора, имѣло своимъ послѣдствіемъ возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Франціей и Россіей, прерванныхъ въ 1748 г. Сама императрица Елисавета сочувствовала Франціи и за союзъ съ нею ратовали Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, но канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ считался поборникомъ союза съ Англіей; ему сочувствовала великая княгиня Екатерина Алексѣевна, а великій князь Петръ Ѳеодоровичъ не скрывалъ своего расположенія къ прусскому королю. Французская партія взяла верхъ; Россія примкнула къ версальскому договору (31 декабря 1756 г.). Въ іюль 1757 года въ Петербургъ прибылъ маркизь Лопиталь въ качествѣ чрезвычайнаго французскаго посла, а братъ канцлера, М. П. Бестужевъ-Рюминъ, былъ назначенъ императорскимъ посломъ въ Парижъ; онъ явился туда въ іюнѣ 1757 г.

Фридрихъ, будучи главою маленькаго государства съ населеніемъ въ 5 милліоновъ душъ, сумѣлъ въ теченіе семи лѣтъ

вести борьбу съ соединенными силами трехъ великихъ державъ, Австріи, Россіи и Франціи, приче́мъ нанесъ тяжкія пораженія французскимъ и имперскимъ войскамъ подъ Росбахомъ (4 ноября 1757 г.) и Лейтеномъ (5 декабря 1757 г.) и отбилсѣ отъ русскихъ подъ Цорндорфомъ (14 августа 1758 г.) и Кунерсдорфомъ (1 августа 1759 г.). Съ цѣлью причинить вредъ непріятелю, онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ вплоть до грабежа и чеканки фальшивой монеты. Онъ искусно пользовался и мастерски изворачивался, пока ему не измѣнило наконецъ военное счастье. Изнемогая въ неравной борьбѣ, онъ уже собирался покончить съ собой самоубійствомъ, но 25 декабря 1761 года смерть императрицы Елисаветы спасла его отъ гибели. На русскій престолъ вступилъ Петръ III, фанатическій поклонникъ Фридриха; онъ поспѣшилъ заключить съ Пруссіей мирный договоръ (24 апрѣля 1762 г.), по которому возвращались Фридриху всѣ его земли, занятыя русскими войсками въ минувшую войну.

Первый пріѣздъ гр. Станислава-Августа Понятовскаго въ С.-Петербургъ въ качествѣ секретаря великобританскаго чрезвычайнаго посла Генбюри Уилльямса совпалъ съ переговорами по заключенію вышеуказанной конвенціи 19/30 сентября 1755 года.

Графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій былъ сынъ каштеляна краковскаго, впоследствии виленскаго, графа Станислава (1676 — 1762). Послѣдній, какъ адъютантъ шведскаго короля Карла XII, участвовалъ въ сраженіи подъ Полтавой и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Турцію. Приверженецъ Станислава Лещинскаго, избраннаго королемъ польскимъ въ 1704 г., по настоянію Карла XII, на мѣсто Августа II, объявленнаго низложеннымъ, Понятовскій послѣ смерти Карла XII призналъ власть Августа II. Когда же онъ умеръ, въ 1733 г., Понятовскій сталъ на сторону вновь избраннаго королемъ Станислава Лещинскаго. Говорили однако, что Понятовскій, поддерживая послѣдняго, выставлялъ и себя кандидатомъ на престолъ. Послѣ паденія Лещинскаго, графъ Станиславъ подчинился Августу III, который назначилъ его краковскимъ каштеляномъ.

Графъ Станиславъ Понятовскій былъ женатъ на княжнѣ Констанціи Чарторьской ¹⁾.

¹⁾ Отъ этого брака родились сыновья: Казиміръ (1721—1780), жен. на Аполлинару Устжицкой; Францискъ, краковскій каноникъ (1723—1754); Александръ, погибшій подъ Ипрами; Андрей (1734—1773), на австрійской службѣ, жен. на графинѣ Кинской; Станиславъ-Августъ (р. 1732 — 1798), король польскій; Михайлъ

При Августѣ III, Чарторыйскіе были во главѣ одной изъ партій, требовавшихъ глубокихъ преобразованій во всемъ стрѣ Рѣчи-Посполитой: реформы касались, между прочимъ, престолонаслѣдія, отмѣны *liberum veto* и учрежденія регулярнаго войска. Эта партія была представлена братьями Констанціи Понятовской, князьями Фридрихомъ-Михаиломъ, подканцлеромъ, потомъ канцлеромъ литовскимъ ¹⁾ и Августомъ-Александромъ, воеводой русскимъ ²⁾. Во главѣ другой партіи, также требовавшей реформъ, стояли графы Потоцкіе. Обѣ партіи искали поддержки у иностранныхъ державъ. Чарторыйскіе были сторонниками Россіи, Австріи и Англіи; Потоцкіе, опираясь на шляхту, держались Франціи, Турціи и Швеціи. Ожесточенная борьба между партіями еще болѣе усилила анархію въ странѣ.

Графъ Станиславъ-Августъ былъ любимцемъ своей матери, женщины умной и образованной, о которой онъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ съ большою нѣжностью. Воспитавъ его сама, она смотрѣла на него, какъ на молодого человѣка, предназначеннаго къ блестящему поприщу, но вслѣдствіе своей набожности избѣгала, хотя бы съ внѣшней стороны, поощрять его близкія отношенія къ великой княгинѣ. Громадное вліяніе на судьбу графа Станислава-Августа оказалъ его дядя, воевода русскій, князь Августъ-Александръ, который хотя и не считался главой дома князей Чарторыйскихъ, каковымъ признавался его старшій братъ Фридрихъ-Михаиль, но своимъ тонкимъ умомъ и вкрадчивымъ обращеніемъ успѣлъ снискать расположеніе своей партіи. Служившій въ молодости въ австрійскихъ войскахъ подъ начальствомъ принца Евгенія, онъ по настоянію своей сестры и ея мужа, графа Понятовскаго, возвратился на родину и здѣсь,

(р. 1736—1794), примасть польскій. Дочери: Людовика (р. 1728—1800), за польскимъ воеводой, графомъ Яномъ Замойскимъ, и Изабелла (р. 1730—1804), за короннымъ гетманомъ графомъ Яномъ-Казиміромъ Браницкимъ (1690—1771).

¹⁾ Князь Фридрихъ-Михаиль Чарторыйскій (1696—1775), жен. на граф. Вальдштейнѣ; одна изъ его дочерей была замужемъ за литовскимъ подскарбіемъ, графомъ Флеммингомъ, а послѣ ея смерти сестра ея вышла замужъ за него же. Графъ Флеммингъ (1746—1835) происходилъ изъ саксонскаго дома, вышедшаго изъ Голландіи и переселившагося въ Польшу при Августѣ II.

²⁾ Кн. Августъ-Александръ Чарторыйскій (1698—1782), жен. на Софіи Сенявской. У него былъ сынъ кн. Адамъ-Казиміръ, староста подольскій (1734—1823), жен. на графинѣ Изабеллѣ Флеммингъ (1746—1835); ихъ сынъ, кн. Адамъ-Георгій (1770—1861), былъ извѣстный сподвижникъ императора Александра I въ началѣ его царствованія. У кн. Августа-Александра была дочь Изабелла, замужемъ за стражникомъ княземъ Любомирскимъ, который часто упоминается въ запискахъ графа Понятовскаго.

женившись на очень богатой наслѣдницѣ дома Сенявскихъ, получилъ отъ Августа II воеводство русское, предложенное сперва графу Станиславу Понятовскому, но уступленное имъ князю Августу. Взявъ за женой большое приданое, онъ не забывалъ своихъ выгодъ при раздѣлѣ родового имущества своей семьи. По этому поводу между нимъ и сестрой, графиней Понятовской, возникла распря, длившаяся до самой смерти графини.

Отношенія, существовавшія между членами семейства Чарторыйскихъ, живо характеризуетъ Понятовскій въ слѣдующемъ описаніи семейнаго совѣта:

„До 1752 года, — говоритъ онъ, — моя семья рѣшала дѣла, связанныя съ интересами страны, на совѣтѣ, въ которомъ роли между членами его распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: князь канцлеръ литовскій, какъ самый краснорѣчивый, самый выдающійся публицистъ страны, обладавшій богатымъ воображеніемъ, говорилъ обыкновенно первымъ и разсматривалъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько избранныхъ друзей, допущенныхъ на совѣтъ, обсуждали его. Моя мать и воевода русскій обыкновенно рѣшали вопросъ, а исполненіе рѣшенія поручалось почти всегда моему отцу, который отличался прямодушіемъ, сердечностью, веселымъ духомъ и великодушіемъ, былъ дѣятельнѣе, выносиливѣе, щедрѣе остальныхъ, пользовался большею любовью и популярностью. Его мнѣніе имѣло перевѣсъ только въ спѣшныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ. Тогда никто быстрѣе и удачнѣе его не высказывался, и онъ увлекалъ другихъ. Таковымъ онъ былъ до 76-ти лѣтъ, когда ослабѣлъ. Уже съ той поры, т. е. съ 1752 г., онъ началъ мало-по-малу устраняться отъ дѣлъ, тогда какъ его шурья, успѣвъ установить свой кредитъ самымъ твердымъ образомъ и пріобрѣсти очень большое число приверженцевъ, стали ему высказывать, что болѣе въ немъ не нуждались. Со своей стороны моя мать, недовольная ими по разнымъ причинамъ, посвятила себя съ той поры почти исключительно двумъ заботамъ: одна заключалась въ уходѣ за матерью, княгиней Изабеллой Чарторыйской, каштеляншей виленской, другая — въ окончаніи воспитанія ея дѣтей и въ направленіи ихъ на соответственныя имъ поприща. Сама она удалилась еще болѣе прежняго отъ великосвѣтской жизни“.

Избранный по волѣ Екатерины II королемъ Польши (7 сентября 1764), Станиславъ-Августъ, по ея же волѣ, былъ вынужденъ въ Гроднѣ отречься отъ короны (25 ноября 1795). По вызову императора Павла I, онъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ

(18 февраля (3 марта) 1797), гдѣ занималъ Мраморный дворецъ до самой своей смерти (1/12 февраля 1798).

I.

Графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій родился 17 января 1732 года въ Литвѣ, въ замкѣ Волчинѣ, брестскаго воеводства, принадлежавшемъ тогда его отцу, графу Станиславу.

Мать его, Констанція Понятовская, была изъ дома князей Чарторыйскихъ.

„Послѣ осады Данцига, — говоритъ Понятовскій, — мои родители велѣли привезти меня туда ¹⁾. Мнѣ было три года. Моя мать принялась сама за мое воспитаніе съ тѣмъ чрезвычайнымъ разумомъ, которымъ она уже прославилась при воспитаніи моихъ старшихъ братьевъ, но съ еще болѣе тщательнымъ вниманіемъ.

Эта дѣйствительно замѣчательная женщина не только обучала меня сама половинѣ предметовъ, которые обыкновенно поручаются заботамъ наставниковъ, но и приложила по преимуществу свои усилія къ тому, чтобы закалить мою душу и развить во мнѣ возвышенныя чувства, которыя, согласно ея видамъ, въ самомъ дѣлѣ скоро отдалили меня отъ обыкновеннаго дѣтскаго обихода, но вмѣстѣ съ тѣмъ были причиною многихъ моихъ недостатковъ. Я счелъ себя выше своихъ товарищей, частью потому, что я не дѣлалъ того, что признавалось проступкомъ съ ихъ стороны, а также потому, что я зналъ многое, чему ихъ еще не обучили. Я сталъ маленькимъ существомъ, которое казалось очень гордымъ.

Дѣйствительное и всеобщее несовершенство народнаго воспитанія въ Польшѣ, какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, побудило мою мать не допускать меня къ общенію со всѣми тѣми, которые могли подать мнѣ дурной примѣръ; это оказало на мое развитіе настолько вредное, насколько и благотворное вліяніе.

При ограниченіи круга моихъ знакомыхъ одними совершенными людьми, я почти ни съ кѣмъ не говорилъ, а вслѣдствіе немалаго числа лицъ, которыя считали себя презирае-

¹⁾ Въ 1734 году Данцигъ осаждали русскія войска подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха. Въ немъ находился польскій король Станиславъ Лещинскій. Городъ былъ взятъ 28 іюня 1734 г., а король спасся бѣгствомъ. Въ числѣ его приверженцевъ былъ гр. Станиславъ Понятовскій, къ нему и былъ привезенъ его сынъ Станиславъ-Августъ.

мыми мною, я приобрѣлъ незавидное отличіе имѣть враговъ уже съ пятнадцатилѣтняго возраста, но зато выдержка, къ которой меня приучили, оградила меня отъ заразы, причиняемой обыкновенно молодымъ людямъ дурнымъ товариществомъ.

Я усвоилъ и питалъ ненависть ко всякой лжи, но въ виду моего возраста и моего положенія уже слишкомъ сильно развилась во мнѣ эта ненависть ко всему тому, что приучили меня считать пошлымъ и посредственнымъ. Мнѣ, такъ сказать, никогда не было предоставлено времени быть ребенкомъ, — точно апрѣль мѣсяцъ исключить изъ временъ года. Теперь я нахожу, что это — невознаградимое лишеніе, на которое я могу пожаловаться, такъ какъ я думаю, что склонность къ меланхоли, которую я, къ сожалѣнію, испытываю такъ часто, происходитъ отъ этого неестественнаго и равняго благоразумія; оно, однако, не оградило меня отъ ошибокъ, которыя были мнѣ суждены, но предполагало сдѣлать изъ меня энтузіаста въ слишкомъ нѣжномъ возрастѣ.

Двѣнадцати лѣтъ меня настолько серьезно смущали богословскіе вопросы о свободѣ воли и предопредѣленіи, о ложности чувствъ, объ абсолютномъ пиронизмѣ, что я заболѣлъ.

Это не значить, чтобы моя мать имѣла странность обучать меня въ этомъ возрастѣ метафизикѣ, но, стараясь удалить меня отъ пустого препровожденія времени, свойственнаго дѣтству, и приучая меня быть внимательнымъ ко всему, что говорилось вокругъ меня, она достигла того, что я усвоилъ и обдумалъ много идей, на которыхъ вовсе не слѣдовало мнѣ останавливаться. Вслѣдствіе нѣжнаго расположенія и живого воображенія, я былъ склоненъ увлекаться до восторженности всѣмъ тѣмъ, что было или казалось достойнымъ уваженія и похвалы, какъ въ отношеніи людей, такъ и относительно предметовъ; но это увлеченіе заставляло меня, равнымъ образомъ, подвергать рѣзкому неодобренію и почти ненавидѣть все то, что я считалъ достойнымъ порицанія. Достигнувъ наконецъ шестнадцати лѣтъ, я былъ очень свѣдушъ для своего возраста, очень правдивъ, очень послушенъ своимъ родителямъ, почитая ихъ качества, съ которыми ничто не могло сравниться; я былъ поглощенъ мыслью, что тотъ, кто не былъ Аристидомъ или Катонемъ, долженъ считаться ничтожествомъ; я былъ впрочемъ маленькаго роста, коренастъ, недовонокъ, нездороваго вида и во многихъ отношеніяхъ казался дикимъ арлекиномъ (*arlequin sauvage*).

Съ такою наружностью меня послали путешествовать въ первый разъ “.

86498
 Отецъ Понятовскаго, признавая военно-походную жизнь самую лучшею школою для образованія характера молодого человѣка и пользуясь тѣмъ, что въ 1748 году русскія войска, подъ начальствомъ князя Репнина ¹⁾, проходили черезъ Польшу на помощь Австріи, направилъ своего сына къ генералу Левендалю, для участія въ походѣ, и поручилъ его маіору Кенигфельсу, бывшему адъютанту фельдмаршала Миниха. Но молодому Понятовскому не удалось понюхать пороху, такъ какъ скоро были подписаны въ Ахенѣ предварительныя условія мира ²⁾. Однако, снабженный рекомандательными письмами къ фельдмаршаламъ саксонскому и гр. Левендалю, онъ въ сопровожденіи маіора Кенигфельса, отправился въ дорогу, чтобы посмотреть на войска и познакомиться съ военнымъ дѣломъ. Передъ отъѣздомъ, родители взяли съ него слово, что онъ не будетъ играть ни въ какія азартныя игры, что въ ротъ не возьметъ никакого вина, ни другого спиртнаго напитка и не женится ранѣе тридцати лѣтъ.

„Я — говоритъ Станиславъ-Августъ — остался вѣренъ этимъ обѣщаніямъ, изъ которыхъ второе предохранило меня отъ чрезмернаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, которому было подвержено тогда все общество въ Польшѣ“.

10 іюня 1748 года Понятовскій прибылъ въ Ахенъ, гдѣ онъ былъ представленъ графу Кауницу, австрійскому уполномоченному на конгрессѣ; въ Маастрихтѣ онъ нашелъ штабъ маршала Левендаля, а въ Брюсселѣ представился маршалу саксонскому. Въ октябрѣ 1748 года онъ возвратился въ Польшу. Слѣдующее его путешествіе было въ Берлинъ, гдѣ впервые онъ познакомился съ кавалеромъ Генбюри Уилльямсомъ, тогдашнимъ британскимъ министромъ при королѣ прусскомъ.

Сэръ Чарльзъ Генбюри Уилльямсъ происходилъ изъ древняго рода графства Ворчестеръ. Его отецъ, Джонъ Генбюри, служилъ маіоромъ въ королевскихъ войскахъ и былъ однимъ изъ директоровъ „Компаніи южнаго моря“ (South Sea Company). Имѣя лично большое состояніе въ помѣстьяхъ графства Монмаутшира и въ заводахъ, онъ случайно получилъ въ 1720 году, по духовному завѣщанію нѣкоего Уилльямса, болѣе 70.000 фунтовъ стерлинговъ подъ условіемъ приобрѣтенія помѣстья, владѣлецъ котораго при-

¹⁾ Генераль-фельдцейхмейстеръ князь Василій Аникитичъ Репнинъ, начальникъ корпуса въ 30.000 чел. для дѣйствій на Рейнѣ, Мозелѣ и въ Нидерландахъ. Онъ умеръ на возвратномъ пути въ Россію въ 1748 г. (31 іюля).

²⁾ Миръ, заключенный въ Ахенѣ 18 октября 1748 г., закончилъ войну объ австрійскомъ наслѣдствѣ.

нялъ бы имя и гербъ Уилльямса. Джонъ Генбюри купилъ въ своемъ графствѣ замокъ Кольбрукъ и передалъ его своему третьему сыну Чарльзу, крестнику Уилльямса, принявшему эту фамилію.

Чарльзъ Генбюри Уилльямсъ родился въ 1709 году. Получивъ воспитаніе въ извѣстной Итонской школѣ и совершивъ путешествія на материкѣ, онъ женился въ 1732 году на лэди Фрэнсесъ Конингби, отъ которой у него родились двѣ дочери. Этотъ бракъ, по всему вѣроятію, не былъ очень счастливъ. Избранный въ 1735 году членомъ парламента, Уилльямсъ принадлежалъ къ партіи виговъ и былъ вѣрнымъ сторонникомъ управленія сэра Роберта Уальполя. Онъ не отличался особымъ краснорѣчіемъ, но былъ извѣстенъ живостью и изяществомъ своего разговора, своимъ ѣдкимъ словомъ, остроуміемъ своихъ замѣчаній, красивыми манерами и своимъ богатствомъ.

Кромѣ того, онъ славился своими сатирическими стихотвореніями. Занимая должность казначея морского вѣдомства (*paymaster of the marine* (съ 1739 г. по 1746 г.)), онъ въ этомъ году обратился къ королю съ ходатайствомъ о назначеніи его на дипломатическій постъ за границу. Пожалованный въ кавалеры ордена Бани, онъ въ 1747 г. получилъ мѣсто посланника при саксонскомъ дворѣ въ Дрезденѣ.

На дипломатическомъ поприщѣ Уилльямсъ проявилъ большую способность къ дѣламъ и немалое искусство. Онъ доказалъ, что умѣлъ владѣть перомъ не только для сочиненія сатирическихъ произведеній, но и для изложенія дипломатическихъ бумагъ. Онъ обладалъ свойствами, самыми необходимыми для этого поприща; онъ былъ уменъ, образованъ, представителенъ и богатъ; его искусство по веденію переговоровъ было замѣчательно; его бесѣда блестяла остроуміемъ. Своимъ благороднымъ обращеніемъ, веселымъ расположеніемъ духа, умѣньемъ великолѣпно принять и угостить изысканнымъ столомъ, онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Обладая большимъ тактомъ и большою прозорливостью, онъ очень легко разгадывалъ самые различные характеры, умѣлъ отлично пользоваться слабыми сторонами своихъ противниковъ по веденію переговоровъ и снискивать расположеніе тѣхъ, подъ невидимымъ вліяніемъ коихъ находились лица, дѣйствовавшія на первомъ планѣ. Его депеши были изложены живымъ и блестящимъ слогомъ; онъ отличался умѣньемъ легко и правдиво передавать портреты замѣчательныхъ личностей и представлять подробные отчеты о своихъ политическихъ переговорахъ, не утомляя вниманія читателя. Его частныя письма къ друзьямъ въ своемъ изложеніи не уступали его депешамъ и представля-

лись столь же важными. Они ходили по рукамъ, забавляя и поучая лицъ причастныхъ къ управленію дѣлами королевства.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ при саксонскомъ дворѣ, Уилльямсъ былъ въ 1750 году переведенъ посланникомъ въ Берлинъ, гдѣ Понятовскій встрѣтился съ нимъ въ первый разъ и былъ имъ обласканъ. Въ томъ же году Уилльямсъ, по порученію короля Георга, ѣздилъ въ Варшаву и находился при Августѣ III во время открытія имъ сейма. Здѣсь Уилльямсъ сблизился съ князьями Чарторыйскими и взялъ подъ свое покровительство 18-лѣтняго юношу Понятовскаго.

„Мое знакомство съ англійскимъ посланникомъ — пишетъ онъ — стало еще тѣснѣе и послужило во многомъ къ тому, что въ высшемъ обществѣ я приобрѣлъ уваженіе и значеніе вліятельнаго человѣка, вовсе несвойственныя моему возрасту и моей малорослой внѣшности, которая разрослась только въ этомъ году“.

Сопутствуя королю Августу III въ Дрезденъ, Уилльямсъ пожелалъ имѣть съ Понятовскимъ переписку въ шифрахъ касательно дѣлъ, которыми могли интересоваться Чарторыйскіе.

Недолго сэръ Чарльзъ оставался въ Берлинѣ; онъ не понравился королю Фридриху, благодаря своему злому языку и насмѣшливому характеру. Прусское министерство потребовало отозванія его, и въ февралѣ 1751 года онъ уже былъ переведенъ опять въ Дрезденъ, куда осенью 1751 года къ нему былъ отправленъ своими родителями молодой Понятовскій, пріѣхавшій въ концѣ года изъ Саксоніи въ Вѣну и пробывшій тамъ до апрѣля 1752 года. Вернувшись на родину, Понятовскій получилъ должность комиссара мазовецкаго воеводства, чѣмъ онъ воспользовался, чтобъ познакомиться съ управленіемъ края. Въ концѣ марта 1753 года молодой графъ предпринялъ новое путешествіе, черезъ Венгрію, въ Вѣну, гдѣ встрѣтился съ Уилльямсомъ, пріѣхавшимъ туда съ особымъ порученіемъ вѣнскому двору отъ англійскаго правительства. Совмѣстное пребываніе въ столицѣ Австріи еще болѣе сблизило ихъ.

Изъ Вѣны Понятовскій поѣхалъ въ Дрезденъ для осмотра саксонскихъ войскъ, а оттуда вмѣстѣ съ Уилльямсомъ въ Голландію. Въ августѣ 1752 года, Понятовскій пріѣхалъ въ Парижъ ¹⁾, гдѣ пробылъ до февраля 1754 г.

Въ іюнѣ 1754 года Понятовскій вернулся въ Варшаву. Осенью того же года вновь пріѣхалъ на сеймъ король Августъ III въ

¹⁾ Описаніе его пребыванія въ Парижѣ и Лондонѣ составляетъ предметъ перваго тома его записокъ.

сопровожденіи Уилльямса, который, питая къ гр. Станиславу-Августу особенно дружескія чувства, взялъ съ него слово съ вѣдома его родителей, что, въ случаѣ назначенія его представителемъ короля Георга при с.-петербургскомъ дворѣ, онъ, Понятовскій, послѣдуетъ за нимъ въ Россію. Посему, когда въ 1755 году Уилльямсъ былъ назначенъ англійскимъ посломъ при императорскомъ дворѣ, онъ написалъ Понятовскому, что разсчитывалъ на него.

Родители молодого графа, который только-что весною 1755 г. былъ пожалованъ королемъ въ стольники Литовскаго княжества, съ готовностью ухватились за это предложеніе и поспѣшили снарядить своего сына въ путь. Онъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюня 1755 года, уже послѣ того, какъ Уилльямсъ, 12 іюня, былъ торжественно принятъ на аудіенціи императрицей Елисаветой Петровной ¹⁾.

II.

Вотъ какъ излагаетъ Понятовскій въ своихъ воспоминаніяхъ все видѣнное и слышанное имъ во время пребыванія его въ Россіи.

„Пребываніе мое въ Россіи, — говоритъ Понятовскій, — въ домѣ кавалера Уилльямса ²⁾, было для меня школою новаго рода. Онъ ко мнѣ питалъ такую дружбу и такое довѣріе, что иногда передавалъ мнѣ на прочтеніе свои самыя тайныя депеши и поручалъ мнѣ ихъ для шифровки и для разбора. Это было обученіе своего рода, которое въ моемъ тогдашнемъ положеніи я могъ получить только при его участіи. Находясь къ нему въ столь близкихъ отношеніяхъ, я былъ свидѣтелемъ довольно важнаго случая, интереснаго для политики всей Европы.

Уилльямсу было повелѣно вести переговоры о союзѣ съ Россіею, на основаніи котораго въ распоряженіе Англіи, при уплатѣ ею впередъ извѣстной суммы въ видѣ вспомошествованія, были бы предоставлены 55 тысячъ человекъ сухопутныхъ русскихъ войскъ и опредѣленное число военныхъ судовъ.

Эти силы предназначались противъ короля прусскаго, имя

¹⁾ О своемъ пребываніи въ Петербургѣ въ качествѣ секретаря англійскаго посольства Понятовскій пишетъ во второмъ томѣ мемуаровъ.

²⁾ Сэръ Чарльзъ Генбюри Уилльямсъ жилъ въ Петербургѣ на Васильевскомъ острову.

котораго не было упомянуто въ договорѣ, но владѣнія котораго были указаны столь ясно, что нельзя было въ томъ ошибиться.

Первоначально Уилльямсъ имѣлъ быстрый успѣхъ, изумительный для тѣхъ, кто былъ знакомъ съ медлительностью, привычною въ то время русскому двору, и съ нерѣшительностью императрицы Елисаветы.

Едва прошли два мѣсяца со дня прибытія Уилльямса въ Петербургъ, какъ его договоръ уже былъ подписанъ.

Уилльямсъ льстилъ себя надеждой получить благодарность, соразмѣрно съ своими заслугами, когда курьеръ, съ которымъ онъ ожидалъ получить утверженіе договора, имъ заключеннаго, привезъ ему письмо статсъ-секретаря лорда Гольдернесса, гдѣ Уилльямсъ прочелъ слѣдующее:

„Вы вызвали неудовольствіе короля тѣмъ, что унизили его достоинство, подписавшись послѣ русскихъ министровъ; до тѣхъ поръ, пока эта ошибка не будетъ исправлена, король не утвердитъ договора, который вы подписали“¹⁾.

Только тогда Уилльямсъ, пораженный чтеніемъ этого письма, замѣтилъ оплошность, которая, въ дѣйствительности, была гораздо менѣе важна, чѣмъ она показалась въ Англии, но которая, однако, погубила Уилльямса. Онъ первый подписался на копіи договора, оставшейся въ рукахъ у русскихъ, точно также какъ они подписались первыми на копіи, посланной Уилльямсомъ королю.

Онъ, оба русскихъ канцлера, два русскихъ секретаря, секретарь Уилльямса и я, всѣ семеро были заинтересованы въ успѣхѣ этого дѣла; всѣ равно участвовали въ этой оплошности, въ которую Владыка судебъ ввелъ всѣхъ, очевидно, съ опредѣленною цѣлью. На первыхъ порахъ показалось очень легко поправить эту оплошность. Русскіе министры, получивъ легкій выговоръ отъ государыни, согласились безъ затрудненій на обмѣнъ обоихъ экземпляровъ, и курьеръ Уилльямса пустился въ обратный путь. Но насколько первое его путешествіе было быстрымъ, настолько второе замедлилось вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ и продолжилось въ силу обстоятельствъ, а когда онъ привезъ въ

¹⁾ Деша лорда Гольдернесса была отъ 28 (17) августа 1755 года. Она получена Уилльямсомъ въ то время, когда онъ вполнѣ освоился съ придворною жизнью; въ камерфурьерскомъ журналѣ за 1755 г. упоминаются многія празднества, на которыя приглашались австрійскіе и англійскіе послы съ ихъ кавалерами. 22 августа былъ обѣдъ въ Царскомъ Селѣ, на который были приглашены изъ дипломатовъ только Уилльямсъ и Понятовскій. Они принимали участіе въ охотѣ вмѣстѣ съ государыней, вице-канцлеромъ и кн. Юсуповымъ; ужинали въ Пулковѣ, въ палаткѣ.

Петербургъ утвержденіе, вся обстановка перемѣнилась. Король прусскій прослышалъ про переговоры Уилльямса, а Англія узнала, что Австрія добивалась во Франціи заключенія новаго союзнаго договора.

Это внезапное стеченіе обстоятельствъ побудило Англію соединиться съ прусскимъ королемъ, такъ что союзный договоръ послѣдняго съ Георгомъ II, по которому они обязались не допускать вступленія въ Германію какихъ-либо иностранныхъ войскъ, былъ подписанъ за нѣсколько дней ранѣе такого же договора, на основаніи котораго Франція, по требованію Австріи, обязалась выставить войска на ея помощь.

Въ виду изложеннаго, утрачивалъ всякое значеніе договоръ, только-что заключенный Уилльямсомъ съ Россіей и основанный на ложныхъ основаніяхъ системы, противоположавшей Англію, Австрію и Россію Франціи и Пруссіи. Такое сопоставленіе одно вызвало бы неудовольствіе Елисаветы, даже если бы она не была расположена къ Франціи миссією нѣкоего Дугласа ¹⁾, приверженца Стюартовъ, котораго Франція подслала въ Россію (безъ всякаго оффиціального характера и на его рискъ) для того, чтобы изслѣдовать первые пути.

Онъ обратился сперва къ самому кавалеру Уилльямсу, представившись шотландцемъ-католикомъ, но вѣрнымъ подданнымъ Георга II, путешествовавшимъ въ сѣверныхъ странахъ для своего здоровья.

Въ виду такого вымышленнаго повода и отсутствія какихъ-либо писемъ на его имя, Уилльямсъ съ перваго же раза убѣдился, что Дугласъ—французскій агентъ; онъ объ этомъ предупредилъ министерство, но Дугласъ нашелъ способъ поврачиться нѣкоторымъ изъ его чиновниковъ.

Выждавъ немного, онъ пересталъ таиться и призналъ, что онъ предшествовалъ министру съ оффиціальнымъ характеромъ, котораго Франція готовилась прислать въ Россію, чтобы возобновить связь между обоими дворами, прерванную со времени отъѣзда Даліона (Dalion) ²⁾.

За нѣсколько мѣсяцевъ до Дугласа пріѣхалъ какой-то Мессонье ³⁾, который, будучи знакомъ съ княземъ Адамомъ Чарто-

¹⁾ Шотландецъ Мэкензи Дугласъ прибылъ въ 1755 г. (4 октября); онъ былъ отправленъ въ качествѣ агента секретной дипломатіи Людовика XV.

²⁾ Полномочный министръ Даліонъ прибылъ въ 1744 и оставался при императорскомъ дворѣ до 1747, когда произошелъ разрывъ между Россіей и Франціей.

³⁾ Мессонье де-Валкруассанъ (Meissonnier de Valcroissant).

ршійскимъ ¹⁾ въ Туринѣ, выпросилъ у него письмо съ цѣлью быть принятымъ у Уилльямса на службу и въ его домъ подъ видомъ француза, недовольнаго порядками своего отечества. Мессонье обратился сперва ко мнѣ, все отъ имени моего двоюроднаго брата.

Когда я объ этомъ сказалъ Уилльямсу, онъ мнѣ предъявилъ письменное предупрежденіе, которое онъ получилъ нѣсколько дней тому назадъ отъ императора Франца I-го; въ немъ заключались точныя примѣты этого Мессонье и свѣдѣнія о томъ, какимъ способомъ онъ постарается проникнуть къ нему, Уилльямсу, въ качествѣ шпиона. Такъ какъ всѣ обстоятельства вполне согласовались съ дѣйствительностью, я отвѣтилъ Мессонье отъ имени Уилльямса, что онъ долженъ благодарить судьбу за то, что нашелъ въ лицѣ Уилльямса человѣка добросердечнаго, который не желалъ причинить ему несчастье; что, зная его намѣренія, я ему совѣтовалъ отказаться отъ нихъ и покинуть какъ можно скорѣй это государство, и даже предлагалъ выдать ему паспортъ, безъ котораго нельзя выѣхать изъ Русской имперіи. Мессонье, не смутившись, отрицалъ все и вздумалъ жаловаться на то, что его обвиняли въ промышлѣ, совершенно не подходившемъ, какъ онъ говорилъ, къ его характеру. Тщетно я его уговаривалъ не прикидываться, объяснивъ ему, что онъ не зналъ страны, въ которой находился, что въ ней французы на плохомъ счету (и это тогда была совершенная правда), и что за малѣйшій признакъ шпионства онъ навлечетъ на себя суровое обращеніе со стороны правительства, хотя бы онъ вздумалъ объяснить для своей защиты, что онъ прибылъ наблюдать не за русскими, но за англійскимъ посломъ. Все это было напрасно: онъ отказался выѣхать изъ Петербурга; а такъ какъ онъ былъ французъ и при томъ безъ всякой совѣсти, то скоро онъ былъ заподозрѣнъ. Въ виду того, что, по свѣдѣніямъ полиціи, онъ бывалъ въ домѣ Уилльямса, министерство запросило послѣдняго насчетъ Мессонье. Тогда Уилльямсъ ничего не скрылъ изъ того, что зналъ, и французъ былъ подвергнутъ строгому тюремному заключенію.

Когда маркизъ Л'Опиталь прибылъ въ Россію въ 1757 году въ качествѣ французскаго посла, онъ испросилъ освобожденіе Мессонье, и я узналъ послѣ, что онъ осмѣлился жаловаться на меня лично и что французскій дворъ причислилъ его жалобу къ тѣмъ претензіямъ, которыя онъ считалъ за мною, хотя въ дѣй-

¹⁾ Кн. Адамъ Чарторыйскій, сынъ кн. Августа-Александра Чарторыйскаго, русскаго воеводы, дяди Понятовскаго.

ствительности я все сдѣлалъ, что могъ, для него, чтобы предупредить этого француза о томъ, что его ожидало. Это не было, однако, единственнымъ случаемъ, когда мнѣ отплатили зломъ за тѣ услуги, которыя я оказывалъ.

Успѣхи Дугласа скоро сдѣлались столь осязательными, что Уилльямсу стало только противно на той сценѣ, на которой онъ надѣялся играть такую видную роль. Страстность его темперамента, чувствительность его нервовъ и оскорбленное самолюбіе скоро довели его до того, что онъ призналъ справедливость совѣта, даннаго ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ знаменитымъ англійскимъ хирургомъ Чесельдономъ, сказавшимъ ему: „устранитесь отъ дѣлъ, они для васъ пагубны“. Онъ сдѣлался болѣзненнымъ, скучнымъ; имъ такъ странно завладѣли впечатлѣнія отъ предметовъ, занимавшихъ его одинъ вслѣдъ за другимъ, что я видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ, поражавшій меня столько времени своимъ возвышеннымъ умомъ, ослабѣвалъ до такой степени, что онъ не могъ удерживаться отъ слезъ, когда два раза подъ рядъ ему не везло въ игрѣ, кончавшейся пустяками. Иногда, по ничтожному поводу, онъ поддавался, къ стыду своему, такимъ порывамъ гнѣва, отъ которыхъ онъ прежде воздерживался. Я помню, между прочимъ, одинъ вечеръ, когда, послѣ продолжительной бесѣды со мною и двумя англичанами, находившимися въ Петербургѣ, Комбомъ и Вудвардомъ, и съ пасторомъ англійской колоніи Дюморескомъ, разговоръ случайно перешелъ на нескончаемую тему о свободѣ воли и предопредѣленіи. Эти вопросы привели къ однороднымъ, изъ которыхъ по одному Уилльямсъ утверждалъ, что не было ни одного событія въ жизни человѣческой, счастливаго или несчастнаго, которое не могло бы быть приписано какой-нибудь ошибкѣ человѣка или какой-нибудь его заслугѣ.

Мнѣ казалось, что ударъ грома въ солнечный день, землетрясеніе въ странѣ, которая его никогда до того не испытывала, могли, напримѣръ, быть отнесены къ числу случайностей, которыя не въ силахъ была предупредить никакая человѣческая предусмотрительность и которыхъ было достаточно для того, чтобы разрушить самые хитросплетенные планы.

Каждый сказалъ свое слово: случилось, что всѣ собесѣдники объявили себя одного мнѣнія со мною, кромѣ Уилльямса, который былъ въ дурномъ расположеніи духа уже изъ-за того, что онъ одинъ остался при своемъ мнѣніи. Послѣдовала минута молчанія, но я имѣлъ неосторожность его прервать, выступивъ, я

уже не знаю, съ какимъ новымъ доводомъ въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Тогда Уилльямсъ не выдержалъ, и, вставъ какъ сбѣсившійся, онъ сказалъ: „я не могу выносить такое противорѣчіе мнѣ въ моемъ домѣ; я прошу васъ изъ него выйти и объявляю, что не хочу васъ болѣе видѣть во всю мою жизнь“. Затѣмъ онъ насъ оставилъ, хлопнувъ за собой дверь въ своей спальнѣ. Остальные гости разошлись; я остался одинъ, предавшись самымъ грустнымъ и тяжелымъ размышленіямъ.

Я говорилъ себѣ: съ одной стороны—какъ вынести такое оскорбленіе, но съ другой—какъ за него отплатить? Онъ—посоль, но еще болѣе онъ—мой благодѣтель, такъ какъ онъ служилъ мнѣ гувернеромъ, наставникомъ, опекуномъ. Мои родители довѣрили меня ему.

Онъ меня любилъ такъ продолжительно и такъ нѣжно.

Онъ, безъ сомнѣнія, не правъ, но я, зная въ особенности его состояніе, долженъ былъ бы болѣе пощадить его щепетильность.

Подъ вліяніемъ самыхъ противоположныхъ чувствъ, я направился машинально къ двери его спальни; онъ отказался ее отворить.

Возвратившись въ комнату, гдѣ произошелъ споръ, я наткнулся на полуоткрытую стеклянную дверь, ведущую на балконъ, куда я вступилъ.

Была уже ночь. Опершись объ рѣшетку балкона, я углубился въ размысленіе; отчаяніе овладѣвало мною. Нога моя уже подымалась, чтобъ перешагнуть за рѣшетку, когда я почувствовалъ вдругъ, что какая-то сила увлекала меня назадъ. То былъ Уилльямсъ, который появился въ этотъ моментъ.

Онъ спросилъ у своихъ людей, что я дѣлалъ. Ему сказали, что я уже довольно давно находился на балконѣ. Онъ вбѣжалъ туда и спасъ меня.

Нѣсколько минутъ мы стояли оба не въ силахъ вымолвить ни слова другъ другу.

Наконецъ, онъ провелъ меня въ свою комнату. Когда голосъ возвратился у меня, я ему сказалъ: „Убейте меня скорѣе, но не говорите, что вы не хотите меня видѣть“. Онъ мнѣ отвѣтилъ, обнявъ меня со слезами на глазахъ, и, продержавъ меня нѣкоторое время въ объятіяхъ, просилъ никогда не вспоминать о случившемся и не дѣлать о томъ упоминанія. Я счелъ за счастье обѣщать ему это.

Положеніе мое на этомъ балконѣ становилось ужаснымъ вслѣд-

ствіе состоянія моего сердца, которое въ то время было увлечено самымъ сильнымъ и искреннимъ образомъ. Моя душа, а равно мои чувства были преисполнены привязанности, нѣжности и уваженія, доходившаго до обожанія. Уилльямсъ былъ моимъ довѣреннымъ, моимъ совѣтникомъ и моимъ пособникомъ. Ему, какъ послу, легко было имѣть доступъ къ особѣ, къ которой открыто я не могъ подходить; черезъ него я получалъ тьму сообщеній. По той же причинѣ его домъ, въ которомъ я жилъ, являлся для меня такимъ вѣрнымъ убѣжищемъ, какого я не могъ бы найти въ другомъ мѣстѣ. Я бы лишился всего этого, если бы я прервалъ сношенія съ Уилльямсомъ. Могъ ли я даже знать, что послѣ такой явной размолвки я буду увѣренъ въ моей тайнѣ и въ тайнѣ той особы, благо которой я ставилъ выше моего собственнаго. Въ другое время я бы съ негодованіемъ отбросилъ одну мысль о возможности такого коварства со стороны Уилльямса. Но изъ всего происшедшаго я имѣлъ основаніе подозрѣвать, что его умъ разстраивался и что, увлеченный порывомъ страстей, онъ былъ въ состояніи совершить самые неблагоприятные поступки безъ того, чтобы они могли быть ему, какъ бы сказать, вмѣняемы. Этотъ страхъ меня покинулъ, какъ только мы помирились, такъ какъ я любилъ его почти какъ отца и такъ какъ я имѣлъ эту существенную потребность въ отцѣ, которая является двигателемъ жизни и особенно молодости ¹⁾. Именно Уилльямсу было поручено повѣдать Бестужеву, бывшему тогда великимъ канцлеромъ Россійской имперіи, эту тайну. Болѣе шести мѣсяцевъ она ускользала отъ него, несмотря на его бдительность, на его шпионовъ и даже на его особенное желаніе, которое его сильно озабочивало, управлять привязанностями принцессы, обожасмой до такой степени, что самъ былъ влюбленъ въ нее. Онъ тщетно пытался предоставить ей любимцевъ по своему выбору; съ этой цѣлью онъ намѣтилъ одного графа Лендрофа ²⁾, который

¹⁾ Это мѣсто является не совсемъ понятнымъ, почему приводимъ его въ подлинникѣ: „parceque je l'aimais presque comme un père et parceque j'avais ce besoin essentiel des pères qui fait le ressort de la vie et surtout de la jeunesse“.

²⁾ Собственноручное замѣчаніе Понятовскаго: „Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ послѣ“. Въ текстѣ стоитъ: „comte Lehndroff“. Въ Пруссіи существуетъ и теперь семейство графовъ Лэндорфъ (Lehndorff), родоначальникъ котораго Агасферъ Лэндорфъ (1634—1694) былъ возведенъ въ графское достоинство Римской Имперіи въ 1687 г.; у его сына Агасфера Эрнста (1691—1781 г.) было два сына, изъ которыхъ старшій, графъ Гергартъ Эрнстъ, родившійся въ 1734 г., прусскій капитанъ гвардейской пѣхоты, соответствуетъ тому, что говорится въ запискахъ Понятовскаго: онъ былъ молодъ, ему было въ 1755 году 21 годъ и умеръ онъ дѣйствительно скоро послѣ того—отъ ранъ полученныхъ въ сраженіи подъ Гохкирхеномъ въ 1758 г. Намъ, однако,

представленъ былъ ко двору въ одинъ день со мною и котораго любопытные придворные въ тотъ же вечеръ восхваляли нарочно великой княгинѣ. Она отвѣтила, что изъ обоихъ полякъ ей болѣе нравился. Эти слова, сказанныя ею безъ всякаго намѣренія, были замѣчены Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, бывшимъ тогда камеръ-юнкеромъ при ней, а теперь оберъ-штальмейстеромъ, который, скоро познакомившись со мной, стараясь сблизиться, передалъ мнѣ эти слова и продолжалъ мнѣ пересказывать все, что могло внушать мнѣ надежду. Долго я избѣгалъ его льстивыхъ рѣчей, мой умъ былъ такъ предубѣжденъ противъ козней и шпіонства придворныхъ вообще и въ частности противъ опасности, угрожавшей мнѣ при настоящемъ дворѣ. Мнѣ чудились страшные рассказы изъ царствованія Анны Іоанновны, отъ имени которой русскіе еще содрогались. Я зналъ, что у меня былъ предшественникъ въ лицѣ Салтыкова ¹⁾, котораго царствующая Елисавета удалила подъ видомъ миссіи въ Гамбургъ, но я не зналъ, что великая княгиня имѣла основанія быть имъ недовольной ²⁾. Впрочемъ, я воображалъ себѣ послѣднюю преимущественно занятой честолюбіемъ. Я думалъ, что она — ярая сторонница Пруссіи, тогда какъ я былъ воспитанъ въ самомъ полномъ отвращеніи ко всему прусскому. Я въ ней предполагалъ столько презрѣнія ко всему, что не напоминало Вольтера. Однимъ словомъ, она мнѣ представлялась до такой степени иною, чѣмъ она была, что не только изъ осторожности, но по недостатку желанія, я въ теченіе трехъ мѣсяцевъ старательно избѣгалъ всего того, что мнѣ казалось одною ловушкою въ рѣчахъ Нарышкина.

Онъ велъ себя какъ придворный, предугадывавшій желанія, которыхъ ему не довѣрили и надѣявшійся когда-нибудь заслужить своею смѣлостью благорасположеніе великой княгини, при которой находился, ввергая ее противъ ея воли, какъ бы сказать, въ пропасть. Онъ мнѣ наговорилъ столь много, что я рѣшился предпринять нѣсколько шаговъ, особенно когда вслѣдствіе одного

не удалось выяснитъ, по какому поводу онъ пріѣзжалъ въ 1755 г. въ С.-Петербургъ и представлялся ко двору.

¹⁾ Сергій Васильевичъ Салтыковъ, камергеръ великаго князя Петра Фёдоровича, женатый на фрейлинѣ императрицы, Матренѣ Павловнѣ Балкѣ. Его связь съ Екатериной продолжалась съ 1752 по 1754 годъ. 20 сентября этого года родился великій князь Павелъ Петровичъ. Салтыковъ былъ посланъ въ Стокгольмъ съ объявленіемъ о рожденіи великаго князя; въ декабрѣ 1754 года онъ вернулся въ С.-Петербургъ и назначенъ былъ посланникомъ въ Гамбургъ.

²⁾ Екатерина въ своихъ запискахъ жалуется на то, что Салтыковъ рассказывалъ за границей многое, о чемъ ему слѣдовало молчать. Соч. импер. Екатерины II, т. XII, стр. 357.

слова, сказаннаго мною Нарышкину относительно одной дамы, которую я видалъ при дворѣ, великая княгиня, проходя скоро послѣ того мимо меня, обратилась ко мнѣ со смѣхомъ и повторила почти тѣ же слова, которыя я сказалъ, прибавивъ: „Вы, какъ вижу, живописецъ“. Скоро послѣ того я осмѣлился послать записку, на которую Нарышкинъ принесъ мнѣ на слѣдующій день отвѣтъ. Тогда я позабылъ о существованіи Сибири. Нѣсколько дней спустя, Нарышкинъ меня повелъ къ ней самой. Онъ предупредилъ ее только, когда я уже стоялъ у двери ея кабинета въ такую вечернюю пору и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно было опасаться прохода великаго князя четверть часа послѣ прихода. Такимъ образомъ, великой княгинѣ ничего не осталось дѣлать другого, какъ впустить меня къ себѣ, иначе она подвергла бы и себя, и меня великой опасности ¹⁾.

Ей было двадцать-пять лѣтъ ²⁾. Она почти только-что встала послѣ своихъ первыхъ родовъ ³⁾; въ ту пору она достигла той степени красоты, которая для всякой женщины, если ей суждено быть красивой, обыкновенно является самой высшей.

Волосы у нея были черныя при ослѣпительной бѣлизнѣ кожи и самомъ яркомъ румянцѣ; большіе голубые выпуклые глаза, очень выразительные, рѣсницы черныя и очень длинныя ⁴⁾, греческій носъ, ротъ, который, какъ казалось, просилъ поцѣлуя, руки и плечи верхъ совершенства, станъ гибкій, скорѣе высокій, походка крайне проворная, но вмѣстѣ съ тѣмъ преисполненная благородства, звукъ голоса пріятный, а смѣхъ такой же веселый, какъ ея расположеніе духа, вслѣдствіе котораго она переходила съ такою же легкостью отъ самой шаловливой дѣтской игры къ таблицѣ съ шифрами, не пугаясь физическаго напряженія, потребнаго для разбора ея текста, какъ бы серьезень и сложенъ ни былъ самый предметъ занятій. Стѣсненное положеніе, въ которомъ она находилась со времени своего брака, а также отсутствіе всякаго общества, соотвѣтствовавшаго ея уму, заставили ее прибѣгнуть къ чтенію. Она знала очень многое. Ласковая, умѣющая схватить слабую сторону всякаго, она съ того времени, приобрѣтая любовь народа, пробивала путь къ престолу, который она заняла впоследствии съ такою славою. Такова была та женщина, которую я полюбилъ и которая сдѣлалась вершительницей моей судьбы; вся моя жизнь была ей предана, гораздо искреннѣе, чѣмъ то

¹⁾ Начало этой связи должно быть отнесено къ декабрю 1755 года.

²⁾ Екатерина родилась 21 апрѣля (2 мая) 1729 года.

³⁾ Великій князь Павелъ Петровичъ родился 20 сентября 1754 года.

⁴⁾ Слова: „Les cils noirs et longs“ прибавлены рукою Понятовскаго.

говорять обыкновенно всѣ тѣ, которые находятся въ такомъ же положеніи.

По странной случайности мнѣ пришлось ей преподнести, хотя мнѣ уже было двадцать-два года, то, чѣмъ никто еще не пользовался (*ce que personne n'avait eu*) ¹⁾.

Первоначально строгое воспитаніе меня удалило отъ всякой гнусной связи, отъ которой впослѣдствіи меня оградило въ моихъ путешествіяхъ желаніе выйти въ люди и держаться въ такъ называемомъ (особенно въ Парижѣ) хорошемъ обществѣ. Вслѣдствіе стеченія разныхъ мелкихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ знакомства, которыя случалось мнѣ дѣлать въ иностранныхъ краяхъ и въ Польшѣ, а также въ самой Россіи, мнѣ какимъ-то страннымъ образомъ посчастливилось сохранить себя какъ бы нарочито цѣлымъ для той, которая съ той поры распоряжалась моей судьбою.

Я не могу отказаться отъ удовольствія упомянуть здѣсь о самомъ нарядѣ, въ которомъ я ее засталъ въ этотъ день: то было простое платье изъ бѣлаго атласа, легкая кружевная нашивка съ розовыми лентами служила единственнымъ ея украшеніемъ. Она, такъ сказать, не понимала, какъ было возможно, чтобъ я въ дѣйствительности очутился въ ея кабинетѣ; правда, что я часто послѣ того спрашивалъ себя самого, когда мнѣ приходилось, во время придворныхъ приемовъ, проходить мимо столь многочисленной стражи и прислужниковъ разнаго рода, какъ это случилось, что я уже столько разъ проникалъ, какъ бы окруженный туманомъ, въ такія мѣста, въ которыя я не смѣлъ даже заглянуть при свидѣтеляхъ.

Я сказалъ, что это былъ Уилльямсъ, который передалъ Бестужеву о томъ участіи, которое принимала великая княгиня во мнѣ. Въ томъ ощущалась необходимость; нужно было приостановить дѣйствіе пружинъ, которыми двигалъ этотъ канцлеръ для того, чтобы вызвать обратно Салтыкова, пребывавшаго тогда въ Гамбургѣ, которому великая княгиня вмѣсто того, чтобъ видѣться съ нимъ въ Россіи, предпочитала отнынѣ продолжить высылку вспомошествованій по должности, имъ тамъ занимаемой. Къ тому же нужно было обязать Бестужева воспользоваться вліяніемъ, которымъ онъ располагалъ отъ имени императрицы, на саксонскій кабинетъ, съ тою цѣлью, чтобъ я могъ вернуться въ Петербургъ по назначенію этого правительства.

¹⁾ Вмѣсто этихъ словъ, приписанныхъ между строками рукою Понятовскаго, стояло зачеркнутое имъ: „des prémices que je n'avais point perdues ni à Paris, ni à Londres“, т.-е. „дѣвственность, которой я не потерялъ ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ“.

Достаточно было четырехъ строкъ, написанныхъ собственноручно великой княгиней и представленныхъ Бестужеву Уильямсомъ, для того, чтобъ получить желаемое обѣщаніе отъ канцлера.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ сказать, кто былъ этотъ канцлеръ Бестужевъ ¹⁾.

Родившись въ царствованіе Петра I, онъ былъ отправленъ, по его приказанію, на службу или скорѣе на воспитаніе къ двору курфюрста ганноверскаго, который его послалъ, вскорѣ послѣ того, къ самому Петру I съ возвѣщеніемъ о своемъ вступленіи на англійскій престолъ подъ именемъ Георга I. Петръ Великій такъ обрадовался при видѣ молодого русскаго, уже немного отшлифованнаго по иностранному и находившагося на службѣ европейскаго государя, что съ перваго же раза отнесся къ нему благосклонно и назначилъ его, нѣкоторое время спустя, своимъ резидентомъ въ Гамбургѣ.

Послѣ того онъ получилъ назначеніе ко двору датскому и шведскому. По смерти императрицы Анны, онъ находился въ С.-Петербургѣ и, какъ надо полагать, игралъ уже тогда важную роль, такъ какъ фельдмаршалъ Минихъ, свергая регента Бирона, герцога курляндскаго, призналъ Бестужева достойнымъ, чтобъ его заточили въ крѣпость, какъ государственнаго преступника. Бестужевъ былъ заключенъ въ нарвскую крѣпость, а потомъ его перевели въ Копорье. Послѣ объявленія великой княгини Анны Леопольдовны правительницей, Бестужевъ былъ освобожденъ изъ крѣпости, когда Минихъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей.

Елисавета, вступивъ на престолъ, назначила его великимъ канцлеромъ, т.-е., согласно штатамъ этого двора, начальникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ и, какъ бы сказать, первымъ министромъ. Пока онъ не оживлялся, онъ не умѣлъ сказать четырехъ словъ подъ рядъ и казался заикавшимся. Коль скоро разговоръ его интересовалъ, онъ находилъ и слова, и фразы, хотя очень неправильныя, но полныя силы и огня, которыя изрекалъ ртомъ, снабженнымъ четырьмя обломками зубовъ, и сопровождался сверкающимъ взглядомъ его маленькихъ глазъ. Выступавшія у него багровыя пятна на синеватомъ лицѣ придавали ему еще болѣе страшный видъ, когда онъ приходилъ въ гнѣвъ, что случалось съ нимъ часто, а когда онъ смѣялся, то былъ смѣхъ сатаны. Онъ понималъ отлично по-французски, но

¹⁾ Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (1693—1767).

предпочиталъ говорить по-нѣмецки съ иностранцами, которые владѣли этимъ языкомъ.

Не умѣя писать ни на одномъ языкѣ и не зная ничего, какъ бы сказать, самъ по себѣ, онъ судилъ о работѣ другихъ по врожденному чувству и почти всегда правильно. Онъ не обладалъ никакими приобрѣтенными познаніями по части искусствъ, но все-таки можно было биться о закладъ, что изъ нѣсколькихъ рисунковъ тотъ, который онъ выберетъ, будетъ самымъ красивымъ, особенно если дѣло касалось предметовъ, которымъ свойственны благородство и величіе, какъ, на примѣръ, произведеній архитектуры. Господствовать безпрепятственно было его страстью.

Иногда онъ былъ способенъ на благородные поступки, именно потому, что онъ по чутью понималъ красоту всякаго рода, но ему казалось столь естественнымъ устранять все, что мѣшало его намѣреніямъ, что онъ не останавливался ни передъ какими средствами. Его душа омрачилась еще болѣе пережитыми имъ событіями тѣхъ страшныхъ царствованій, при которыхъ онъ возвысился. Предлагая оказать услугу тѣмъ, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, даже съ помощью средствъ самыхъ неблагоприятныхъ, онъ находилъ весьма страннымъ, чтобы можно было совѣститься.

Какъ во всемъ, онъ былъ настойчивъ въ томъ, чего хотѣлъ. Онъ всю свою жизнь былъ приверженцемъ Австріи, до ярости отъявленнымъ врагомъ Пруссіи. Вслѣдствіе этого онъ отказался отъ милліоновъ, которые ему предлагалъ прусскій король. Но онъ не совѣстился принять подношеніе и даже просить о немъ, когда онъ говорилъ съ министромъ Австріи, или Англіи, или Саксоніи, или другого какого-либо двора, которому онъ считалъ нужнымъ благодѣтельствовать для пользы своего собственнаго отечества. Принять подачку отъ государя, связаннаго дружбой съ Россіей, было по его понятіямъ не только въ порядкѣ вещей, но своего рода признаніемъ могущества Россіи, славы которой, по-своему, онъ дѣйствительно желалъ.

Обыкновенно онъ оканчивалъ день, напиваясь съ однимъ или двумя пріятелями. Нѣсколько разъ онъ являлся въ нетрезвомъ видѣ къ императрицѣ Елисаветѣ, которая питала отвращеніе къ этому пороку, что ему навредило въ ея глазахъ.

Часто предаваясь гнѣву до ярости, онъ всегда былъ кротокъ и терпѣливъ со своею женою ¹⁾, которую онъ справедливо

¹⁾ Анна Ивановна, рожденная Беттихеръ, дочь русскаго резидента въ Гамбургѣ, гофмейстерина императрицы Елисаветы, † 13 декабря 1761 г.

называлъ своею Ксантипой съ той поры, какъ кто-то ему разсказалъ исторію Сократа. Онъ ее нашель въ Гамбургѣ, гдѣ женился; она была незнатнаго происхожденія; въ молодости была красива, имѣла дарованія къ музыкѣ, была умна и весьма причудлива. Она его подчинила до такой степени, что при мнѣ Бестужевъ выслушалъ въ полномъ молчаніи цѣлый потокъ самыхъ грубыхъ оскорбленій, которыя его супруга ему нанесла за обѣдомъ изъ-за одного слова порицанія, которое сорвалось у него противъ ихъ родного сына ¹⁾. Между тѣмъ этотъ сынъ въ самомъ дѣлѣ былъ мерзкій и гнусный уродъ.

Такая материнская ярость Бестужевой являлась тѣмъ болѣе странной, что она, не прощавшая никогда отцу этого негодяя, если Бестужевъ говорилъ что-нибудь дурное о сынѣ, часто сама жаловалась иностранцамъ на свое несчастіе быть матерью такого урода. Въ этотъ же день она мнѣ разсказала ужасы про него. Она благосклонно относилась ко мнѣ; она говорила, что я приношу ей счастье въ игрѣ; она сажала меня рядомъ съ собой за столомъ, и каждый разъ, какъ я обѣдалъ у нея, она начинала говорить о своихъ недугахъ, о томъ, что слѣдуетъ постоянно быть приготовленнымъ къ смерти, и объ отвращеніи, которое она имѣла къ радостямъ этого міра и даже къ пищѣ всякаго рода.

На это я ей представлялъ, что всякое самоубійство противорѣчитъ началамъ христіанства. Она съ этимъ соглашалась, кушала немного и начинала мнѣ проповѣдывать въ пользу лютеранства, противопоставляя ему то, что она называла заблужденіями католичества, прибавляя однако, что Лютеръ совершилъ ошибку, вступивъ въ бракъ съ Екатериной Боръ, такъ какъ, говорила она, не надо вступать въ бракъ, разъ данъ обѣтъ безбрачія. Я съ нею соглашался по этому поводу; я ей передавалъ блюда, которыя, какъ было мнѣ извѣстно, она предпочитала; она называла меня своимъ пріемнымъ сыномъ, и уже въ концѣ второго блюда она начинала обыкновенно мнѣ разсказывать скандалы двора и города, не избѣгая именъ и кличекъ, и все это такъ громко, что она меня смѣшила, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляла трепетать.

¹⁾ Графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ-Рюминъ, при Елисаветѣ Петровнѣ генераль-поручикъ, а въ день коронаванія Екатерины II уволенъ со службы съ чиномъ дѣйствительнаго тайн. сов., умеръ въ 1767 г. Со смертью его пресѣклась графская вѣтвь Бестужевыхъ-Рюминыхъ; онъ не имѣлъ дѣтей отъ двухъ своихъ браковъ съ Евдокіей Давиловной Разумовской и съ княжной Анной Петровной Долгоукой, впослѣдствіи графиней Витгенштейнъ.

Но какова бы она ни была, въ сущности, мужъ ее любилъ; она имѣла вліяніе на его умъ, она была очень оригинальна, и я ее всегда называлъ мамашей ¹⁾. Несмотря на всѣ злбныя рѣчи, которыя она высказывала такъ часто и такъ неосмотрительно насчетъ императрицы, тогда царствовавшей и хорошо знавшей то, что говорилось про нее, Елисавета Петровна отличала Бестужева въ обращеніи. Здѣсь умѣстно будетъ сказать, кто же была эта императрица Елисавета.

По смерти Петра Великаго ²⁾, во время короткаго царствованія Екатерины I ³⁾, которая не умѣла писать, ея дочери Елисаветѣ было поручено подписываться за ея мать.

Она обыкновенно приказывала своей дочери прикладывать руку по неграмотности ея матери къ бумагамъ, которыя должны были быть скрѣплены императорскою печатью, въ кабинетѣ, прилегавшемъ къ комнатѣ Екатерины, двери которой были открыты. Елисавета приказывала прислужницѣ переворачивать листы, такъ что Екатерина могла думать, по шелесту переворачиваемыхъ листовъ, что бумаги подписывались; но когда она заходила въ комнату, чтобы взять бумаги, она часто не находила дочери, которая пользовалась этимъ временемъ для любовныхъ свиданій, такъ что было иногда очень трудно ее отыскать. Екатерина не была строгою матерью; вслѣдствіе гласности и немалого числа ея любовныхъ походовъ и страсти къ пьянству, которой она была предана вдобавокъ, ея дочери пользовались большою свободою, а дѣйствительное управление дѣлами государства ею было оставлено въ рукахъ Меншикова, какъ по причинѣ личной ея неспособности, такъ и изъ чувства благодарности.

Меншиковъ ⁴⁾ и архіепископъ Теофанъ удостовѣрили слухъ, что Петръ I, вѣнчая Екатерину на царство, тѣмъ самымъ имѣлъ въ виду назначить ее государыней послѣ своей смерти ⁵⁾. Смѣлость завершила остальное. Но Петръ былъ совершенно чужды мысли передать по своей смерти престолъ Екатеринѣ, особенно послѣ того, какъ онъ открылъ любовную связь своей жены съ

¹⁾ Эти слова зачеркнуты Понятовскимъ.

²⁾ Петръ I умеръ 28 января 1725 г.

³⁾ Оно продолжалось съ 28 января 1725 г. по 6 мая 1727 г.

⁴⁾ Фельдмаршалъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, сосланный въ 1727 г., при Петрѣ II, въ Березовъ, гдѣ онъ умеръ въ 1729 г.

Со слова „Меншиковъ“—собственноручная вставка Понятовскаго, замѣнившая первоначальный текстъ, имъ зачеркнутый: „Меншиковъ составилъ подложное духовное завѣщаніе отъ имени Петра Великаго, по которому онъ будто бы назначилъ ее самодержавной государыней послѣ своей смерти“.

⁵⁾ Конецъ вставки.

камергеромъ Монсомъ ¹⁾. За три недѣли до своей смерти, Петръ велѣлъ казнить Монса. Онъ не удовлетворился тѣмъ, что приказалъ его повѣсить, но повезъ императрицу въ саняхъ какъ бы на прогулку вокругъ висѣлицы Монса. Я знаю, что сотня писателей, между прочими и Вольтеръ, утверждали, что Петръ Великій нашелъ въ Екатеринѣ Первой женщину, стоявшую выше своего пола и всѣхъ русскихъ мужей и единственно способную продолжать предпринятые имъ труды. Но то, что Меншиковъ подложно выдумалъ, что лесть утверждала въ продолженіе жизни Екатерины I, что повторяли съ того времени изъ любви къ чудесному, — все это не должно служить препятствіемъ къ тому, что все мною сказанное было сущою правдою; я это знаю изъ вѣрнаго источника.

Одинъ изъ мужей этой націи, котораго правдивость обще-признана, передалъ мнѣ рассказъ, слышанный имъ отъ своего отца, командовавшаго однимъ изъ гвардейскихъ полковъ при смерти Петра I, и заключавшійся въ томъ, что этотъ императоръ составилъ духовное завѣщаніе, что его любимый карликъ Лука ²⁾ зналъ мѣсто нахождения этого завѣщанія. Но Лука исчезъ въ день смерти Петра I и появился семнадцать лѣтъ послѣ него, когда императрица Елисавета приказала его найти и доставить изъ Сибири.

Это подложное завѣщаніе было уничтожено, и Меншиковъ царствовалъ именемъ Екатерины I ³⁾.

Екатерина занимала престолъ съ 1725 по 1727 г., а я пріѣхалъ въ Россію двадцать-восемь лѣтъ послѣ того; еще жили тысячи свидѣтелей этого царствованія, они мнѣ его описывали

¹⁾ Камергеръ Монсъ (1688—1724).

²⁾ Въ реестрѣ придворнымъ и дворцовымъ служителямъ за 1725 г. на листѣ 472 значится послѣ списка деньщиковъ Карла Лука Частихинъ. Въ книгѣ исходящихъ бумагъ кабинета записанъ 7 января 1727 указъ, данный государственному канцлеру графу Г. И. Головкину на изготовленіе диплома Карлу Лукѣ Частихину, котораго императрица Екатерина 24 ноября 1726 г. пожаловала баронскимъ достоинствомъ за его вѣрныя службы. Гос. арх., кабинетъ Петра Великаго, II, книга 74; IX разр., № 6.

³⁾ Со словъ: „Одинъ изъ мужей“ до слова: „Екатерины I“—собственноручная вставка Понятовскаго.

Приведенное сказаніе принадлежитъ къ числу слуховъ, которые очевидно были сочинены и передавались при дворѣ. Извѣстно, что наканунѣ смерти 27 января 1724 г. Петръ въ исходѣ второго часа потребовалъ бумаги, началъ было писать, но перо выпало изъ его рукъ. Изъ написаннаго могли разобрать только слова: „Отдайте все“. Потомъ Петръ велѣлъ позвать дочь Анну Петровну, чтобъ она написала подъ его диктовку, но когда она подошла къ нему, то онъ не могъ сказать ни слова. На другой день, 28 января, въ началѣ шестого часа пополудни, онъ умеръ.

безъ увлеченія и интереса; каждая малѣйшая подробность, которую они мнѣ передавали, согласовалась съ главнымъ разсказомъ; всякій угадаетъ, кто мнѣ его сдѣлалъ. По смерти Екатерины I, Петръ II, внукъ Петра I, вступилъ на престолъ; Долгорукіе завладѣли его умомъ, сослали Меншикова въ Сибирь; но ихъ могущество прекратилось съ жизнью Петра II, унесеннаго оспою въ могилу въ его первой молодости ¹⁾.

Повидимому, событіе должно было возвести на престолъ или старшую дочь Петра Великаго, великую княгиню Анну, или младшую — Елисавету.

Но первая была съ мужемъ въ Голштиніи; Елисавета, которая не имѣла мужа, была, однако, тогда въ родахъ: Россія и ея тогдашнее правительство были въ такомъ состояніи, что случай и смѣлость могли все рѣшить.

Немногіе верховники и въ особенности Долгорукіе нашли моментъ удобнымъ, чтобы сдѣлаться аристократами. Они сочинили формулу присяги съ цѣлью ограниченія будущаго государя, а такъ какъ дѣти Іоанна, старшаго брата Петра I, умершаго до него, питали меньше надежды на вступленіе на престолъ, чѣмъ дѣти Петра I, то эти верховники дали первымъ преимущество, надѣясь на ихъ уступчивость.

Герцогиня Мекленбургская, старшая дочь царя Іоанна Алексѣевича, была въ Москвѣ; можетъ быть, по этой причинѣ ее и исключили.

Ея младшая сестра, Анна, вдова герцога Курляндскаго, проживала въ Митавѣ. Верховники захватили ее врасплохъ, предложивъ ей вѣнецъ на царство.

Чѣмъ менѣе она была подготовлена къ этому, тѣмъ скорѣе согласилась на все, чего отъ нея потребовали. Можетъ быть, на ея возведеніе имѣли вліяніе слова, сказанныя Петромъ I, которыя вспомнили; онъ однажды сказалъ этой великой княгинѣ, которую онъ уважалъ: „Жаль, что ты не мальчикъ“.

Она вѣнчалась на царство въ Москвѣ ²⁾, послѣ того какъ принесла присягу, по которой она пріобщала къ своей власти этихъ верховниковъ. Но одинъ изъ нихъ, князь Черкасскій ³⁾,

¹⁾ Онъ царствовалъ съ 7 мая 1727 г. по 18 января 1730 г.

²⁾ 28 апрѣля 1730 г.

³⁾ Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, впоследствии государственный канцлеръ (род. 1630 † 4 ноября 1742). Понятовскій ошибочно причисляетъ его къ верховникамъ; Черкасскій членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не былъ; при вступленіи Анны Іоанновны на престолъ въ 1730 г. онъ стоялъ во главѣ одной изъ шляхетскихъ группъ, дѣйствовавшихъ противъ верховниковъ.

представилъ ей, нѣсколько недѣль послѣ того, прошеніе, въ которомъ говорилось какъ будто бы отъ всего народа, что онъ не можетъ быть счастливъ иначе какъ подъ властью самодержавною, какою была власть предшественниковъ Анны Іоанновны; вслѣдствіе чего ее умоляли не раздѣлять своей власти ни съ кѣмъ.

Анна Іоанновна заставила себя легко убѣдить въ томъ, что таково было желаніе всей Россіи.

Она объявила себя государыней самодержавной.

Новая присяга была истребована по всей Россіи; пытками и казнями истреблено было въ десять лѣтъ царствованія Анны Іоанновны столько Долгорукихъ и другихъ именитыхъ русскихъ, что можно удивляться, находя въ Россіи еще людей съ этой фамиліей.

Ясно, что въ это царствованіе страха и самаго ужаснаго деспотизма цесаревна Елисавета Петровна подвергалась бдительному надзору.

Первоначально думали выдать ее поскорѣе замужъ. Дѣйствительно, были начаты нѣкоторые переговоры о выдачѣ ея за короля Франціи Людовика XV ¹⁾.

Затѣмъ Кули-Ханъ просилъ ея руки для себя ²⁾. Всѣ эти переговоры только зарождались, а такъ какъ Елисавета Петровна была исключительно занята своими удовольствіями, то признали, что ея не стоитъ опасаться.

Послѣ смерти Анны Іоанновны, Биронъ ³⁾ представилъ завѣщаніе, которымъ она объявляла его регентомъ имперіи, впредь до совершеннолѣтія великаго князя Іоанна, сына принцессы Анны Мекленбургской, дочери старшей сестры императрицы Анны, замужемъ за принцемъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, младшимъ братомъ царствовавшаго герцога того же имени и старшимъ братомъ принца Фердинанда, который сражался столь славно противъ французовъ съ 1758 по 1763 г.

Биронъ былъ регентомъ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ онъ былъ такъ занятъ своей защитой противъ притязаній матери молодого Іоанна Антоновича, носившаго титулъ импера-

¹⁾ Мысль о бракѣ Елисаветы съ королемъ Людовикомъ XV принадлежала еще Петру I.

²⁾ Такмасъ Кули-Ханъ, шахъ персидскій, при воцареніи принявшій имя Надиръ-Шаха (р. 1688 + 1747 г.).

³⁾ Императрица Анна Іоанновна умерла 17 октября 1740 г. Курляндскій герцогъ Эрнстъ Іоаннъ Биронъ (1690—1772), въ 1741 г. сосланъ въ Селымъ; Елисавета Петровна перевела его въ Ярославль, вернулся же онъ при Петрѣ III; Екатерина II въ 1762 г. возвратила ему герцогство.

тора, что счелъ согласнымъ съ своей политикой немного приласкать самоё царевну Елисавету Петровну, которую онъ держалъ въ загонѣ во время царствованія Анны Іоанновны. Онъ, какъ говорятъ, предложилъ ей вступить въ бракъ съ его сыномъ Петромъ, теперешнимъ герцогомъ курляндскимъ. Но среди этихъ проектовъ фельдмаршалъ Минихъ, ни съ кѣмъ не сговорившись, съ помощью восемнадцати солдатъ, не знавшихъ, куда онъ ихъ велъ, низвергъ регентство Бирона ¹⁾, объявилъ правительницею принцессу Анну Леопольдовну, вскорѣ поссорился съ нею изъ высокомерія, сложилъ съ себя всѣ свои должности и собирался уѣзжать, когда дѣтское и мелочное тщеславіе ввергло его самого въ бѣду.

По его просьбѣ онъ получилъ отставку самую почетную.

Остерманъ составилъ ему панегирикъ для того только, чтобъ онъ поскорѣе уѣзжалъ; этотъ документъ даже былъ подписанъ, но Минихъ, увидавъ патенты, украшенные миниатюрами и трофеями, пожелалъ, чтобъ его указъ объ отставкѣ былъ украшенъ точно такъ же. Онъ зналъ о проискахъ, начатыхъ въ пользу Елисаветы; онъ видѣлъ слабость и упущенія правительства регентши, которая меньше занималась дѣлами, чѣмъ любовными похождениями съ саксонскимъ посланникомъ графомъ Линаромъ и своею распрєю съ принцемъ-супругомъ.

Впрочемъ, она была добра и снисходительна, и даже сама передавала Елисаветѣ о всѣхъ предупрежденіяхъ, которыя она получала на ея счетъ; она удовлетворилась клятвою, которую принесла ей Елисавета въ свое оправданіе.

Минихъ зналъ все это, предсказывалъ, что случилось, но отложилъ свой отъѣздъ на два дня для того, чтобы прибавили къ его указу объ отставкѣ какой-то турецкій тюрбанъ и лавровый вѣнокъ.

Пока живописецъ удовлетворялъ его желаніе, французскій посланникъ Ла-Шетарди ²⁾ настаивалъ передъ Елисаветой, чтобъ она рѣшилась сдѣлаться императрицей, потому что правительница была расположена къ Австріи, и потому что онъ самъ, будучи однимъ изъ любовниковъ великой княгини, рассчитывалъ

¹⁾ Фельдмаршалъ графъ Бурхардтъ-Христофоръ Минихъ (1683—1767) свергъ Бирона 8 ноября 1740 г., получилъ отставку 6 ноября 1741 г., сосланъ въ Пелымъ, откуда возвращенъ въ 1762 г.

²⁾ Маркизь де Ла-Шетарди, чрезвычайный французскій посолъ, прибылъ въ первый разъ въ декабрѣ 1739 г. и оставилъ Россію въ августѣ 1742 г.; во второй разъ онъ пріѣхалъ 25 ноября 1743 и былъ высланъ подъ военнымъ конвоемъ изъ Москвы 6 іюня 1744 г.

возвести на престолъ императрицу, дружественно расположенную къ Франціи.

Изъ дѣтей Петра Великаго лишь она одна еще была въ живыхъ. Она была красива, обходительна съ русскими всѣхъ слоевъ и, насколько незначительность ея состоянія ей позволяла, щедра въ отношеніи къ своимъ многочисленнымъ любовникамъ, изъ которыхъ большинство принадлежало къ гвардейцамъ или къ духовному сословію. Русскій народъ большею частью, еще не просвѣщенный и суевѣрный, ненавидѣлъ все, что казалось нѣмецкимъ съ той поры, какъ Биронъ и Минихъ проявили свою власть съ такимъ жестокимъ гнетомъ, управляя отъ имени императрицы Анны и принцессы Анны Леопольдовны.

Послѣдняя родилась въ Германіи, ея супругъ и ея любовникъ были нѣмцы; весь ея дворъ казался нѣмецкимъ. Ненависть русскихъ къ иностранцамъ сильно помогла Елисаветѣ образовать ея партію, хотя сама великая княгиня много труда къ тому не прилагала. Вялая и робкая, она откладывала исполненіе предначертаній своихъ друзей. Принцесса регентша Анна узнала о томъ и сама ее допрашивала по этому поводу. Елисавета подъятой клятвой отреклась отъ всего, но пока она говорила съ Елисаветой, Остерманъ ¹⁾, который стоялъ во главѣ управленія со времени увольненія Миниха, послалъ за Лестокомъ ²⁾, врачомъ Елисаветы, ея довѣреннымъ и посредникомъ между нею и Ла-Шетарди, душою всѣхъ ея совѣтовъ. Лестокъ, родившійся въ Германіи, но отъ родителей французомъ, выселившись изъ своего отечества, считался французомъ. Ловкій и смѣлый, онъ не пошелъ къ Остерману, но сказалъ великой княгинѣ, передавшей ему вопросъ правительницы:

„Вамъ необходимо рѣшиться быть императрицей въ эту же ночь, иначе завтра же вы будете заточены въ монастырь, а я колесованъ“.

Она не могла держаться на ногахъ отъ страха и нерѣшительности: тогда, говорятъ, она произнесла обѣтъ никого не подвергать смерти и казни, если она вступитъ на престолъ. Лестокъ почти насильно оттащилъ ее отъ наоя, у котораго она молилась, и, бросивъ въ сани, повезъ ее въ гвардейскія казармы, а оттуда во дворецъ.

Минихъ не командовалъ и посему болѣе не слѣдилъ за карауломъ; Остерманъ, свѣдущій въ кабинетныхъ дѣлахъ, не рас-

¹⁾ Графъ Генрихъ Іоаннъ Остерманъ (1686—1747), сосланъ въ Березовъ.

²⁾ Графъ Іоаннъ Германъ Лестокъ, въ 1748 г. сосланъ въ Угличъ, оттуда въ Великія Луки, откуда освобожденъ въ 1762 г. Петромъ III.

поражался войсками, которыя впрочемъ не были расположены къ главнокомандующему, къ супругу правительницы, такъ что еще до зари ¹⁾ Елисавета стала императрицей такъ же легко, какъ Анна сдѣлалась регентшей.

Вѣрная своему обѣту, она не казнила тѣхъ, которыхъ она перемѣстила, но она сослала Миниха туда, куда имъ былъ сосланъ Биронъ. Остермана сослали не такъ далеко. Принцесса Анна Леопольдовна, ея супругъ и ихъ сынъ были сперва отправлены въ Ригу, какъ будто для того, чтобъ ихъ выслать въ Германію, но, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Іоаннъ Антоновичъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургъ, откуда онъ не вышелъ; мать отправили въ сторону Москвы, гдѣ она умерла, родивъ еще другихъ дѣтей; послѣ ея смерти мѣсто пребыванія принца Ульриха осталось тайною.

Годъ спустя, двѣ дамы высшаго круга Бестужева ²⁾, невѣстка канцлера Бестужева, котораго Елисавета вернула изъ ссылки, и Лопухина ³⁾ подверглись наказанію кнутомъ; кромѣ того, имъ вырѣзали языки ⁴⁾.

Самъ Лестокъ, нѣкоторое время спустя, былъ сосланъ въ Сибирь. Въ оправданіе этихъ строгостей, мнѣ передавали болѣе или менѣе вѣскія основанія, большинство же объясняло ихъ исключительно сплетнями. Послѣ кроваваго управленія Анны Іоанновны, царствованіе Елисаветы Петровны показалось русскимъ все-таки милосерднымъ. Правда, что тысячи маленькихъ придирокъ, причиненныхъ женскою завистью, которыя Елисавета Петровна преувеличивала до невѣроятности, произвели очень чувствительныя разочарованія, вызвали опалы, даже потери состояній для многихъ, но не было все-таки смертныхъ приговоровъ, тогда какъ великая Елисавета, королева Англіи, обвиняется въ томъ, что приказала умертвить свою двоюродную сестру, другую королеву, изъ-за того, что она была красивѣе ея. Въ наружности Елисаветы Петровны можно было узнать черты лица ея отца, какими онъ представляются въ снимкѣ изъ воска съ его лица, хранящемся въ С.-Петербургской Академіи, съ той разницей, что крупныя черты Петра I соотвѣтствовали величинѣ его лица, тогда какъ у его дочери, за исключеніемъ

¹⁾ Переворотъ совершился въ ночь съ 6-го на 7-е декабря 1741 года.

²⁾ Жена оберъ-гофмаршала графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, графиня Анна Гавриловна, рожденная графиня Ягужинская.

³⁾ Жена вице-адмирала Степана Васильевича Лопухина, Наталія Ѳедоровна, рожденная Балкъ, извѣстная красавица.

⁴⁾ Это произошло въ 1743 г.

ея глазъ, прочія черты лица были очень мелки; его внѣшнее очертаніе казалось тѣмъ болѣе значительнымъ, что верхняя часть лба удалялась неимоверно назадъ, такъ что волосы у нея спереди начинали расти почти на самой макушкѣ. Ея волосы были рыжеваты; разстояніе отъ ея плечъ до верхней застежки ея корсета было громадное; несмотря на всѣ эти недостатки, это была женщина, которая могла нравиться и очень нравилась. Глаза у нея были большіе и красивые, носъ невеликій, ротъ маленькій, зубы прекрасные. Тѣло казалось очень крѣпкимъ и бѣлымъ; руки отличались своимъ совершенствомъ и были поразительно малы, онѣ, какъ будто, не могли принадлежать такому туловищу.

Она была, впрочемъ, очень легка въ походкѣ и на сѣдлѣ; я самъ видѣлъ, какъ она изящно и благородно танцевала менуэтъ.

Она одѣвалась и причесывалась преимущественно въ торжественные дни очень своеобразно, что, дѣйствительно, увеличивало какъ бы волшебное впечатлѣніе, которое она производила среди своего двора своею внѣшностью и своимъ обращеніемъ.

Она являлась всего привлекательнѣе, когда она смотрѣла прямо на васъ, профиль ей былъ меньше къ лицу; при взглядѣ на нее сбоку чрезвычайно выступала выпуклость ея лба и груди.

При ея воцареніи, человѣкомъ, къ которому она болѣе другихъ была привязана, былъ пѣвчій ея капеллы, малороссъ по происхожденію. Уѣзжая въ казармы передъ переворотомъ, вслѣдствіе котораго она сдѣлалась императрицей, она, какъ говорятъ, заперла своего любовника на ключъ, чтобъ онъ не раздѣлялъ съ нею опасности. Будучи императрицей, она его осыпала орденами, назначила его фельдмаршаломъ, сочеталась съ нимъ тайнымъ бракомъ, и хотя она впоследствии ему много разъ измѣняла, но, однако, держала его съ почестью и постоянно при себѣ. Онъ назывался графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ ¹⁾.

Широкоплечій, тяжеловѣсный, Алексѣй Разумовскій обладалъ красивой наружностью; на его внѣшности отражалась его душа, мягкая, тихая, лѣнивая до безконечности, но не лишенная смелости.

Его не разъ предупреждали насчетъ новой возрождавшейся привязанности императрицы. Его отвѣтъ (когда онъ его произносилъ) былъ обыкновенно таковъ: „дайте ей развлечься“; а когда ему передавали о невѣрности другихъ любимцевъ государыни

¹⁾ Графъ А. Г. Разумовскій (1709—1771).

рыни, онъ иногда показывалъ видъ, что слыхалъ о томъ уже давно.

Но Разумовскій никогда зла никому не сдѣлалъ. Разъ только онъ пришелъ въ такую ярость, что схватился въ передней государыни за охотничій ножъ, чтобъ имъ проколоть дежурнаго камергера, графа Петра Шувалова ¹⁾, такъ какъ ему показалось, что онъ вздумалъ занимать его передъ дверью въ то время какъ, по его догадкамъ, государыня находилась вдвоемъ съ извѣстнымъ графомъ Панинымъ, который впоследствии былъ первымъ министромъ имперіи. Петръ Шуваловъ скрылся, Разумовскій засунулъ ножъ въ ножны и на глазахъ всѣхъ придворныхъ, которые подумали, что онъ потерянный человѣкъ, спокойно ушелъ въ свою комнату. Изъ нея онъ не вышелъ, не желая обращаться къ государынѣ, несмотря на всѣ настоянія своихъ друзей. Два дня спустя, Елисавета сама пришла въ его комнату, таща за собою за чубъ того же Петра Шувалова и принуждая его на колѣняхъ просить прощенія у Разумовскаго, который сказалъ ему тогда: „я тебѣ прощаю, какъ Іисусъ Христосъ простилъ своимъ врагамъ!“ и миръ былъ восстановленъ въ императорскомъ дворцѣ.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны при ея дворѣ было столько же любовныхъ похожденій, сколько совершено церковныхъ требъ; она постилась и заставляла строго поститься. Что же касается Панина ²⁾, то онъ разъ заснулъ у двери бани, вмѣсто чтобъ въ нее войти, какъ того ожидала Елисавета Петровна; она послѣ купанія приказала, чтобъ его не будили, но передали ему, когда онъ проснется, что онъ назначается посланникомъ въ Швецію, и онъ тамъ оставался четырнадцать лѣтъ, до той поры, пока не былъ объявленъ наставникомъ великаго князя Павла Петровича.

Младшій братъ графа Алексѣя Разумовскаго ³⁾ былъ вызванъ изъ Украины, чтобъ воспользоваться положеніемъ старшаго брата. Это былъ красивый, сильный восемнадцатилѣтній юноша.

Начали его обучать грамотѣ, а такъ какъ онъ не уступалъ брату въ склонности къ лѣни, то онъ ложился въ саду на брюхо и читалъ склады.

¹⁾ Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ (1711 — 1762), генералъ - фельдцейхмейстеръ, потомъ — генералъ-фельдмаршалъ, жен. 1) на Марьѣ Егоровнѣ Шепелевой, 2) на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Одоевской.

²⁾ Никита Ивановичъ Панинъ (1718—1783), извѣстный дипломатъ.

³⁾ Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій (1728—1803), послѣдній гетманъ малороссійскій.

Когда онъ немного научился писать, его отправили въ Берлинъ, гдѣ его наставникъ, Тепловъ по имени, схватилъ болѣзнь, отъ которой онъ долженъ былъ предохранить своего питомца.

Послѣдній сдѣлался масономъ, къ великой досадѣ правотѣрныхъ Россіи; по докладѣ о томъ императрицѣ, она велѣла ему вернуться въ имперію въ тотъ моментъ, когда онъ собирался уѣзжать во Францію. Ему было достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Берлинѣ, чтобъ изучить французскій языкъ гораздо лучше, чѣмъ бѣольшая часть его соотечественниковъ, и чтобы запомнить тысячу французскихъ и итальянскихъ пѣсенъ, которыя онъ, обладая прекраснымъ голосомъ и веселымъ духомъ, превосходно исполнялъ въ теченіе всей своей жизни.

Его сдѣлали гетманомъ съ рангомъ фельдмаршала, командиромъ гвардіи Измайловскаго полка и, наконецъ, президентомъ Академіи.

Онъ самъ смѣялся надъ послѣднимъ своимъ назначеніемъ, а когда императрица ему предложила принять начальство надъ всѣми ея войсками въ войнѣ противъ прусскаго короля, онъ спросилъ ее, неужели рѣшилась она погубить все свое войско.

Оригинальный, жизнерадостный, смѣшной до невѣроятности, смахивавшій на слона, росту котораго онъ почти достигалъ и на котораго онъ походилъ своей силою и своей неповоротливостью, графъ Кирилль Разумовскій очень былъ привязанъ къ нынѣшней императрицѣ Екатеринѣ II, несмотря на то, что онъ осмѣлился съ большимъ рискомъ для самого себя оказать ей сопротивленіе въ одномъ очень щекотливомъ случаѣ, потому что онъ считалъ честь имперіи задѣтой.

Изъ всѣхъ русскихъ я болѣе другихъ сблизился съ нимъ и питаю къ нему наиболѣе дружескія чувства, хотя онъ былъ флегматикомъ, но все-таки онъ не былъ столь равнодушенъ, какъ его братъ, по отношенію къ милостямъ, которыми пользовался во время моего пребыванія въ Россіи Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, двоюродный братъ вышеназваннаго Петра Ивановича, произведенный изъ пажей въ камергеры и прозванный Бестужевымъ М-г Compadour ¹⁾.

Бестужевъ вздумалъ посоветовать императрицѣ Елисаветѣ открыто объявить о вступленіи ея въ законный бракъ съ Разумовскимъ, чтобъ утвердить престолъ за ея потомствомъ. Онъ въ

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (1727—1797) камергеръ и кураторъ московскаго университета.

томъ преслѣдоваль двойную цѣль — обезпечить за собою благо-дарность сильнаго Разумовскаго и устранить отъ престола Петра голштинскаго принца, личныя качества котораго не предвѣщали никакого счастья имперіи и коего происхожденіе отъ старшей дочери Петра I могло породить новые перевороты. Но императрица не вняла смѣлому совѣту Бестужева или за недостаткомъ рѣшимости, или по чувству справедливости, полагая, что престоль по праву принадлежалъ ея племяннику. Но ея опасеніе, что онъ вступитъ на престоль при ея жизни, было, вѣроятно, причиною того дурного воспитанія, которое она ему дала, того дурного общества, которымъ она его окружила, и того недо-вѣрія, которое всегда замѣчалось въ ней противъ него, несмотря на презрѣніе, съ которымъ она относилась къ нему. Хотя его бабка была сестрою Карла XII, а мать — дочерью Петра Великаго, природа создала его трусомъ, обжорой и личностью во всемъ столь смѣшною, что нельзя было, при его видѣ, не сказать себѣ: „Вотъ подлинный шутъ гороховый“ (*arlechino finto principe*).

Какъ надо думать, его кормилица и первые наставники въ его собственномъ отечествѣ были пруссаками или преданы прусскому королю, такъ какъ онъ съ дѣтства возымѣлъ такое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ такое смѣшное чувство благоговѣнія и нѣжности къ этому государю, что самъ прусскій король говорилъ про эту страсть (и въ дѣйствительности это была страсть): „Я — его Дульцинея; онъ никогда меня не видалъ, и онъ въ меня влюбился, какъ Донъ-Кихоть“.

Ему было двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, когда Елисавета вызвала его въ Россію; она его обратила въ православіе и объявила своимъ наслѣдникомъ.

Онъ, однако, сохранялъ всегда большую склонность къ лютеранству; въ которомъ родился; онъ всегда преувеличивалъ значеніе своихъ голштинскихъ владѣній, и онъ былъ убѣжденъ, что войска, которыми онъ въ нихъ располагалъ и во главѣ которыхъ онъ сражался, я не знаю сколько разъ, были первыми въ мірѣ послѣ прусскихъ и стояли несравненно выше русскихъ войскъ. Онъ однажды сказалъ графу Эстергази, послу вѣнскаго двора при Елисаветѣ Петровнѣ: „Съ какой стати вы ждете успѣха противъ прусскаго короля, когда нельзя сравнить ваши войска даже съ моими, а я самъ долженъ сознаться, что они уступаютъ въ качествахъ войскамъ прусскаго короля“.

Онъ мнѣ сказалъ также при одномъ изъ тѣхъ задушевныхъ изліяній, которыми онъ удостоивалъ меня довольно часто: „По-

смотрите, какъ я несчастливъ: я долженъ былъ вступить на службу короля прусскаго; я бы ему служилъ со всѣмъ рвеніемъ по мѣрѣ моихъ способностей; думается, я не ошибусь, если скажу, что теперь я бы уже командовалъ полкомъ въ чинѣ генераль-маіора и, можетъ быть, въ чинѣ генераль-лейтенанта; а случилось совсѣмъ не то, и вотъ меня привезли сюда, сдѣлали меня великимъ княземъ этой проклятой страны“. Онъ продолжалъ болтать, браня русскій народъ самыми площадными словами, которыя были ему привычны, но иногда выражаясь въ самомъ дѣлѣ очень смѣшно, такъ какъ онъ не былъ лишенъ извѣстнаго рода остроумія. Онъ былъ не глупъ, но не въ своемъ разумѣ; а такъ какъ онъ любилъ выпить, то этимъ еще онъ способствовалъ разстройству своихъ умственныхъ способностей, уже безъ того тронутыхъ; къ тому же онъ обыкновенно курилъ. Фигура его была чрезвычайно тощая и тщедушная; одѣвался онъ большей частью въ голштинскій мундиръ, иногда же въ городское платье, но всегда такъ смѣшно и такъ безвкусно, что имѣлъ видъ какого-то пугала или наряженнаго шута итальянской комедіи.

Вотъ какого себѣ законнаго наслѣдника избрала Елисавета. Онъ обыкновенно служилъ посмѣшищемъ для своихъ будущихъ подданныхъ, которые иногда дѣлали на его счетъ самыя плачевныя предсказанія.

Для своей супруги онъ былъ постояннымъ горемъ, такъ какъ ей всегда приходилось или терпѣть отъ него, или же за него краснѣть; онъ вѣчно путалъ въ своемъ воображеніи рассказы о покойномъ королѣ Пруссіи, дѣдѣ теперешняго, котораго англійскій король Георгъ II, его шурина, прозвалъ королемъ-капраломъ, смѣшивая ихъ съ тѣмъ представленіемъ, которое онъ себѣ составилъ о теперешнемъ королѣ Пруссіи ¹⁾.

Поэтому онъ воображалъ, что вредило послѣднему, когда говорили, что онъ предпочиталъ книги трубкѣ, а въ особенности когда утверждали, что онъ сочинялъ стихи; а такъ какъ великая княгиня, какъ многіе другіе, не могла переносить запахъ куренія и много читала, то это составляло первое его неудовольствіе противъ нея; во-вторыхъ же, онъ негодовалъ на нее за то, что она въ ту пору не стояла за прусскую систему, будучи убѣждена въ томъ, что канцлеръ Бестужевъ лучше дру-

¹⁾ Фридрихъ I (1657—1713), жена его Софія Шарлота Ганноверская; его сынъ Фридрихъ-Вильгельмъ I (1713—1740), прозванный королемъ-Капраломъ; его жена Софія-Доротея Ганноверская, его сынъ Фридрихъ II Великій 1740—1786; сестра его была замужемъ за королемъ шведскимъ Адольфомъ.

гихъ понималъ настоящія выгоды Россіи. Въ особенности она не могла раздѣлять преклоненіе своего супруга передъ прусскимъ королемъ, а также его вздорныя сужденія о могуществѣ Голштиніи.

Ему поэтому казалось, что Екатерина склонялась къ мысли Бестужева, который полагалъ, что великій князь долженъ былъ совершенно отдѣлаться отъ Голштинскаго герцогства. Канцлеръ опасался, чтобъ оно не сдѣлалось Ганноверомъ Россіи, какъ онъ говорилъ, намекая на чрезмѣрное предпочтеніе, которое приписывалось Георгу II, интересовъ Ганноверскаго курфюрстерства выгодамъ Великобританскаго королевства.

Я былъ далекъ отъ того, чтобъ быть приверженцемъ Пруссіи, но, говоря по нѣмецки, я подчинялся разговорному языку великаго князя, и настолько успѣлъ ему понравиться, что получилъ отъ него приглашеніе провести два дня на его дачѣ въ Ораніенбаумѣ вмѣстѣ съ однимъ шведомъ, графомъ Горномъ, который въ 1756 году пріѣхалъ въ Россію.

Онъ принадлежалъ къ партіи колпаковъ, только подвергнувшейся большому испытанію вслѣдствіе открытія заговора, главой котораго былъ графъ Браге. Его намѣренія были обнаружены, и онъ погибъ на плахѣ. Горнъ скоро убѣдился, что, несмотря на выраженное ему сочувствіе за обезглавленныхъ его соотечественниковъ, несмотря на сдѣланный ему лично благосклонный пріемъ, русскій дворъ не окажетъ никакой существенной поддержки его партіи, предводительствуемой самимъ королемъ Адольфомъ ¹⁾, котораго не любили въ С.-Петербургѣ, хотя онъ приходился родственникомъ великому князю; полагали, что онъ зависѣлъ отъ своей супруги, сестры короля прусскаго, признанной женщиною легкомысленною до крайности. Впрочемъ, русская политика, руководствуясь предположеніемъ, что тѣмъ менѣе Швеція всегда будетъ страшна своимъ сосѣдямъ, чѣмъ болѣе ея король будетъ ограниченъ въ своихъ правахъ, устраняла естественно все то, что служило препятствіемъ къ увеличенію королевской власти въ Швеціи ²⁾.

Въ Россіи предвидѣли, что рано или поздно шведскій дворъ, который держался русской партіи, названной партіею „колпаковъ“,

¹⁾ Адольфъ-Фридрихъ (1710—1714) былъ дядя великаго князя Петра Фёдоровича.

²⁾ Это мѣсто изложено Понятовскимъ такъ неясно, что приводится французскій текстъ:

1) D'ailleurs la politique russe en supposant que la Suède serait toujours d'autant moins redoutable à ses voisins que son roi serait plus circonscrit, éloignait naturellement tout ce qui empêchait l'augmentation du pouvoir royal en Suède.

перейдетъ къ французской, которую называли партією шляпъ, отъ которой онъ тогда сторонился изъ-за незначительныхъ личныхъ особенностей королевы.

Въ виду той почти дѣтской зависимости, въ которой Елисавета держала своего племянника, было необходимо особое разрѣшеніе, которое онъ долженъ былъ испросить на пріѣздъ мой и Горна въ Ораніенбаумъ. Чѣмъ болѣе меня радовало двухдневное пребываніе въ Ораніенбаумѣ, тѣмъ бдительнѣе я подвергался, какъ это очевидно, надзору со стороны шпионовъ, которыхъ императрица держала вокругъ великокняжеской четы. Мнѣ никогда не былъ столь облегченъ доступъ къ великой княгинѣ и не приходилось наслаждаться въ обществѣ прелестями ея разговора. Онъ между прочимъ коснулся записокъ „de la grande mademoiselle“ ¹⁾ и приложенныхъ къ нимъ портретовъ, ею сдѣланныхъ; мнѣ пришлось въ голову написать свой, который великая княгиня пожелала имѣть. Я его привожу здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ его написалъ въ 1756 году. По прочтеніи написаннаго, я въ 1760 году прибавилъ еще нѣсколько строкъ, которыя значатся подъ этимъ годомъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи этихъ записокъ я передамъ читателю, съ полною искренностью и насколько дозволено чело-вѣку познать самого себя, тѣ измѣненія, которыя произошли въ этомъ изображеніи подъ вліяніемъ годовъ и обстоятельствъ.

Подъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ тамъ описаній, я захотѣлъ начертить свое изображеніе.

Я былъ бы доволенъ своею наружностью, еслибы мой ростъ былъ выше на одинъ дюймъ, нога была лучше сложена, носъ не столь походилъ на орлиный, бедра были поуже, зрѣніе лучше и зубы болѣе виднѣлись!

Это не значить, что при всѣхъ этихъ улучшеніяхъ я счелъ бы себя верхомъ красоты, но я не желалъ большаго, такъ какъ я находилъ свою наружность благородною и очень выразительною при достоинствѣ въ обращеніи и во всей моей осанкѣ, каковыми качествами я отличался настолько, что привлекалъ повсюду вниманіе. Отъ моей близорукости у меня бываетъ часто видъ немного смущенный и мрачный; но такое состояніе длится недолго, и коль скоро этотъ моментъ проходитъ, меня могутъ уличить въ томъ, что я принимаю слишкомъ гордый видъ. Вслѣдствіе отличнаго воспитанія, полученнаго мною, мнѣ удается скры-

¹⁾ Герцогиня Монпансье (1627—1693), дочь Гастона Орлеанскаго, брата короля Франціи, Людовика XIII.

вать недостатки моей фигуры и моего ума и извлекать выгоду изъ того и другого въ степени, превышающей ихъ дѣйствительное достоинство. У меня достаточно ума, чтобы никогда не уклоняться отъ участія въ какомъ бы то ни было разговорѣ, но у меня его не хватаетъ, чтобы исключительно ему способствовать частымъ или продолжительнымъ участіемъ въ немъ, развѣ я увлекусь чувствомъ или вкусомъ, которымъ природа меня богато одарила ко всему, что относится до искусства. Я быстро схватываю смѣшную и фальшивую сторону во всемъ, а также странности людей, и часто я имъ давалъ ихъ чувствовать съ слишкомъ большою поспѣшностью. Я ненавижу дурную компанію изъ отвращенія. Основательная лѣнь не позволила мнѣ настолько развить мои способности и мои позванія, насколько я бы могъ. Я работаю какъ бы по вдохновенію; я дѣлаю много сразу или ничего не дѣлаю. Я не легко довѣряюсь, и поэтому кажется, что у меня больше смысла, чѣмъ я имъ въ дѣйствительности одаренъ. Что же касается веденія самыхъ дѣлъ, то обыкновенно я допускаю въ немъ слишкомъ много откровенности и поспѣшности, вслѣдствіе чего я часто совершаю промахи. Я могу вѣрно судить о дѣлѣ, сперва найду ошибки въ проектѣ или оплошность того, который его исполняетъ; но мнѣ необходимъ еще совѣтникъ, мнѣ нужна узда, которая меня бы удержала отъ совершенія такихъ же ошибокъ. У меня болѣе развита чувствительность къ печали, чѣмъ къ радости, и печаль бы овладѣла мною, если бы я не таилъ въ глубинѣ души предчувствіе великаго счастья, ожидавшаго меня въ будущемъ.

Родившись съ огромнымъ и пламеннымъ честолюбіемъ, я во всѣхъ моихъ предназначеніяхъ въ теченіе всей моей жизни руководствовался мыслями о преобразованіи, о славѣ и пользѣ моего отечества. Я считалъ себя вовсе не созданнымъ для женщинъ; я приписывалъ первые опыты мои съ ними лишь нѣкоторымъ особымъ условіямъ приличія. Наконецъ, я испыталъ и нѣжныя чувства, и я люблю такъ страстно, что въ случаѣ какаго-либо переворота въ моей любви я сдѣлался бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ и впалъ бы въ полное отчаяніе. Обязанности дружбы для меня священны, и я ихъ строго исполняю. Если мой другъ несправедливъ ко мнѣ, я прилагаю всѣ свои старанія къ тому, чтобы избѣгнуть разрыва съ нимъ, и долго послѣ полученной обиды я помню, чѣмъ я ему обязанъ.

Я считаю себя очень вѣрнымъ другомъ; правда, что я близокъ лишь съ немногими. Я очень благодаренъ за всякое добро, которое мнѣ дѣлаютъ. Хотя я легко распознаю недостатки сво-

его ближняго, я очень склоненъ ихъ извинять, рассуждая часто такъ: сколь бы ни считалъ ты себя добродѣтельнымъ, всмотришь въ себя безпристрастно, и ты найдешь въ себѣ очень низкіе зачатки, граничащіе съ самыми гнусными преступленіями. Если тщательно не уберечься, этимъ зачаткамъ понадобилось бы, можетъ быть, лишь сильное искушеніе для того, чтобъ осуществиться во внѣшнемъ мірѣ. Я люблю давать, ненавижу скардность, но зато не умѣю управлять тѣмъ, что имѣю.

Я не столь ревниво храню свои собственные секреты, сколько чужіе, относительно которыхъ я очень добросовѣстенъ. Я очень милосерденъ; мнѣ такъ пріятно быть любимымъ и хвалимымъ, что мое тщеславіе развилось бы до невѣроятія, если бы я не былъ принужденъ сдерживаться въ извѣстныхъ границахъ, боясь быть смѣшнымъ и нарушить свѣтское приличіе. Впрочемъ я не лгу изъ принципа, а также изъ естественнаго отвращенія ко лжи. Меня нельзя назвать благочестивымъ. Я былъ бы, пожалуй, далекъ отъ благочестія, но, смѣю сказать, я люблю Бога и очень часто обращаюсь къ Нему; и я льщу себя мыслью, что Онъ охотно намъ дѣлаетъ добро, когда мы Его о томъ просимъ. Я имѣю еще счастье любить моего отца и мою мать столько же по привязанности, сколько по своему долгу. Я бы не могъ никакъ довести до конца какой-либо планъ, внушенный первымъ движеніемъ подъ вліяніемъ желанія отомстить за обиду; жалость, я думаю, взяла бы верхъ. Очень часто прощаютъ столько же изъ-за какой-то лѣнивой слабости, сколько изъ чувства благородства, и я боюсь, что по этой причинѣ многія изъ моихъ намѣреній останутся когда-нибудь неисполненными. Я охотно обдумываю, и у меня есть достаточно воображенія, чтобы придти къ извѣстному убѣжденію безъ посторонней помощи и безъ книгъ, особенно съ той поры, какъ я люблю.—1756. Я долженъ теперь прибавить, что я долго желаю того же самаго; кромѣ того, я замѣтилъ, вглядываясь въ себя, что, проживъ три года среди людей отвратительныхъ и отъ которыхъ я страшно вытерпѣлъ, я сталъ меньше ненавидѣть; происходитъ ли это отъ того, что истощился во мнѣ запасъ ненависти, или потому, что мнѣ всегда кажется, что я былъ свидѣтелемъ худшаго? Я не знаю. Если когда-нибудь буду счастливъ, я бы хотѣлъ, чтобы всѣмъ было тогда хорошо, для того, чтобы никто не сожалѣлъ о моемъ счастьѣ.—1760.

Что же касается моей наружности, то, какъ мнѣ кажется, самый похожій мой портретъ былъ написанъ Баччіарелли въ

коронаціонномъ одѣяніи и находится въ такъ называемой мраморной комнатѣ варшавскаго дворца ¹⁾).

Мое пребываніе въ Ораніенбаумѣ послужило также къ увеличенію сношеній великой княгини съ кавалеромъ Уилльямсомъ, что въ связи съ доказательствами дружбы и съ вспомоществованіемъ, которое англійскій король тогда назначилъ этой принцессѣ, вѣроятно не мало способствовало предпочтенію, которое, какъ будто, она питала довольно постоянно съ того времени къ Англіи. Оно отразилось много на Франціи. Несмотря на глубокое впечатлѣніе, произведенное на Екатерину исторіею Людовика XIV, что мнѣ пришлось наблюдать много разъ, такъ что я думаю не ошибаться, если скажу, что своего рода соревнованіе и соперничество со славою Людовика XIV, захватившія душу Екатерины II, были истинною причиною личныхъ ея дѣйствій и предначертаній.

Въ чемъ она, въ самой меньшей мѣрѣ, походила на Людовика XIV, это въ любви къ чтенію, которая въ королѣ совершенно отсутствовала. Къ моему удовольствію я первый далъ прочесть великой княгинѣ сочиненіе Вольтера „La ruselle d'Orléans“.

Кавалеръ Уилльямсъ часто слышалъ, какъ говорили о немъ съ восторгомъ люди, которые видѣли это произведеніе въ рукописи. Въ теченіе долгихъ лѣтъ оно оставалось скрытымъ по причинѣ страшныхъ угрозъ, которыя кардиналъ Флери произнесъ противъ автора, если только его произведеніе выйдетъ изъ печати.

Страхъ передъ этими угрозами, словно удерживавшими Вольтера еще тринадцать или четырнадцать лѣтъ послѣ смерти кардинала, уступилъ мѣсто отеческой нѣжности, которая предоставила въ это время свободу этому любимому дѣтищу. Я его получилъ въ письмѣ отца въ то время, когда мы печально кончали обѣдать вдвоемъ съ Уилльямсомъ, который еще не могъ утѣшиться отъ только-что случившагося тогда взятія крѣпости Магона маршаломъ Ришелье ²⁾. Я ему заявилъ о полученіи „Орлеанской дѣвы“ какъ о побѣдѣ; онъ вскрикнулъ отъ радости; я началъ чтеніе; очарованіе было таково, что я его прекратилъ только послѣ того, какъ вся книга была прочтена въ 9 часовъ вечера въ одинъ присѣсть.

Такимъ образомъ, я забавлялъ, я утѣшалъ моего друга

¹⁾ Этотъ портретъ находится и теперь въ бывшемъ королевскомъ замкѣ (Château de Varsovie), въ квартирѣ генераль-губернатора.

²⁾ Крѣпость на Миноркѣ, одномъ изъ Балеарскихъ острововъ, занятая англичанами въ 1713 и взятая у нихъ французами въ 1756 г.

Уилльямса. Я ему оказывалъ услуги, какія могъ. Онъ меня обучилъ, — въ свою очередь я сталъ ему полезнымъ. Въ то время какъ онъ все болѣе замыкался подъ вліяніемъ недуговъ и другихъ обстоятельствъ, мои знакомства и мои связи расширились съ каждымъ днемъ.

Я начиналъ порядочно говорить по-русски; до того времени очень немногіе изъ иностранцевъ и путешественниковъ принимались за этотъ трудъ.

Это послужило въ мою пользу; мнѣ открылись многіе дома, въ которые безъ того я бы не могъ войти. Впрочемъ, я воспользовался замѣчаніемъ, которое я тогда сдѣлалъ и справедливость котораго я имѣлъ случай часто провѣрять съ того времени. Великія тайны сказываются не прежде, какъ часы пробьютъ полночь. Кого я утромъ находилъ застегнутымъ до верха, тотъ, послѣ того какъ я имѣлъ возможность ухаживать за нимъ и ему угождать въ теченіе дня, забавляя его такъ, чтобъ онъ не замѣчалъ моего намѣренія подвергнуть его допросу, — самъ раскрывался къ вечеру, какъ іерихонскій цвѣтокъ; онъ распускался совершенно между часомъ и двумя утра, а къ разсвѣту онъ опять закрывался. Солнце и тайна другъ друга не терпятъ. Поэтому я отъ русскихъ гораздо болѣе узналъ зимою, чѣмъ во время ихъ лѣта, когда они шесть недѣль бываютъ безъ ночи. Тогда я могъ не спать, всегда такъ хорошо быть молодымъ и здоровымъ. Такимъ образомъ я могъ сообщать Уилльямсу многое, чего онъ вѣроятно бы не узналъ безъ меня. Я даже разъ успѣлъ ему съ пользою внушить мысль, которую ему было выгодно предложить совѣту императрицы. Предложивъ ее, онъ по доброй совѣсти счелъ себя за ея автора и приписалъ своему собственному умѣнію то, что мнѣ удалось ему втолковать.

Я заболѣлъ вѣтряной оспой среди этихъ работъ. Для Уилльямса это было немалымъ зломъ. Не только онъ лишился моего сотрудничества, но при малѣйшемъ подозрѣніи о вѣтряной оспѣ жители дома, въ которомъ она открылась, не имѣли доступа ко двору въ теченіе сорока дней.

Замѣчательною чертою царствованія Екатерины II слѣдуетъ признать то, что она первая во всей своей имперіи рѣшилась привить себѣ оспу въ сорокалѣтнемъ возрастѣ; только послѣ этого дѣйствительно мужественнаго и патріотическаго испытанія она велѣла привить оспу своему сыну, и эта предохранительная мѣра стала всеобщою въ Россіи.

Елисавета была очень далека отъ мысли, чтобы считать эту мѣру возможной или дозволенной. Суевѣрные предрассудки еще

возставали также противъ этого метода леченія. Поэтому нужно было самыми разнообразными способами скрывать мою болѣзнь для того, чтобъ Уилльямсъ не былъ въ карантинѣ и сохранилъ сношенія необходимыя для своей службы.

Я скоро излечился, но не прежде какъ удостоился того посѣщенія, которое было для меня самымъ лестнымъ, но послѣдствій котораго я опасался такъ сильно, что оно состоялось въ самомъ дѣлѣ противъ моей воли.

Чѣмъ болѣе это посѣщеніе увеличило мою привязанность, тѣмъ горестнѣе показалась необходимость моего отъѣзда. Я не умѣлъ не повиноваться приказаніямъ моихъ родителей; они желали, чтобъ я былъ посломъ на сеймѣ сего года. Великая княгиня превозмогла себя, чтобъ дать свое согласіе, но съ той мыслью, чтобъ не только обезпечить мое возвращеніе, но чтобы мнѣ предоставить менѣе зависимое положеніе въ С. Петербургѣ, а въ особенности такое, при которомъ я бы могъ подходить къ ней публично.

Я уже сказалъ выше, какъ Бестужевъ сдѣлался исполнителемъ этого желанія великой княгини. Чтобъ убѣдить меня въ его добросовѣстности, онъ прислалъ ко мнѣ своего довѣреннаго секретаря, Канцлера по фамиліи, съ письмомъ на имя графа Брюля ¹⁾; когда я его прочелъ, Канцлеръ запечаталъ письмо у меня Бестужевскою печатью. Случилось такъ, что въ тотъ же день посоль въѣнскаго двора, графъ Эстергази, пріѣхалъ съ визитомъ къ Уилльямсу и, посѣтивъ его, зашелъ также въ мою комнату. По неосторожности я не заперъ своей двери на ключъ; Эстергази засталъ Канцлера у меня. Это одно утвердило его въ существованіи нашихъ сношеній, которыя онъ подозрѣвалъ (какъ въ томъ онъ мнѣ признался потомъ, когда онъ сталъ моимъ другомъ).

Но тогда это послужило только къ распространенію въ публикѣ, а слѣдовательно и при дворѣ Елисаветы, свѣдѣній, которыя она уже имѣла на мой счетъ. Какъ бы тамъ ни говорили, но я выѣхалъ въ началѣ августа въ компаніи того же графа Горна, о которомъ я рассказывалъ выше. Я уже не помню, какія дѣла вынуждали его возвращаться въ Швецію черезъ Ригу.

Мы остановились вмѣстѣ въ одномъ и томъ же домѣ; когда я находился въ его комнатѣ на слѣдующій день послѣ пріѣзда, мнѣ пришли доложить, что какой-то офицеръ желалъ меня видѣть. Я приказалъ его впустить.

¹⁾ Первый министръ короля Августа III.

Передо мной предсталъ маленькій человѣкъ тщедушной наружности, который держался очень униженно и протягивалъ въ рукѣ полуоткрытую коробочку; а въ ней блестяли брилліанты ¹⁾. Онъ пробормоталъ какое-то поздравленіе, которое я не могъ хорошенько разобрать до тѣхъ поръ, пока онъ мнѣ не передалъ письмо вице-канцлера графа Воронцова съ другимъ, отъ тогдашняго любимца Елисаветы, камергера Ивана Ивановича Шувалова. Этими письмами мнѣ сообщалось, что императрица меня удостоивала подаркомъ, который этому офицеру поручено мнѣ вручить. Я подробно отмѣчаю всѣ эти маловажныя обстоятельства, такъ какъ они достаточно показываютъ, что между ними не было ни одного, которое было способно вызвать во мнѣ тревогу и еще менѣе страхъ. Однако тѣ, которые старались мнѣ вредить

¹⁾ Изъ переписки Екатерины и Уильямса видно, что подарокъ, полученный Понятовскимъ, имѣлъ стоимость въ 4.000 руб. (Answers, № 1, 31 іюля). Уильямсъ, выражая свое удивленіе, по какому поводу былъ сдѣланъ Понятовскому столь необычный подарокъ, дѣлаетъ слѣдующія догадки: Понятовскій очень щедро наградила секретаря канцеляріи, который ему доставилъ письма великаго канцлера, и другого, который ему принесъ письмо Елисаветы къ Августу III. Первому онъ далъ очень красивые золотые часы, а другому еще лучшей подарокъ. „А такъ какъ при нашемъ дворѣ—пишетъ Уильямсъ Екатеринѣ (Answers, № 2, 3 августа),—все извѣстно, то не могла ли Е. В., пораженная его щедростью, пожелать его перещеголять. Вы, можетъ быть, найдете эту мысль странною. Знайте же, что лицу, которое послали къ нему съ табакеркою въ Ригу, онъ, получивъ ее, подарилъ золотые часы и 100 червонцевъ. Я воображаю, какъ эта черта вамъ понравится, такъ какъ благородная душа сочувствуетъ щедрому сердцу“. Въ отвѣтъ Екатерина пишетъ (Letters, № 3, 12 августа), что вице-канцлеръ Воронцовъ, по ея убѣжденію, придумалъ этотъ подарокъ, чтобы сдѣлать ей удовольствіе, такъ какъ онъ вѣроятно узналъ отъ своего брата, камергера Романа Воронцова, объ ея связи съ Понятовскимъ. Уильямсъ на это замѣчаетъ, что Романъ Воронцовъ казался всегда ему подозрительнымъ и что, по его настоянію, Понятовскій отказался отъ мысли довѣрить ихъ общую тайну Роману Воронцову. Уильямсъ очень радъ, что Понятовскій послушался его. Онъ, Уильямсъ, никогда бы не принялъ и канцлера въ сообщники, но онъ былъ нуженъ въ виду отъѣзда графа, а главнымъ образомъ для его возвращенія (Answers, № 16, 23 августа). Въ слѣдующемъ письмѣ (Answers, № 17, 28 августа), Уильямсъ рассказываетъ, что канцлеръ Бестужевъ ему передалъ, будто бы графъ Понятовскій былъ страшно испуганъ, когда ему сказали въ Ригѣ, что его ищетъ офицеръ, и успокоился только при видѣ табакерки. „Вотъ—замѣчаетъ Уильямсъ—донесеніе мошенника, который получилъ золотые часы и 100 червонцевъ. При передачѣ императрицѣ этой исторіи она недоумѣвала, какая могла быть причина испуга графа Понятовскаго“. Выслушавъ этотъ рассказъ графа Бестужева, Уильямсъ ему замѣтилъ, что хотя онъ посоль, но еслибы при его отъѣздѣ изъ Россіи за нимъ былъ посланъ офицеръ отъ имени императрицы, то онъ могъ струсить при видѣ его, такъ какъ исторія съ де-Ла-Шетарди была въ памяти у всѣхъ. На это Бестужевъ сказалъ, что великая княгиня должна быть о томъ увѣдомлена, и просилъ Уильямса рассказать ей это происшествіе, умолчавъ о томъ, что это дѣло было передано ему самимъ канцлеромъ.

въ глазахъ Елисаветы, убѣдили ее въ томъ, что при видѣ этого русскаго офицера я проявилъ самый великій страхъ. Отсюда они вывели, что я имѣлъ причины чего-то бояться, что заставило императрицу сказать на мой счетъ: „знаетъ кошка, чье мясо съѣла“. На эти два письма я отвѣтилъ, какъ слѣдовало, въ виду полученнаго мною отличія, столь необыкновеннаго въ отношеніи лицъ, не облеченныхъ публичною должностію. Я потомъ разстался съ моимъ другомъ Горномъ съ тѣмъ бѣльшимъ сожалѣніемъ, что онъ, какъ казалось, подвергался многимъ случайностямъ въ виду того положенія, въ которомъ находились его отечество и его партія. Я впослѣдствіи имѣлъ удовольствіе узнать, что онъ избѣгъ всякой опасности.

Я направился въ ту часть Лифляндіи, которая была еще тогда польскою. Я сперва отправился къ моему знакомому Борху ¹⁾, тогда камергеру этого воеводства (бывшему впослѣдствіи великимъ канцлеромъ), въ его имѣніе Варкланы. вмѣстѣ съ нимъ я поѣхалъ въ Дюнабургъ, гдѣ по закону собирались сеймики этого уѣзда; дворяне, здѣсь не столь многочисленныя, но болѣе зажиточныя и образованныя, чѣмъ тѣ, которыхъ я видѣлъ на другихъ сеймикахъ, выразили свое удовольствіе въ виду того, что я лично явился просить объ избраніи меня въ послы отъ ихъ имени; этого уже давно не дѣлалъ никто изъ жителей королевства и рѣдко исполнялъ кто-либо изъ литовцевъ. Когда меня избрали въ послы безъ затрудненій, я поспѣшилъ выѣхать черезъ Вильно въ Варшаву“ ...

С. Горяиновъ.

¹⁾ Іоаннъ-Андрей Борхъ, воевода лифляндскій, великій канцлеръ королевскій († 1780 г.).

СВѢТЪ И ТѢНИ

РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—5 гг.

Изъ писемъ къ женѣ д-ра Евг. С. Боткина.

I.—Въ пути.

18-ое февраля 1904 г.

Мы ѣдемъ весело и удобно. Всѣ ѣдутъ за однимъ дѣломъ; всѣ военные совершенно покойно настроены; нѣтъ никакого разговора о возможныхъ опасностяхъ, всѣ даже веселы, и большинство рвется на войну.

По мѣрѣ приближенія къ Сибири, становится все теплѣе. На станціяхъ я выхожу иногда въ одной тужуркѣ, въ башлыкѣ и папахѣ. Сейчасъ здѣсь, въ Челябинскѣ, 9^о мороза, воздухъ чудный, дорога прекрасная, солнце свѣтитъ, и лошадка летѣла стрѣлой. Интересно было посмотреть этотъ маленькій городокъ, въ которомъ однако все можно найти.

Преобладающее ощущеніе — будто со старой жизнью у меня все порвано, и я началъ новую; будто все, что было, осталось въ прошломъ, или было только сномъ, — что нѣтъ у меня ни семьи, ни „Общины“, ни старыхъ друзей, и что предстоитъ что-то новое, невѣдомое. Конечно, это чувство объясняется только полной отрѣзанностью отъ васъ, отсутствіемъ всякихъ о васъ извѣстій — и несомнѣнно только временное; но не одинъ я испытываю его, а также и капитанъ К., оставившій жену и пять чловѣкъ дѣтей, причемъ младшему годъ съ небольшимъ. Первые дни онъ очень грустилъ, особенно по утрамъ, а добрѣйшій капитанъ Л.,

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

П. М. КОВАЛЕВСКАГО.

V *).

Портреты.

Рядъ тѣхъ же лицъ, привѣтливый и милый,
Глядитъ съ невозмутимыхъ стѣнъ,
Какъ будто жизнь, со дна могилы,
Вернулася безъ перемѣнъ...

Отпѣтые, оплаканные живы!..
Подъ плитами, — скажите, — чья же пыль?
Глядящіе порою той счастливой,
Безмолвные, нѣмые эти — вы-ль?..

Римъ 1890 г.

VI.

Осень.

Съ неудержимымъ склономъ лѣта,
Какъ эту убыль дня и свѣта,
Какъ это рѣдкое тепло,
Душа встрѣчаетъ тяжело!
Миръ, настигаемый тѣнями,
Какъ будто темными крылами,
Къ какой-то пропасти гонимъ...
И убѣгаетъ вмѣстѣ съ нимъ
У жизни почва подъ ногами.

Регли. 1890 г.

*) См. выше: янв., 147 стр.—I-IV.

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ
ПОНЯТОВСКІЙ

И

Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна

По неизданнымъ источникамъ.

III *).

Графъ Понятовскій въ своихъ запискахъ выставилъ единственною причиною своего отъѣзда изъ С.-Петербурга волю своихъ родителей, желавшихъ, чтобъ онъ вернулся въ Польшу.

Между тѣмъ, были другія причины, несомнѣнно болѣе вѣскія. Великій канцлеръ Бестужевъ былъ горячимъ поклонникомъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. Онъ рассчитывалъ на будущее, которое могло привести ее къ престолу. Но, ревниво оберегая свое вліяніе на нее, онъ потому не особенно дружелюбно отнесся къ возникновенію тѣснѣйшихъ сношеній между нею и англійскимъ посломъ, сэромъ Чарльзомъ Уилльямсомъ, который, кромѣ того, способствовалъ всѣми средствами сближенію великой княгини съ графомъ Понятовскимъ. Англійскій посолъ возбудилъ подозрѣніе Бестужева, который, сознавая все превосходство Уилльямса, опасался, чтобъ онъ не замѣнилъ его въ довѣріи Екатерины.

*) См. выше: янв., стр. 5.

Съ другой стороны, Бестужевъ могъ бояться, чтобъ эти сношенія великой княгини съ англійскимъ посломъ не повредили ей въ глазахъ Елисаветы Петровны, которая не питала особенно родственныхъ чувствъ къ своей племянницѣ. Бестужевъ зналъ, что за нею очень строго слѣдили; ему было извѣстно, что нашлись бы люди, готовые погубить Екатерину въ глазахъ императрицы.

По этимъ причинамъ канцлеръ видѣлъ въ англійскомъ послѣ чловѣка неудобнаго и опаснаго тѣмъ болѣе, что великая княгиня требовала часто отъ канцлера сообщенія дипломатической переписки. Вотъ почему Бестужевъ, уже съ января 1756 года, началъ требовать отъ англійскаго министерства отозванія сэра Чарльза. Но эта интрига ему не удалась, можетъ быть, потому, что Фоксъ никогда бы не позволилъ, чтобы его другъ палъ жертвою иностранныхъ козней. Тогда Бестужевъ придумалъ другое средство, чтобъ ослабить вліяніе Уилльямса на великую княгиню, заключавшееся въ удаленіи Понятовскаго. Весною того же 1756 года Бестужевъ черезъ саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Прассе, далъ понять первому министру Августа III, графу Брюлю, что было бы желательно вызвать обратно въ Варшаву блестящаго молодого чловѣка, который сталъ подозрительнымъ и двору, и дипломатамъ.

Графъ Брюль, побуждаемый Прассе, велѣлъ отозвать графа Понятовскаго, родители котораго также требовали его возвращенія въ Варшаву. Какъ бы то ни было, но графъ Понятовскій долженъ былъ удалиться, и отъѣздъ его былъ неминуемъ.

Въ своемъ неудовольствіи великая княгиня удовлетворилась лишь обѣщаніемъ Уилльямса, что Понятовскій вернется въ качествѣ представителя своего государя. Надо было найти способъ, чтобъ обезпечить вѣрныя сношенія между Екатериною и ея приверженцемъ. Уилльямсъ въ своей перепискѣ съ Екатериною указываетъ, что онъ отсовѣтовалъ Понятовскому прибѣгать съ этой цѣлью къ услугамъ камергера графа Романа Воронцова, которому Станиславъ-Августъ хотѣлъ довѣриться. Уилльямсъ даже опасался вмѣшивать въ тайну о перепискѣ канцлера графа Бестужева, но долженъ былъ по неволѣ согласиться на это, такъ какъ отъ него главнымъ образомъ зависѣло возвращеніе Понятовскаго въ С.-Петербургъ (Answers № 16, 23 августа). На этомъ основаніи канцлеръ былъ посвященъ въ эту тайну.

Графъ А. П. Бестужевъ казался очень преданнымъ великой княгинѣ; онъ надѣялся на то, что она вступитъ на престолъ и окажетъ ему тогда свои милости, почему онъ согла-

сился содѣйствовать этимъ сношеніямъ. Съ одной стороны, ему не могло быть пріятнымъ участіе въ нихъ англійскаго посла, въ которому онъ не былъ расположенъ, и вліянія котораго на Екатерину онъ не могъ не опасаться. Но, съ другой стороны, положеніе его было настолько поколеблено, настолько онъ чувствовалъ себя опутаннымъ партіей Шуваловыхъ и Воронцовыхъ, приверженцевъ сближенія съ Франціею, — что, пользуясь по необходимости всѣми способами, онъ старался укрѣпиться въ будущемъ и заручиться благосклонностью великой княгини, а для того ему предстояло въ настоящую минуту поддерживать добрыя отношенія къ Уилльямсу. Вотъ почему канцлеръ обѣщалъ свое содѣйствіе Екатеринѣ во всемъ и даже согласился принять графа Понятовскаго для обсужденія съ нимъ послѣдствій его отъѣзда и возможности его возвращенія, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что молодой графъ, который хвастался, что пять разъ былъ въ Ораніембаумѣ у великой княгини, могъ ихъ всѣхъ погубить (Answers № 11, 9 сентября).

Но не одинъ вопросъ объ отъѣздѣ графа Понятовскаго былъ предметомъ сужденій великой княгини и англійскаго посла; на тайномъ свиданіи, которое имѣло мѣсто между ними 28 іюня (2 іюля) 1756 г., и о которомъ Уилльямсъ сообщилъ лорду Гольдернесу въ депешѣ отъ 9 іюля ¹⁾, Уилльямсъ изложилъ великой княгинѣ свои опасенія относительно предполагавшагося сближенія императорскаго двора съ Франціею, за которое стояли Шуваловы. Развивая ту мысль, что прибытіе французскаго посла могло оказать очень гибельное вліяніе на судьбу великаго князя и Екатерины, онъ напомнилъ ей интриги де-ла-Шетарди и ихъ послѣдствія. Желая оградить ее отъ такой опасности, онъ увѣрилъ ее въ своей готовности ей помочь, чтобъ отразить козни Шуваловыхъ, дѣйствовавшихъ противъ нея. Великая княгиня ему сказала, что она вполне сознавала опасность своего положенія и готова вступить въ борьбу, но что для этого ей нужны средства, такъ какъ при дворѣ безъ денегъ ничего нельзя было предпринять. Если бы англійскій король ссудилъ ее извѣстною суммою, которую она обязуется ему вернуть при первой возможности, она обѣщалась употребить эти деньги исключительно на ихъ дѣло. На вопросъ Уилльямса, какая сумма ей бы понадобилась, она опредѣлила ее въ 20.000 червонцевъ или 10.000 ф. стерлинговъ. Депеша Уилльямса заключалась просьбой о передачѣ ходатайствъ Екатерины на благоусмотрѣніе короля, ру-

¹⁾ Lord Mahon. Hist., IV, p. 381 et 382.

чаясь за то, что великая княгиня употребить эти деньги по назначенію. Уильямсъ просилъ Екатерину не передавать этого разговора Бестужеву, которому она должна была внушить, чтобъ онъ намекнулъ англійскому послу, насколько ссуда извѣстной суммы денегъ со стороны англійскаго короля великой княгинѣ облегчила бы ей возможность предохранить себя отъ французскихъ интригъ и быть полезной Англии. Графъ Бестужевъ исполнилъ эту просьбу Екатерины. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ, намѣтивъ одну опредѣленную цѣль, разыгрывалъ свою роль отдѣльно.

Изъ переписки, возникшей между Екатериной и Уильямсомъ, мы узнаемъ, что 19 августа (Answers № 7 и 9, 19 и 20 августа) Уильямсъ получилъ увѣдомленіе о согласіи короля ссудить великой княгинѣ 40.000 руб.; поэтому Уильямсъ предложилъ Екатеринѣ покрыть ея долгъ барону Вольфу, а по выдачѣ остальной суммы кому она прикажетъ—подписать обязательство на имя короля. Въ отвѣтъ на это сообщеніе, Екатерина пишетъ, что она тронута довѣріемъ короля. „Я надѣюсь его заслужить, — говоритъ она (Letters № 8, 21 августа) и постою за хорошее мнѣніе его величества обо мнѣ... Вы знаете: все, что бы я ни дѣлала, основано на убѣжденіи, въ какомъ я нахожусь, что въ этомъ заключается польза Россіи. Этимъ все сказано (c'est tout dire)“.

Въ 1756 году, государыня проживала въ Петергофѣ съ 7—18 іюня; 16 числа того же мѣсяца Уильямсъ провелъ тамъ вечеръ съ полковникомъ графомъ Горномъ, который долженъ былъ скоро выѣхать въ Швецію, съ датскимъ посланникомъ барономъ Мальтцаномъ, графомъ Понятовскимъ и барономъ Вольфомъ ¹⁾. Туда пріѣхали изъ Ораніенбаума великій князь и великая княгиня. 26 іюня, дворъ возвратился въ С.-Петербургъ на нѣсколько дней, такъ какъ уже 2 іюля императрица переселилась вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ въ Царское, а великокняжеская чета возвратилась въ Ораніенбаумъ. Отъѣздъ двора совершился послѣ представленія въ оперѣ, на которомъ еще присутствовали всѣ иностранные министры. Утромъ, въ день отъѣзда, графъ Горнъ откланялся императрицѣ на прощальной аудіенціи, а затѣмъ, получивъ приглашеніе великаго князя провести у него два дня въ Ораніен-

¹⁾ Баронъ Яковъ Вольфъ былъ сперва англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ С.-Петербургѣ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, а съ 1751 года былъ назначенъ англійскимъ резидентомъ при русскомъ дворѣ и въ этомъ званіи былъ представленъ императрицѣ.

баумъ, онъ, какъ намъ уже извѣстно, пробыль двое сутокъ въ гостяхъ у великокняжеской четы вмѣстѣ съ Понятовскимъ. Екатерина въ своихъ запискахъ упоминаетъ объ этомъ посѣщеніи и говоритъ, что графъ Понятовскій и графъ Горнъ прожили въ Ораніенбаумѣ двое сутокъ и что, два дня спустя, Понятовскій выѣхалъ въ Польшу, а такъ какъ Понятовскій пишетъ въ своихъ запискахъ, что онъ выѣхалъ въ началѣ августа, то пребываніе въ гостяхъ у великаго князя надо отнести къ концу іюля. Выѣхалъ онъ, снабженный письмами Елисаветы Петровны и великаго канцлера, рекомендовавшими его особому вниманію короля Августа III и его министра, графа Брюля.

Съ исходомъ іюля мѣсяца начинается переписка между великой княгиней и сэромъ Чарльзомъ Уилльямсомъ, продолжавшаяся все время, пока отсутствовалъ графъ Понятовскій (съ іюля по декабрь 1756 г.). Она начинается письмомъ Уилльямса отъ 31 іюля (ст. стили), затѣмъ слѣдуетъ письмо Екатерины, которое, хотя и помѣчено субботой 3 августа, но начато нѣсколькими днями ранѣе. Время доказало, что мѣры, принятія для сохраненія переписки въ тайнѣ, были удачно задуманы, такъ какъ о ней не сохранилось слѣдовъ ни въ современныхъ запискахъ, ни въ позднѣйшихъ историческихъ трудахъ. Главнымъ посредникомъ, которымъ пользовался Уилльямсъ для передачи этой переписки, былъ нѣкто Свалло, состоявшій впослѣдствіи англійскимъ консуломъ въ С.-Петербургѣ, который сумѣлъ снискать довѣріе великаго князя черезъ его камердинера Бресана. Любимецъ барона Вольфа и англійскаго посла, посредникъ между великимъ княземъ и его заимодавцами, онъ имѣлъ постоянно доступъ въ его дворецъ въ С.-Петербургѣ и Ораніенбаумѣ. Великая княгиня сама ему передавала свои письма или посылала ихъ ему чрезъ своего камеръ-юнкера Льва Нарышкина, который самъ ихъ относилъ Уилльямсу или ихъ отправлялъ къ нему черезъ своего камердинера, получавшаго отвѣтныя письма посла.

Какъ извѣстно изъ записокъ Понятовскаго, Нарышкинъ былъ его другъ и первый способствовалъ сближенію его съ великой княгиней. По опредѣленію Екатерины, Нарышкинъ былъ человекъ очень сердечный, но не большого ума и слишкомъ самодовольный (Letters № 29).

Забываясь о сохраненіи въ тайнѣ своей переписки съ Екатериной, Уилльямсъ не опасался нескромности со стороны Нарышкина, но боялся, чтобы сама великая княгиня не выдала себя, такъ какъ, по его мнѣнію, она имѣла слишкомъ большое

довѣріе къ канцлеру графу Бестужеву, расположеніе котораго къ ней ему казалось подозрительнымъ. Поэтому посоль постоянно твердилъ ей въ своей перепискѣ, чтобы она была осторожнѣй, опасаясь въ особенности шпіонства со стороны нѣкоего Бернарди. Это былъ итальянецъ ювелиръ, служившій посредникомъ между нею и Бестужевымъ и знавшій всѣ темныя дѣла великаго канцлера.

Отъѣздъ графа Понятовскаго огорчилъ великую княгиню. Для нея было большимъ утѣшеніемъ, какъ она пишетъ въ своемъ первомъ письмѣ Уильямсу, отъ 3 августа, найти въ немъ человѣка, настолько уважавшаго ея отсутствовавшаго приверженца, насколько она сама ему желала добра. Но не одна потребность говорить о вѣрномъ ей человѣкѣ заставляла ее дѣлиться мыслями съ Уильямсомъ. Она чувствовала себя одинокой среди этого двора, ей большей частью враждебнаго. Самъ канцлеръ хотя и былъ къ ней расположенъ, но слишкомъ завязъ въ разныхъ интригахъ, чтобы вѣрно судить объ общемъ положеніи. Великой княгинѣ нуженъ былъ вѣрный другъ, обладающій опытомъ, человѣкъ съ мужествомъ и умомъ, вполне преданный и осторожный, который, оставаясь, насколько возможно, простымъ зрителемъ всего, что творилось при дворѣ, руководилъ бы ее своими совѣтами и служилъ бы ей проводникомъ по пути, который могъ ее привести къ престолу, но въ равной мѣрѣ—и къ гибели. Екатерина нашла такого друга въ Уильямсѣ, который, питая къ ней чувства самой горячей преданности, рассчитывалъ обезпечить за своимъ правительствомъ дружбу будущей государыни Россіи.

Мужество, настойчивость, присутствіе великаго духа и ума, которыя проявляла великая княгиня въ теченіе второй половины 1756 года, послѣ отъѣзда графа Понятовскаго, достойны удивленія. Ей приходилось защищаться противъ козней цѣлой партіи царедворцевъ, пытавшихся возбудить противъ нея подозрѣніе императрицы и отстранить великаго князя—тѣмъ самымъ и ее—отъ престола. Защита ея тѣмъ болѣе усложнялась, что за всѣми ея дѣйствіями строго наблюдали, и она не могла довѣряться даже великому канцлеру графу Бестужеву, который преслѣдовалъ главнымъ образомъ свою личную выгоду.

Единственнаго вѣрнаго пособника она нашла себѣ въ лицѣ англійскаго посла и, ведя съ нимъ ежедневно переписку, оставшуюся тайной, несмотря на самый бдительный надзоръ, она со всей силой своей могучей природы оберегала свою привязанность къ отсутствовавшему графу Понятовскому. Хотя она иногда

впадала въ уныніе, но не сдавалась: такъ, когда Уилльямсъ ей намекнулъ, что въ случаѣ торжества ея враговъ она могла бы найти убѣжище у англійскаго короля, она отвѣтила послу: „je ne demanderai pas de retraite au roi, votre maître, car je suis résolue, vous le savez, de périr ou de régner“ (я не попрошу убѣжища у короля, вашего государя, такъ какъ я рѣшилась, какъ это вамъ извѣстно, погибнуть или царствовать) (Letters № 14, 30 августа). Великій канцлеръ былъ посвященъ въ тайну о перепискѣ между Екатериной и Понятовскимъ; ему довѣрились только потому, что на него рассчитывали для возвращенія молодого графа въ С.-Петербургъ въ качествѣ представителя короля Августа III (Answers № 16, 23 августа; Answers № 11, 9 сентября). Но два письма Понятовскому, которыя великая княгиня доставила Бестужеву для пересылки по назначенію, были возвращены канцлеромъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не нашелъ случая ихъ отправить въ Варшаву (Letters № 20, 8 сентября). Этотъ отказъ въ доставленіи писемъ Понятовскому возбудилъ подозрѣніе Уилльямса особенно послѣ разговора, который онъ имѣлъ съ канцлеромъ 6 сентября (Answers № 26, 6 сентября). Бестужевъ ему передалъ, что императрица приписывала проискамъ посла сопротивленіе великаго князя Петра Федоровича ея предначертаніямъ и была очень недовольна имъ, почему онъ совѣтовалъ Уилльямсу просить о своемъ отозваніи. Пораженный такимъ предложеніемъ, сэръ Чарльзъ, опомнившись, сказалъ, что онъ этого не сдѣлаетъ, такъ какъ онъ не чувствовалъ за собою никакой вины. Упомянувъ затѣмъ о графѣ Понятовскомъ, о томъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ возвратиться въ Петербургъ, канцлеръ вручилъ Уилльямсу письмо Екатерины Понятовскому, пересланное къ Бестужеву, для отправки по назначенію, и просилъ доставить его въ Варшаву. Но Уилльямсъ не попался въ ловушку и отказался на-отрѣзъ исполнить такое порученіе. Бестужевъ ему въ отвѣтъ намекнулъ, что великая княгиня ведетъ съ нимъ тайную переписку. „Это неправда, — воскликнулъ посолъ:— я имѣю переписку съ великой княгиней только черезъ васъ; въ дѣло Понятовскаго меня впутали, не спросившись меня. Но теперь, когда я возбуждаю подозрѣніе, я не буду ни во что вмѣшиваться и буду держаться въ сторонѣ ¹⁾. По мнѣнію Уилльямса, Бестужевъ не могъ выносить вліянія посторонняго лица на великую княгиню; онъ ревниво

¹⁾ Бестужевъ заключилъ свою бесѣду съ посломъ, увѣряя его въ своихъ дружескихъ чувствахъ къ нему.

оберегалъ ея расположеніе къ нему; поэтому онъ, подъ видомъ дружескаго совѣта, далъ понять Уилльямсу, что ему слѣдовало просить объ отозваніи его изъ Петербурга, и не только возбуждалъ препятствія къ возвращенію графа Понятовскаго въ Петербургъ, но уклонялся отъ пересылки писемъ Екатерины къ Понятовскому; наконецъ, онъ хлопоталъ объ отъѣздѣ въ Украину, подъ предлогомъ его большой славы, преданнаго ей гетмана графа Кирилла Разумовскаго. Все это служило доказательствомъ вѣроломства Бестужева, который думалъ только о себѣ, а самъ ничего не дѣлалъ для другихъ. Почему Уилльямсъ изъ привязанности къ Екатеринѣ, возраставшей съ каждымъ днемъ, а также изъ дружбы къ Понятовскому и для собственной пользы начертилъ великой княгинѣ слѣдующій планъ дѣйствій (Answers № 11, 9 сентября; Answers № 33, 10 сентября). Главнѣйшая задача заключалась въ возвращеніи Понятовскаго, которое могло совершиться только посредствомъ Бестужева, такъ какъ если бы графъ Станиславъ-Августъ возвратился безъ оффиціального характера, то его положеніе въ Петербургѣ было бы невозможнымъ, къ нему бы отнеслись какъ къ подозрительной личности, и онъ, Уилльямсъ, не былъ бы въ состояніи его защитить. Хотя Бестужевъ боялся графа и считалъ его слишкомъ смѣлымъ, но Екатерина должна была заявить ему безусловное и настойчивое требованіе о возвращеніи графа; она должна была дать понять канцлеру, что только при возвращеніи графа черезъ посредство Бестужева послѣдній могъ бы рассчитывать на ея расположеніе въ настоящемъ и на покровительство въ будущемъ. Такъ какъ содѣйствіе Бестужева являлось въ этомъ дѣлѣ безусловно необходимымъ, то Екатерина не должна была съ нимъ ссориться. Ей слѣдовало послать Бернарди къ Бестужеву съ заявленіемъ, что она желаетъ, чтобъ Уилльямсъ отправилъ письма Понятовскому. Уилльямсъ на отрѣзъ откажется, подъ предлогомъ, что не желалъ болѣе вмѣшиваться въ это дѣло, послѣ чего канцлеръ, во избѣжаніе разрыва съ Екатериной, будетъ вынужденъ отправить письма и возвратитъ Понятовскаго. Если Екатерина сдѣлаетъ видъ, что она разгнѣвана на Уилльямса, тѣмъ лучше, такъ какъ Бестужевъ подумаетъ, что посоль потерялъ окончательно довѣріе и что съ однимъ Понятовскимъ ему легко будетъ справиться и прибрать его къ рукамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у него исчезнетъ всякое подозрѣніе въ существованіи тайной переписки между великой княгиней и Уилльямсомъ. Екатерина должна была внушить Бестужеву, чтобъ онъ обращался къ Уилльямсу съ настойчивымъ требованіемъ подъ угрозой, въ случаѣ его неиспол-

ненія, потери ея расположенія къ нему. Когда онъ увидитъ, что Уилльямсъ упорствуетъ, онъ будетъ считать его потерявшимъ всякое довѣріе великой княгини, а себя—восторжествовавшимъ надъ соперникомъ. Онъ убѣдится въ дѣйствительности расположенія Екатерины къ Понятовскому и въ томъ, что онъ, одинъ, въ состояніи ей угодить; онъ сдѣлаетъ все изъ опасенія, чтобъ Екатерина не обратилась къ другимъ русскимъ пособникамъ. Таковъ былъ путь, намѣченный Уилльямсомъ, которому должна была слѣдовать великая княгиня для того, чтобъ побудить канцлера къ возвращенію Понятовскаго въ Петербургъ. Кромѣ того, Уилльямсъ ей указалъ, что Бестужевъ держался на своемъ посту только въ виду того кредита, которымъ, какъ предполагали, онъ пользовался у великой княгини. Основываясь на этомъ предположеніи, Шуваловы въ послѣднее время сблизились съ нимъ. Поэтому отъ Екатерины самой зависѣло ихъ привязать къ себѣ, не прибѣгая къ посреднику, который дѣйствовалъ исключительно для своей выгоды. Препятствія, которыя ставилъ Бестужевъ возвращенію графа Понятовскаго, привели великую княгиню въ негодованіе. „У меня голова идетъ кругомъ,—писала она Уилльямсу,—я не знаю, что говорю, что дѣлаю; смѣшно вамъ признаться, что я испытываю такое состояніе въ первый разъ въ жизни. Не бросайте меня въ этомъ бѣдствіи, въ которомъ я нахожусь“ (Letters № 19, 11 сентября; № 20, 8 сентября; № 21 письмо, 13 сентября). Она готова была явиться къ Бестужеву лично и просить его, чтобъ онъ исполнилъ ея просьбу... „Если мнѣ останется только этотъ способъ,—пишетъ она (Letters № 19, 11 сентября),—я очень надѣюсь на него; хотя я хорошо знаю, что канцлеръ любитъ только самого себя, но я считаю, что послѣ денегъ я представляю изъ себя нѣчто, что должно произвести впечатлѣніе на него и у него“. Наконецъ, она готова была предложить Бестужеву часть денегъ, ею полученныхъ отъ англійскаго короля, лишь бы онъ обязался вернуть Понятовскаго въ Рождеству (Letters № 21, 13 сентября).

Ее радовало однако то, что Понятовскій ничего не зналъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя она переживала; но Уилльямсъ совѣтовалъ ей написать обо всемъ графу Станиславу-Августу и самъ ему написалъ письмо въ 12 страницъ, въ которомъ онъ, увѣривъ его въ расположеніи къ нему великой княгини, сообщилъ, какъ онъ предполагалъ дѣйствовать въ будущемъ (Answers № 27, 8 сентября; № 21, 11 сентября; Letters № 18, 7 сентября).

Состоя другомъ и великой княгини, и Понятовскаго, Уилльямсъ

исполнялъ порученія ихъ обоихъ: въ одномъ письмѣ къ Уильямсу Понятовскій просилъ узнать отъ Екатерины, расположена ли она къ нему по прежнему, на что великая княгиня отвѣтила послу (Letters № 3, 12 августа), что это—сущая правда (*une vérité des plus véritables*), которую она просила подтвердить ихъ отсутствующему другу. Уильямсъ написалъ ей въ отвѣтъ, что онъ уже шесть лѣтъ, какъ состоялъ опекуномъ и наставникомъ Понятовскаго, что въ виду сего послѣдній, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ ему во многомъ, но что никакое одолженіе не могло быть сравнено съ тѣмъ, которое онъ ему дѣлалъ, передавая ему эту сущую правду (Answers № 8, 13 августа).

Питая къ Понятовскому такое расположеніе, Екатерина писала Уильямсу, насколько она тронута всѣми заботами, которыя онъ имѣлъ о ихъ общемъ другѣ, сдѣлавъ изъ него то, чѣмъ онъ былъ, и просила его воспроизвести портретъ молодого графа и прислать его ей; онъ бы сохранялся у нея въ ожиданіи истеченія пяти мѣсяцевъ, оставшихся до его приѣзда (Letters № 9, 23 августа; № 11, 27 августа; № 14, 30 августа).

Отвѣчая великой княгинѣ, Уильямсъ писалъ, что, любя Понятовскаго какъ своего сына, онъ не усматривалъ въ этомъ никакой заслуги передъ Екатериной. Что же касается портрета, то онъ уклонился отъ исполненія ея просьбы, говоря, что онъ пишетъ портреты слишкомъ реально (Answers № 15, 24 августа; № 18, 30 августа).

Въ своемъ искреннемъ расположеніи къ Понятовскому Екатерина, боясь возбудить его неудовольствіе, пишетъ Уильямсу (Letters № 3, 12 августа), что гетманъ графъ К. Г. Разумовскій, желая переговорить съ нею наединѣ о положеніи ихъ дѣлъ, просилъ у нея свиданія; она спрашивала Уильямса, могла ли бы она принять гетмана, не возбудивъ подозрѣнія въ Понятовскомъ? Уильямсъ ей отвѣтилъ (Answers № 7, 19 августа), что Разумовскій былъ другъ Понятовскаго. „Возможно ли—спрашивалъ Уильямсъ—знать васъ и васъ же подозрѣвать; я бы не могъ уважать того, которому я бы не довѣрялъ, а то, что я чувствую къ вамъ, превосходить уваженіе, это почти обожаніе и обожаніе, основанное на здоровомъ разсудкѣ и на разумѣ, которымъ Господь Богъ меня надѣлилъ“.

Заботясь о своемъ другѣ, Екатерина просила Уильямса (Letters № 15, 31 августа и 1 сентября) выслать Понятовскому 1000 червонцевъ изъ тѣхъ денегъ, которыя она получила отъ англійскаго короля, а въ письмѣ отъ 21 сентября (Answers

№ 21) Уилльямсъ увѣдомилъ великую княгиню о высылкѣ съ англійскимъ курьеромъ денегъ по назначенію.

Слѣдую совѣтамъ Уилльямса, Екатерина настойчиво потребовала въ своихъ переговорахъ съ Бестужевымъ черезъ довѣреннаго его Бернарди возвращенія Понятовскаго въ Петербургъ и написала графу Бестужеву письмо (Letters № 21, 13 сентября), въ которомъ она, не допуская никакихъ отговорокъ канцлера по этому поводу, послѣ его увѣреній въ преданности, удивлялась тому, что онъ могъ сообразоваться съ мнѣніемъ людей, домогавшихся неисполненія ея желаній, и высказывала, что разъ она требовала, то должна была имѣть предпочтеніе передъ всѣми, и что она добьется со свойственною ей настойчивостью возвращенія Понятовскаго, которое зависѣло исключительно отъ него, Бестужева; поэтому она ставила ему категорическій вопросъ, на который она ждала отъ него безусловнаго отвѣта: обязуется ли онъ въ томъ, что графъ Понятовскій вернется къ Рождеству въ Петербургъ, такъ какъ только при условіи возвращенія его черезъ посредство канцлера она обѣщала ему, Бестужеву, свое личное расположеніе и свое покровительство въ будущемъ. Со своей стороны, Уилльямсъ исполнялъ намѣченную имъ программу. При свиданіи его съ канцлеромъ, котораго онъ нашелъ слаще млека и меда (*il était comme la terre de Chanaan tout miel et lait*—Answers № 12, 13 сентября), Бестужевъ сталъ уговаривать посла, чтобъ онъ принялъ на себя отправленіе писемъ великой княгини Понятовскому и убѣдилъ Понятовскаго не пріѣзжать въ Петербургъ. Уилльямсъ на-отрѣзъ отказался исполнить подобныя порученія, сославшись на то, что онъ не желалъ вмѣшиваться въ это дѣло и попасться въ западню. Но кромѣ того Уилльямсъ держалъ Бестужева въ своихъ рукахъ тѣмъ, что, располагая большою суммою, которую король прусскій предоставилъ въ его распоряженіе для подкупа, онъ далъ понять канцлеру, что при извѣстныхъ условіяхъ и ему могла перепастъ часть этихъ денегъ (Answers № 12, 13 сентября). Независимо отъ того, Уилльямсъ увѣрялъ, что, по его представленію, англійское правительство не уплатитъ Бестужеву пенсіи, которую онъ получалъ отъ короля, до тѣхъ поръ, пока Понятовскій не вернется обратно въ Петербургъ черезъ его посредство (Answers № 34, 8 сентября; Answers № 21, 11 сентября).

Настойчивость Екатерины стала мало-по-малу дѣйствовать на Бестужева. Онъ подослалъ къ ней Бернарди сказать, что если она такъ уже хочетъ возвращенія Понятовскаго, онъ могъ бы вернуться въ качествѣ саксонскаго министра при императорскомъ

дворѣ. Екатерина на-отрѣзъ отказалась отъ такого предложенія, требуя, чтобы канцлеръ исполнилъ то, что обѣщаль (Letters № 24, 17 сент.).

Сообщая Уилльямсу о такомъ предложеніи, она умоляла его не оставлять ее въ досадѣ, которая все болѣе и болѣе ею овладѣвала, и добавляла, что она готова сама идти ходатайствовать передъ канцлеромъ; она была убѣждена, что возьметъ верхъ надъ всѣми другими соображеніями, такъ какъ онъ ее любилъ, насколько подобный человѣкъ могъ любить.

Въ виду того, что въ это время король Фридрихъ II напалъ на Саксонію и могъ не выпустить ея короля, вопросъ о назначеніи Понятовскаго представителемъ Августа III, какъ короля польскаго, зависѣлъ отъ того, успѣетъ ли Августъ III прибыть въ Варшаву и созвать сеймъ.

Понятовскій писалъ Уилльямсу, что, по его свѣдѣніямъ, Августа III ожидали въ Варшавѣ: „Если это такъ,—успокаивалъ Уилльямсъ Екатерину (Answers № 30, 19 сентября),—то все будетъ хорошо, и по заключеніи мира между Пруссіею и Саксоніею, Понятовскій вернется въ Петербургъ“. Въ отвѣтъ на это сообщеніе Екатерина писала послу (Letters № 25, 21 сент.), что съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ надѣялся на возвращеніе Понятовскаго, она чувствовала себя спокойнѣе, но выражала опасеніе за здоровье графа, такъ какъ все непріятное ему вредно. Уилльямсъ, однако, счелъ нужнымъ объяснить ей, что нельзя было строить какіе-либо планы до пріѣзда Августа III въ Варшаву и созыва сейма, такъ какъ если бы онъ не пріѣхалъ, то возвращеніе Понятовскаго будетъ затруднительнымъ; но даже въ послѣднемъ случаѣ—добавлялъ Уилльямсъ (Answers № 31, 22 сент.)—Бестужевъ могъ воздѣйствовать на кого слѣдовало, и возвращеніе состоится съ замедленіемъ на мѣсяць или шесть недѣль.

Вслѣдствіе настояній Екатерины, великій канцлеръ рѣшился дѣйствовать во исполненіе ея желаній. Онъ написалъ письмо министру Августа III, графу Брюлю, въ которомъ изложилъ, что, въ виду существовавшихъ политическихъ усложненій, онъ считалъ необходимымъ присутствіе при императорскомъ дворѣ чрезвычайнаго посланника польскаго королевства, съ цѣлью укрѣпленія узъ дружбы, связывавшихъ оба правительства. Для замѣщенія должности представителя короля польскаго, Бестужевъ указалъ на графа Понятовскаго, какъ на лицо, которое сумѣло снискать благоволеніе императрицы и расположеніе всего ея двора и, вслѣдствіе этого, могло лучше другихъ оказать услуги своему королю и своей странѣ. Копія съ этого письма была

доставлена великой княгинѣ, которая не преминула ее сообщить Уильямсу съ замѣчаніемъ, что она осталась довольна такимъ шагомъ Бестужева (Letters № 23, 24 сент.).

Уильямсъ, соглашаясь съ тѣмъ, что письмо канцлера окажется свое дѣйствіе, находилъ только одинъ недостатокъ, а именно тотъ, что польскій король не могъ назначить посланника отъ Рѣчи Посполитой безъ одобренія сената; онъ могъ однако безъ его согласія послать изъ Дрездена повѣреннаго по дѣламъ Польши (Answers № 40, 26 сент.). На эту оговорку Уильямса Екатерина замѣтила, что самъ Брюль убѣдится въ дѣйствительномъ желаніи канцлера, чтобы Понятовскій вернулся, и прибѣгнетъ къ послѣднему способу при невозможности примѣненія перваго (Letters № 26, 26 сент.).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Уильямсу Понятовскій просилъ написать его отцу и матери, чтобы они содѣйствовали его возвращенію въ Петербургъ. Сообщая объ этой просьбѣ (Answers № 55, 27 сент.; Letters № 43, 19 окт.), Уильямсъ писалъ Екатеринѣ, что графиня Понятовская—умная женщина, но ханжа, что она любитъ своего сына и питаетъ къ нему, Уильямсу, какъ ни къ кому иному, большое довѣріе, которымъ онъ не преминетъ всецѣло воспользоваться.

Уильямсъ, дѣйствительно, написалъ графинѣ Понятовской (Answers № 45, 25 окт.), что если она чувствовала себя чѣмъ-нибудь ему обязанною, то она могла выразить свою благодарность ему возвращеніемъ своего сына. Далѣе, онъ указалъ на ту пользу, которую молодой Понятовскій оказалъ ему своимъ содѣйствіемъ, и на тѣ успѣхи, которые онъ проявилъ въ дѣлахъ: „однимъ словомъ—писалъ Уильямсъ Екатеринѣ,—я выразилъ все, съ цѣлью добиться того, чего мы оба такъ сильно желаемъ. Какъ мнѣ пріятно сдѣлать вамъ удовольствіе!“

Между тѣмъ, въ городѣ распространились слухи, что Понятовскій арестованъ въ Польшѣ—и что императрица считала его шпиономъ прусскаго короля. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, взволновавшихъ Екатерину, она просила Уильямса переговорить съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и принять на себя защиту ихъ друга; сама же она собиралась объясниться съ Бестужевымъ, на основаніи какихъ данныхъ императрица обвиняла Понятовскаго въ шпионствѣ (Letters № 28, 5 окт.). Успокаивая великую княгиню насчетъ того, что приведенные слухи чистѣйшій вздоръ, Уильямсъ ей сообщилъ содержаніе разговора, который онъ имѣлъ съ Бестужевымъ (Answers № 37, 7 окт.). Канцлеръ больше всего боялся потерять благорасположеніе Екатерины и увѣрялъ

посла, что онъ дѣлалъ все, чтобы Понятовскій вернулся, но еслибъ этого не случилось, то не слѣдовало великой княгинѣ его упрекать. Уилльямсъ на это ему замѣтилъ, что возвращеніе Понятовскаго не было государственнымъ дѣломъ, а дѣломъ дружескаго расположенія, почему Бестужеву надлежало подумать о послѣдствіяхъ неудачи. Уилльямсъ дружески совѣтовалъ канцлеру не шутить съ волею великой княгини, такъ какъ она рѣшилась достигнуть возвращенія Понятовскаго во что бы то ни стало. Исполненіемъ такой воли Екатерины канцлеръ обезпечивалъ за собою навсегда то высокое довѣріе, которымъ онъ пользовался у великой княгини. Послѣдніе доводы посла поразили канцлера, и онъ показался ему очень смущеннымъ. „Господи,—писалъ Уилльямсъ Екатеринѣ,—какъ бы я желалъ, чтобы Понятовскій вернулся для моего собственнаго утѣшенія! Такой привязанный другъ, такой знающій и осторожный пособникъ неоцѣнимъ! Какъ онъ былъ бы мнѣ полезенъ въ эту минуту; онъ, который дѣлитъ со мною и горе, и радость, который любить меня, не ожидая какой-либо выгоды, который привязанъ ко мнѣ безъ задней мысли и уважаетъ, потому что знаетъ меня. Правда, что я питаю къ нему нѣжность отца: онъ—мой избранныкъ, мой приемышъ, и я радуюсь, когда вижу ежедневно, что мой разсудокъ не нахвалится вмѣстѣ съ вами моимъ выборомъ, *que ma raison et vous se louent de mon choix*. Я вамъ скоро пришлю его портретъ въ маломъ и большомъ размѣрѣ“.

Слухъ о пріѣздѣ Августа III въ Варшаву подалъ поводъ Уилльямсу написать (Answers № 56, 22 октября) великой княгинѣ, что по всему вѣроятію Понятовскій могъ скоро вернуться, такъ какъ польскому королю было вполне естественно послать кого-нибудь съ цѣлью извѣстить императрицу о его прибытіи въ королевство, для чего ему надлежало созвать сенатъ и назначить Понятовскаго чрезвычайнымъ посланникомъ при императорскомъ дворѣ. Получивъ это сообщеніе, Екатерина поспѣшила выразить Уилльямсу свою радость (Letters № 46, 23 окт.).

Не довѣряясь, однако, этимъ радужнымъ извѣстіямъ, она, во избѣжаніе случайностей, искала сближенія съ графомъ Петромъ Шуваловымъ для того, чтобы онъ содѣйствовалъ осуществленію ея мечты. Но надо было найти посредника для переговоровъ съ Шуваловымъ помимо Апраксина, которому она не довѣряла, боясь, чтобы онъ не предалъ ее Бестужеву, а замыслы послѣдняго ей казались наиболѣе опасными въ виду его мстительности. (Letters № 46, 23 окт.). На это Уилльямсъ замѣтилъ (Answers № 59, 24 окт.), что ея настойчивое желаніе относительно воз-

вращенія Понятовскаго могло быть исполнено только черезъ посредство одного Бестужева, такъ какъ онъ былъ посвященъ въ тайну; Шуваловы въ этомъ дѣлѣ не могли быть полезными, и имъ не слѣдовало ничего обѣщать, а то Екатерина рисковала бы ничего отъ нихъ не получить. Уилльямсъ полагалъ, что возвращеніе Понятовскаго совершится скоро само собой.

Въ субботу 26 октября, Екатерина черезъ Уилльямса получила письмо отъ графа Станислава-Авг. Понятовскаго и записку отъ его отца и сообщила сэру Чарльзу выдержку изъ письма своего друга (Answers № 52, 26 октября; Letters № 41, 27 октября). Въ немъ онъ рассказывалъ, какъ его мать добилась отъ него признанія, почему онъ такъ страстно желалъ вернуться въ Петербургъ. Когда она узнала отъ него причину, она объявила ему, что не согласна на его отъѣздъ. Отчаяніе его было ужасно, но, несмотря на его слезы и мольбы, мать осталась непреклонной. Его удрученное состояніе замѣтили великій казначей графъ Флеммингъ и его дядя князь Августъ Чарторыйскій, воевода русскій. Когда они узнали, въ чемъ дѣло, графъ Флеммингъ сказалъ, что ему надо спастись, и предложилъ свои услуги, чтобъ уѣхать, несмотря на сопротивленіе графини Понятовской. Затѣмъ, обратившись къ князю Августу, онъ воскликнулъ: „Нечего медлить, — онъ сломалъ себѣ шею, и намъ предстоитъ то же самое, если онъ не вернется. Мы потеряемъ поддержку Екатерины и заслужимъ ея недоброжелательство, если онъ не возвратится“. По обсужденіи положенія, было рѣшено между ними и графомъ Понятовскимъ-отцомъ, что если его сынъ не будетъ отправленъ посланникомъ короля, то онъ поѣдетъ съ дядей канцлеромъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, въ Литву, откуда переправится въ Петербургъ. Графъ Станиславъ-Августъ съ радостью ждалъ моментъ отъѣзда, когда получилось письмо Уилльямса, рисовавшее положеніе дѣлъ въ Петербургѣ. Хотя эти извѣстія смутили отца графа Понятовскаго, но въ заключеніе онъ рѣшился на отъѣздъ своего сына, какъ скоро послѣдуетъ назначеніе его королемъ или вызовъ его изъ Петербурга.

Во время этихъ переговоровъ графъ Станиславъ-Августъ замѣтилъ, что по многимъ признакамъ его мать очень желала, чтобъ онъ вернулся, лишь бы она могла сказать себѣ, что она на то не дала своего формальнаго согласія. Затѣмъ слѣдовала въ письмѣ Понятовскаго къ Екатеринѣ просьба передать Уилльямсу, чтобъ онъ написалъ отцу его отпустить сына въ Петербургъ, такъ какъ онъ нуждался въ немъ. Этотъ предлогъ былъ необходимъ, чтобъ убѣдить графиню Понятовскую,

которая повторяла, что еслибы Уилльямсъ дѣйствительно нуждался въ ея сынѣ, онъ бы формально потребовалъ отъ отца его возвращенія. Между тѣмъ русскій повѣренный въ дѣлахъ при королѣ Августѣ III Гроссъ донесъ 4 ноября (24 октября) канцлеру изъ Варшавы (Letters, 4 ноября), что еще въ Дрезденѣ онъ получилъ рекомендательныя письма, которыми былъ снабженъ Понятовскій для передачи королю и его первому министру, графу Брюлю. Гроссъ успѣлъ исполнить данное ему порученіе, и когда молодой стольникъ явился въ Варшаву ко двору, онъ былъ принятъ королемъ весьма благосклонно. Графъ Брюль увѣрилъ Гросса, что король Августъ готовъ въ скорости отправить стольника съ порученіемъ императорскому двору, предварительно пожаловавъ ему голубую ленту. Отправка Понятовскаго отъ Рѣчи Посполитой могла бы послѣдовать только на основаніи постановленія сената, но такое потребовало бы много времени и врядъ ли увѣнчалось бы успѣхомъ. Самъ Понятовскій предпочелъ бы для выигрыша времени отправиться съ порученіемъ отъ короля, получивъ вѣрительныя грамоты, въ виду занимаемой имъ должности стольника великаго княжества литовскаго, не изъ канцеляріи Саксоніи, а изъ литовской канцеляріи.

Выражая великой княгинѣ свою радость въ виду скорого исполненія ея желаній, Уилльямсъ умолялъ Екатерину на колѣняхъ (Answers № 80, 4 ноября; Answers № 46, 6 ноября), чтобы, по приѣздѣ Понятовскаго, она была осторожной въ виду мнительности канцлера, который успѣлъ удалить гетмана графа Разумовскаго, старался, возстановивъ государыню противъ него, Уилльямса, вынудить его къ отъѣзду, и способенъ въ одну прекрасную ночь заключить подъ стражу самого Понятовскаго. Въ отвѣтъ на это предупрежденіе, великая княгиня написала Уилльямсу, что сама хотѣла посовѣтоваться съ нимъ по сему предмету и будетъ видѣться съ Понятовскимъ согласно указаніямъ посла (Letters, № 47, четвергъ 7 ноября). Въ томъ же письмѣ она сообщала ему, что, согласно увѣдомленію графа Брюля отъ 6 ноября (27 октября), полученному канцлеромъ, графъ Понятовскій выѣзжаетъ черезъ 10 или 11 дней съ порученіемъ отъ короля Августа III, получивъ орденъ Бѣлаго Орла. Еще 5-го ноября саксонскій повѣренный въ дѣлахъ при императорскомъ дворѣ Прассе увѣдомилъ дипломатическій корпусъ о прибытіи графа Понятовскаго. Французскій агентъ Дугласъ и австрійскій посоль графъ Эстергази были очень поражены такимъ извѣстіемъ. Сособщая объ этомъ великой княгинѣ, Уилльямсъ писалъ (Answers № 48, 8 ноября), что канцлеръ велѣлъ ему передать

черезъ Бернарди, чтобъ онъ предупредилъ графа Понятовскаго не останавливаться у великой княгини во избѣжаніе всякихъ толковъ. Уилльямсъ, однако, отказался вмѣшиваться, сказавъ, что, по всему вѣроятію, Прассе или великая княгиня сняли домъ для помѣщенія графа Понятовскаго.

Недаромъ Уилльямсъ предупреждалъ великую княгиню о готовившихся проискахъ Бестужева въ случаѣ прибытія графа Станислава-Августа. Въ сохранившейся перепискѣ между Екатериной и Уилльямсомъ имѣется журналъ постановленія конференціи, написанный рукою Екатерины и, очевидно, сообщенный ею въ переводѣ англійскому послу. Этотъ переводъ помѣченъ седьмымъ ноябрѣ. Въ немъ сказано, что такъ какъ назначеніе графа Понятовскаго посланникомъ не было угодно ея величеству въ виду его тѣсной дружбы съ англійскимъ посломъ, то государыня повелѣла, чтобъ канцлеръ объявилъ секретарю саксонскаго посольства Прассе, что данное ею Понятовскому рекомендательное письмо на имя короля Августа III выдано исключительно по его просьбѣ, что назначеніе его вовсе не угодно ея величеству и что вмѣсто него она желала бы видѣть, въ качествѣ представителя короля, уже состоявшаго при императорскомъ дворѣ графа Герсдорфа, который, какъ саксонскій подданный, вѣрнѣе служилъ бы его выгодамъ и внушалъ бы болѣе довѣрія. Въ случаѣ же неминуемости прибытія графа Понятовскаго было повелѣно имѣть съ нимъ сношенія лишь по такимъ дѣламъ, разрѣшеніе которыхъ не потребовало бы продолжительнаго пребыванія его въ Петербургѣ. Таково содержаніе постановленія конференціи, находящагося (въ переводѣ) въ перепискѣ между Уилльямсомъ и Екатериной; по справкѣ же съ подлинными протоколами бывшей конференціи 1756 года (марта 14—декабря 31), хранящимися въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, оказывается, что 7-го ноября 1756 г. дѣйствительно состоялось засѣданіе конференціи, на которомъ, между прочимъ, имѣлось сужденіе о приѣздѣ графа Понятовскаго, но протоколъ этого засѣданія отличается отъ передачи его въ перепискѣ Уилльямса, хотя оба документа по своему смыслу имѣютъ одинаковое значеніе.

Засѣданіе 7 ноября 1756 г. состоялось подъ предсѣдательствомъ канцлера графа Бестужева при членахъ князѣ М. Трубецкомъ, А. Бутурлинѣ, князѣ Михаилѣ Голицынѣ, графѣ Михаилѣ Воронцовѣ и графахъ А. и П. Шуваловыхъ.

Въ пятомъ пунктѣ протокола значится слѣдующее: „королевско-польскій дворъ началъ уже дѣйствительно возвращать

свою довѣренность и милость старымъ своимъ и здѣшнымъ партизанамъ князьямъ Чарторижскимъ, чему и доказательствомъ служить назначеніе сюда чрезвычайнымъ министромъ стольника литовскаго, графа Понятовскаго. Сіе послѣднее для великой конекціи, въ которой сей стольникъ извѣстнымъ образомъ находится съ англійскимъ посломъ Уилльямсомъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, правда, не весьма желательно, но какъ отвращеніе того уже совсѣмъ невозможно, потому что оной теперь въ дорогѣ быть имѣетъ, да и фамилія его тѣмъ крайне огорчена была бы, такъ что здѣшній дворъ, вступавшись столь сильно за оную, супротивленіемъ сему назначенію пришелъ самъ въ нѣкоторое съ собой разнорѣчіе; то останется смотрѣть, каково будетъ нынѣ сего Понятовскаго здѣсь поведеніе, и потому искусно размѣрять, какъ далеко имѣетъ простираться оказуемая ему въ дѣлахъ повѣренность, а между тѣмъ опредѣлено послать рескрипты къ его п—ству генералу фельдмаршалу и кавалеру Степану Ѳедоровичу Апраксину и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ".—Въ томъ же протоколѣ значится рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Назначеніе министромъ къ намъ стольника литовскаго графа Понятовскаго по причинѣ великой его съ аглинскимъ посломъ Уилльямсомъ конекціи при нынѣшнихъ обстоятельствахъ подлинно не можетъ намъ быть пріятно. Но понеже королевское при томъ намѣреніе показать намъ и симъ самымъ выборомъ нѣкоторую угодность всегда однако же признаніе заслуживаетъ, то и надлежитъ, чтобъ посланникъ Гросъ пристойный о томъ комплиментъ его величеству королю учинилъ; но при томъ графу Брилю въ вышней довѣренности и для единственнаго королевскаго извѣстія внушилъ, что хотя имѣвшее при томъ его величествомъ дружеское къ намъ намѣреніе намъ подлинно пріятно, да и въ прочемъ весьма бы мы тому согласны были, чтобъ симъ способомъ вошли паки въ прежнюю его величества милость и довѣренность князя Чарторыжскіе съ ихъ друзьями, за которыхъ мы у его величества заступленіе чинили и которыхъ мы всегда въ преданствѣ ко двору содержать стараться будемъ; то однакожь изображенное въ рескриптѣ нашемъ подъ № 4 намѣреніе, единственно къ пользѣ его королевскаго величества клонящееся, неотмѣнно превозмогаетъ надъ всякими посторонними уваженіями и мы подлинно не находимъ теперь лучшаго присовѣтовать, какъ чтобъ, не показывая одному передъ другимъ ни предпочтенія ни огорченія, и держа всѣхъ равно, равно каждаго принудить къ своей должности. При чемъ надобно, чтобъ Гросъ

и о томъ въ вышшемъ секретѣ графа Бриля предупредилъ, что буде графъ Понятовскій по прїѣздѣ сюда не найдетъ тотчасъ такой довѣренности, каковой бы въ протчемъ пребывающій между нами тѣснѣйшій союзъ требоваль, то не умаленіе нашей къ королю дружбы, но сіе единственно причиною тому будетъ, что графъ Понятовскій, будучи персонально въ великой дружбѣ и конекціи съ посломъ Уилямсомъ, усерднымъ комисіонеромъ короля прусскаго, предосторожность и благоразуміе требуютъ по меньшей мѣрѣ увѣриться напередъ о молчаливости сего молодого человѣка. Потребное изъ сего рескрипта къ свѣдѣнію нашего генерала-фельдмаршала Апраксина ему уже отъ насъ сообщено“ (л. 413).

Какъ въ подлинномъ протоколѣ конференціи, такъ и въ переводѣ, сдѣланномъ Екатериной, высказывается недовѣріе къ Понятовскому и предписывается вести дѣла съ нимъ осторожно. Такъ какъ переводъ, сообщенный Екатериной, болѣе обстоятельно и рѣзко изложенъ, то можно предположить, что это постановленіе было черновое, доставленное кѣмъ-нибудь изъ членовъ или канцеляріей конференціи великой княгинѣ и что оно было затѣмъ измѣнено и смягчено въ подробностяхъ. Но и въ этой измѣненной формѣ протоколъ выражалъ непріязнь и недовѣріе къ Понятовскому, а такъ какъ конференція состоялась подъ предсѣдательствомъ графа Бестужева, то великая княгиня не могла не подозрѣвать въ канцлерѣ коварныхъ цѣлей въ отношеніи ея друга.

Но канцлеръ, однако, продолжалъ увѣрять Екатерину въ своей преданности. Отъ него она узнала, что графъ Понятовскій ему писалъ, прося отвести ему квартиру отъ двора, такъ какъ русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Варшавѣ Гроссъ пользовался даровымъ помѣщеніемъ отъ короля. Увѣдомляя о томъ Уилямса (Letters № 38, 9 ноября), Екатерина писала, что хотѣла нанять для Понятовскаго домъ пѣвца Марко противъ Казанскаго собора ¹⁾ и что Понятовскій, по прїѣздѣ, долженъ быть покорнымъ какъ ягненокъ для того, чтобы овладѣть Бестужевымъ.

¹⁾ Графъ Понятовскій, по прїѣздѣ, поселился на Адмиралтейской сторонѣ близъ Гостинаго двора, въ домѣ полковника Марка Ѳедоровича Полторацкаго; фасадъ и планъ этого дома хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ; этотъ домъ находился, по всему вѣроятію, на мѣстѣ того, который стоитъ на углу Невскаго и Екатерининскаго канала въ Милютиныхъ рядахъ. Маркъ Полторацкій (1729—1795), сынъ соборнаго протоіерея въ г. Сосницѣ, черниговской губерніи, былъ возведенъ въ дворянство при Елисаветѣ Петровнѣ, управлялъ придворной пѣвческой капеллой; умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

„Говорите, что хотите, — писала великая княгиня, но имъ можно овладѣть“ (il est attrapable). Уильямсъ, однако, настаивалъ на томъ (Answers № 49, 10 и 11 ноября), чтобъ она прервала сношенія съ канцлеромъ, такъ какъ онъ ее предавалъ. По словамъ англійскаго посла, все совершится по желанію канцлера: гетманъ первый уйдетъ; онъ, Уильямсъ, принужденъ будетъ удалиться, во избѣжаніе того, чтобъ императрица сама не потребовала его отозванія, а Понятовскому дозволено будетъ остаться только для того, чтобъ сдѣлать комплиментъ, но онъ будетъ подвергнутъ такому надзору въ теченіе своего пребыванія, что Уильямсъ, какъ ея лучшій другъ, совѣтовалъ ей и не думать о свиданіи съ нимъ, но ожидать терпѣливо болѣе счастливыхъ дней. Онъ убѣждалъ ее обратиться къ графу Александру Ивановичу Шувалову, прося его передать его двоюродному брату, Ивану Ивановичу Шувалову, что она вполне ввѣряетъ себя ему съ тѣмъ, чтобы онъ не держалъ стороны канцлера, который поступилъ предательски съ нею. Уильямсъ доказывалъ великой княгинѣ, что вліяніе Бестужева на Шуваловыхъ происходило исключительно изъ ихъ предположенія, что онъ пользовался особымъ ея довѣріемъ. Если же Бестужевъ управлялъ Шуваловыми на основаніи этого предположеннаго довѣрія, то не лучше ли Екатеринѣ управлять ими непосредственно. Почему Уильямсъ убѣждалъ ее переговорить съ Иваномъ Шуваловымъ, ему довѣриться и ему обѣщать свое покровительство въ будущемъ.

Убѣжденія Уильямса очень смутили Екатерину. Послѣ трехдневныхъ размышленій она, стѣсняясь порвать окончательно съ Бестужевымъ, рѣшилась написать Ивану Ивановичу Шувалову, что, потерявъ довѣріе къ канцлеру, она обращается къ нему, Шувалову, за его содѣйствіемъ, обѣщая свое покровительство въ будущемъ. Это письмо было передано Ивану Ивановичу Нарышкинымъ, принесшимъ Екатеринѣ отвѣтъ Шувалова, который, благодаря за оказанное ему довѣріе, выразилъ свою полную готовность быть полезнымъ великой княгинѣ. Въ то же время Бестужевъ, предчувствуя, что она подозрѣвала его въ измѣнѣ, писалъ ей, что онъ очень опечаленъ ея недовѣріемъ; Екатерина же ему отвѣтила, что, не сомнѣваясь въ его искренности, она просила не обижать ея друзей, намекая на Уильямса, гетмана Разумовскаго и графа Понятовскаго, которые привязаны къ ней столько же, сколько и онъ самъ (Letters № 36, 13 ноября; № 31, 15 ноября).

18-го ноября, канцлеръ доставилъ великой княгинѣ письмо (Letters № 45, 19 ноября) отъ графа Понятовскаго и донесеніе

отъ Гросса. Послѣдній писалъ, что отъѣздъ графа откладывался до полученія извѣстій изъ С.-Петербурга о томъ, какъ было принято императорскимъ дворомъ его назначеніе. Затѣмъ въ донесеніи описывались интриги французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Дюрана, домогавшагося полученія аудіенціи у короля для того, чтобъ убѣдить его отправить въ С.-Петербургъ другое лицо, а не Понятовскаго. Узнавъ о томъ, Августъ III позвалъ графа въ кабинетъ и объявилъ ему, что онъ назначаетъ его министромъ въ Россію. Въ виду этихъ интригъ Бестужевъ сообщилъ великой княгинѣ, что онъ дѣлалъ все возможное, чтобъ ее удовлетворить, но она сама видитъ, какъ ему было трудно. На это Екатерина пригрозила ему, что она порветъ съ нимъ всѣ сношенія, если онъ только посмѣетъ ее обмануть, и что, обратившись съ письмомъ къ графу Брюлю, онъ могъ бы устранить всѣ затрудненія къ скорѣйшему пріѣзду графа Понятовскаго изъ Варшавы.

Настойчивость Екатерины понудила канцлера предписать Гроссу, чтобъ было оказано полное довѣріе Понятовскому (Letters № 40, 20-го ноября). Между тѣмъ Уилльямсъ, усмотрѣвъ, что положеніе его при императорскомъ дворѣ сильно поколебалось, вслѣдствіе окончательнаго сближенія Россіи съ Франціей, обратился къ своему правительству съ просьбой его отозвать. Сообщая объ этомъ рѣшеніи, онъ писалъ Екатеринѣ (Answers № 79, 21 ноября), чтобъ она вспомнила его предсказанія о томъ, что ея друзья всѣ потерпятъ: гетманъ Разумовскій первый, Уилльямсъ второй, а за третьяго онъ страшно боялся. Послѣднія слова очень огорчили Екатерину, и она спрашивала (Answers № 84, письмо Екатерины 23 ноября), неужели графъ Понятовскій не съумѣетъ своимъ обращеніемъ съ канцлеромъ привлечь его на свою сторону. Письмомъ отъ 26 ноября графъ Понятовскій сообщалъ великой княгинѣ (Answers № 85, письмо Екатерины 25 ноября), что графъ Брюль подъ разными предлогами откладывалъ его отъѣздъ и выражалъ свое глубокое горе, какъ тяжело будетъ ему, когда онъ пріѣдетъ въ С.-Петербургъ, отказаться въ виду его положенія, какъ министра короля Августа III, отъ всякихъ сношеній съ Уилльямсомъ, правительство котораго держало сторону короля прусскаго. Утѣшая великую княгиню (Answers № 34, 26 ноября), которая очень огорчалась тѣмъ, что оба ея друга будутъ разъединены, Уилльямсъ писалъ, что онъ увѣренъ въ привязанности Понятовскаго къ нему и что если нельзя будетъ имъ видѣться, они оба найдутъ способъ обмѣняться мыслями. Онъ льстил себя надеждой, что когда-нибудь Екатерина и король прусскій, въ качествѣ ея по-

собника (lieutenant) сдѣлають Понятовскаго польскимъ королемъ. Но въ ту минуту Уилльямсъ выражалъ свое безпокойство относительно путешествія графа, такъ какъ повсюду царствовала измѣна и ему передавали такіе слухи, которымъ ему не хотѣлось вѣрить.

Великая княгиня испытывала также безпокойство по тому же поводу, хотя Бестужевъ ей сказалъ на андреевскомъ праздникѣ: „назовите меня злодѣемъ (scélérat), но не Бестужевымъ, если Понятовскій не вернется“. Но затѣмъ канцлеръ прибавилъ, что замедленіе въ отъѣздѣ Понятовскаго могло произойти только отъ него самого, и передалъ великой княгинѣ, что по разказу графа Эстергази французскій агентъ Дугласъ имѣлъ письма отъ Дюрана изъ Варшавы, въ которыхъ тотъ жаловался, что Понятовскій назвалъ его негодяемъ (faquin). Эти слухи до крайности возмутили великую княгиню, которая выразила канцлеру свое негодованіе и подозрѣніе въ томъ, что онъ строилъ тайныя козни, чтобъ воспрепятствовать пріѣзду графа. Великая княгиня просила Уилльямса дать ей совѣтъ, какъ преодолѣть этого проклятаго человѣка (Letters № 50, 3 декабря). Уилльямсъ отвѣтилъ, что онъ сильно подозрѣвалъ саксонскаго секретаря Прассе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ совмѣстно съ Эстергази и съ Дугласомъ, чтобъ помѣшать пріѣзду графа Понятовскаго въ Петербургъ (Answers № 69, 7 декабря), но по свѣдѣніямъ Бернарди, сообщеннымъ Екатеринѣ (Letters 54, 8 декабря), Прассе былъ очень заинтересованъ въ пріѣздѣ Понятовскаго въ качествѣ представителя Августа III и въ томъ, чтобы ему были поручены одни польскія дѣла, такъ какъ Бестужевъ обѣщалъ Прассе мѣсто саксонскаго резидента въ Петербургѣ, тогда какъ, если бы пріѣхалъ саксонскій посланникъ, Прассе не могъ бы быть назначенъ резидентомъ. Уилльямсъ, однако, продолжалъ не довѣрять Бестужеву, который, по его мнѣнію, умѣлъ выворачиваться, какъ всякій человѣкъ, лишенный совѣсти. Что же касается Прассе, то онъ былъ опасенъ, насколько могъ быть опаснымъ дуракъ (aussi dangereux qu'une bête peut l'être. Answers 72, 9 декабря). Получивъ отъ канцлера письмо Гросса отъ 5 декабря (24 ноября), по которому Понятовскій, выѣхавъ черезъ четыре или пять дней, долженъ былъ прибыть въ концѣ года ¹⁾, великая княгиня спросила у канцлера, во сколько дней могъ пріѣхать посланникъ изъ Варшавы, такъ какъ ей извѣстно, что для частнаго лица достаточно восьми

¹⁾ Letters № 53, письмо 10 декабря.

дней. Отвѣчая Екатеринѣ (Answers № 66, 11 декабря), что если бы Понятовскій выѣхалъ черезъ пять дней послѣ 5 декабря (24 ноября), то онъ бы долженъ былъ уже быть на мѣстѣ, такъ какъ въ тринадцать дней можно было совершить это путешествіе вполне спокойно, — Уилльямсъ писалъ, что онъ готовилъ ей очень серьезное письмо насчетъ приѣзда Понятовскаго, излагая въ немъ свои совѣты, свои мысли и подозрѣнія. Между тѣмъ Екатерина получила (Letters № 52 (b), 13 декабря) черезъ канцлера письмо отъ Понятовскаго также отъ 5 декабря (24 ноября), въ которомъ онъ сообщалъ, что надѣялся выѣхать въ слѣдующій четвергъ и прибыть черезъ три недѣли отъ этого дня. вмѣстѣ съ этимъ письмомъ канцлеръ доставилъ великой княгинѣ записку графа Брюля къ Бестужеву, въ которой саксонскій министръ извинялся въ томъ, что задерживалъ Понятовскаго впредь до приѣзда въ Варшаву австрійскаго и французскаго пословъ, которымъ миссія Понятовскаго казалась подозрительной. По прочтеніи этой записки, Екатериной овладѣло безпокойство, такъ какъ ни графъ Броули, ни графъ Штернбергъ не собирались выѣзжать изъ Дрездена и ожиданіе ихъ приѣзда въ Варшаву могло продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ. Это препятствіе скрывалось Бестужевымъ, на котораго великая княгиня сильно негодовала.

Приближавшійся день рожденія императрицы предполагалось провести внѣ Петербурга, такъ какъ Елисавета Петровна говѣла на Рождество и выѣзжала въ Царское Село, а великіе князья — въ Ораніенбаумъ. Поэтому Екатерина, опасаясь, чтобы Понятовскій не приѣхалъ во время ея отсутствія, оставила сэру Чарльзу письмо на имя графа (Letters № 52, 16 декабря). Но передъ отъѣздомъ она получила отъ Уилльямса посланіе (Answers № 67, 14 декабря), въ которомъ онъ на колѣняхъ умолялъ ее быть осторожной по приѣздѣ графа, такъ какъ онъ, Уилльямсъ, былъ убѣжденъ, что канцлеръ рѣшился забрать ее окончательно въ свои руки и не потерпитъ, чтобы кто-либо раздѣлилъ съ нимъ ея милости. Уилльямсъ не сомнѣвался, что Бестужевъ былъ способенъ на все, чтобы достигнуть своей цѣли. Канцлеръ умѣлъ прикрывать дѣйствіями другихъ то, что онъ непосредственно самъ совершилъ; такъ, напр., онъ распространялъ слухъ, что посольство Понятовскаго устроено вице-канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, въ виду того, что рекомендательныя письма императрицы на имя короля польскаго были скрѣплены вице-канцлеромъ, а не имъ, Бестужевымъ; а если какая-нибудь бѣда случится съ Понятовскимъ въ Петербургѣ, то она произойдетъ отъ Бестужева, но онъ сумѣетъ скрыть свое участіе, обманувъ всѣхъ,

въ томъ числѣ и великую княгиню. Посему Уилльямсъ убѣждалъ ее быть очень предусмотрительной въ свиданіяхъ съ Понятовскимъ, а въ особенности видѣться съ нимъ у него или у третьихъ лицъ, но никогда у себя.

20-го декабря, Екатерина вернулась изъ Ораніенбаума, но Понятовскаго еще не было. Она нетерпѣливо его ждала, такъ какъ говорили, что онъ находился въ Ригѣ (Letters № 51, 21 декабря). Три дня спустя, а именно 23 декабря, прибылъ въ Петербургъ посланникъ короля польскаго, графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій, которому Августъ III, при его назначеніи, пожаловалъ орденъ Бѣлаго Орла. На слѣдующій день Екатерина сообщила Уилльямсу содержаніе полученнаго ею письма посланника (Letters № 49, 24 декабря). Онъ писалъ, что онъ начертить себѣ слѣдующій планъ, съ цѣлью укрѣпить свое нетвердое положеніе при императорскомъ дворѣ. При посѣщеніи канцлера, приѣмъ у котораго былъ назначенъ на 24-е декабря отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ, Понятовскій собирался ему высказать свою безусловную преданность. Затѣмъ ему слѣдовало заручиться доброжелательствомъ австрійскаго посла графа Эстергази; когда онъ этого достигнетъ, всѣ происки Дугласа скоро окажутся бессильными. Наконецъ, онъ покажетъ видъ, что не имѣетъ никакихъ сношеній съ англійскимъ посломъ. Понятовскій просилъ Екатерину убѣдить Уилльямса въ необходимости такой тактики для блага ихъ троихъ и съ цѣлью быть полезнымъ послу черезъ нѣкоторое время, чего графъ горячо желалъ изъ благодарности къ нему и по влеченію своего сердца. Такое обращеніе съ Уилльямсомъ было крайне прискорбно, но къ этому его принуждали обстоятельства и онъ полагался на правдивость и разсудительность самого Уилльямса.

Екатерина добавляла, что она считала излишнимъ поддерживать ходатайство своего друга, успѣвъ убѣдиться въ строгихъ правилахъ англійскаго посла. „Я болѣе чѣмъ когда-либо вашъ другъ, — писала Екатерина, — и нахожусь въ отчаяніи, что причинила вамъ горе въ отношеніи графа Понятовскаго“.

Уилльямсъ отвѣтилъ Екатеринѣ 26 декабря (Answers № 70, 26 декабря), одобряя планъ дѣйствій графа, которому онъ самъ бы совѣтовалъ не показывать вида, что имѣлъ съ нимъ общеніе. Одинъ графъ могъ бы когда-либо его увѣрить, что онъ отрекался отъ всякой дружбы съ нимъ, а самъ Уилльямсъ считалъ бы себя глупѣйшимъ человѣкомъ на всемъ свѣтѣ, если бы ошибся въ душевныхъ качествахъ Понятовскаго. Если графу тяжело обходиться съ нимъ подобнымъ образомъ, то у него, Уилльямса, душа

скорбятъ изъ-за того только, что отношенія между ними могутъ показаться холодными. Но убѣжденный въ томъ, что такая мѣра полезна и необходима графу, Уилльямсъ не только ея не порицалъ, но безусловно одобрялъ.

Признавая себя причиною, хотя и невольною, неудовольствія обоихъ своихъ друзей, Екатерина выражала свое крайнее приискорбiе и смущенiе (Letters № 55, 30 декабря). Она считала бы себя несчастнѣйшимъ существомъ на свѣтѣ, если бы Небо ей не помогло расплатиться съ Уилльямсомъ. „Сколько я вамъ обязана, — восклицаетъ она, — и какъ бы мнѣ хотѣлось вамъ это выразить!“

Въ своемъ отвѣтѣ великой княгинѣ (Answers № 55, 30 декабря) Уилльямсъ просилъ ее успокоиться. Послѣ сдѣланныхъ ею увѣренiй въ душевныхъ качествахъ Понятовскаго, ничто на свѣтѣ не могло разубѣдить его, Уилльямса, въ томъ, что графъ остался его лучшимъ другомъ. Онъ его приметъ какъ сына, увѣренъ въ его любви, а этого для него довольно. Графъ потерялъ бы его дружбу и заслужилъ бы его презрѣнiе, если бы онъ отказался отъ даннаго ему порученiя. Онъ слишкомъ много былъ обязанъ великой княгинѣ, чтобы не пожертвовать ей всѣмъ, кромѣ чести, такъ какъ иначе онъ бы заслужилъ ея презрѣнiе. Но, покинувъ его, графъ не поступилъ бы безчестно, такъ какъ подобное обращенiе съ нимъ служило бы только отговоркой, и онъ, Уилльямсъ, былъ бы готовъ его оправдать въ глазахъ всего свѣта. Въ заключенiе Уилльямсъ писалъ, что онъ обнимаетъ Понятовскаго отъ всей души, любя его какъ сына, а если бы онъ былъ дѣйствительно его сынъ, то онъ, Уилльямсъ, заставилъ бы его дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ графъ, исполняя свой долгъ. „Если же я страдаю, — кончалъ Уилльямсъ, — помните, что это для васъ обоихъ; въ этомъ — мое утѣшенiе; въ такихъ случаяхъ познаются истинные друзья“.

IV.

Мы прервали записки Понятовскаго изложенiемъ ближайшихъ причинъ его отъѣзда изъ С.-Петербурга въ августѣ 1756 года и событiй, сопровождавшихъ его отъѣздъ, — теперь продолжимъ рассказъ его о томъ, какъ онъ прибылъ въ Варшаву и возвратился въ С.-Петербургъ.

— Какъ я удивился, — говоритъ онъ, — узнавъ, по прибытiи въ Варшаву, въ концѣ августа 1756 года, о походѣ короля прусскаго и о нахожденiи нашего короля Августа III, курфюрста саксон-

скаго, въ осадѣ, въ лагерѣ подѣ Струпеномъ. Такъ какъ это событіе замедлило приѣздъ короля въ Польшу къ сроку, назначенному для открытія сейма, — послѣдній не состоялся... Какъ я сожалѣлъ о томъ, что покинулъ Петербургъ, что поѣхалъ въ Дюнабургъ съ цѣлью получить посольское полномочіе, которое оказалось ничтожнымъ! Какое мною овладѣло безпокойство при видѣ ввезапнаго измѣненія всѣхъ обстоятельствъ до такой степени, что я не могъ болѣе надѣяться на возвращеніе въ Россію въ качествѣ друга или, скорѣе, въ качествѣ политическаго друга Уилльямса ¹⁾. Однако, возвращеніе въ Россію было самымъ горячимъ желаніемъ, которое я когда-либо испытывалъ. Пришлось придумать способъ вернуться съ порученіемъ отъ короля польскаго, чтобы ходатайствовать за него и просить у Россіи помощи противъ прусскаго короля. Но сколько препятствій нужно было побороть для того! Мое семейство не пользовалось милостью двора со времени возникновенія острожскаго дѣла ²⁾. Этому нерасположенію я противопоставилъ убѣдительное письмо Бестужева, который объяснялъ Брюлю, какую пользу я могъ принести саксонскимъ интересамъ. Но самъ Брюль долженъ былъ бороться съ ненавистью, которую питали ко мнѣ его зять, графъ Мнишекъ, и приверженцы послѣдняго ³⁾. Брюль боялся возбуждать ихъ негодованіе, такъ какъ только-что привлекъ ихъ на свою сторону. Кромѣ того, король не могъ иначе назначить министра отъ Польши, какъ созвавъ сенатъ въ общее собраніе, но созывать таковое казалось неудобнымъ въ тотъ моментъ, когда переворотъ, произведенный прусскимъ королемъ во всей Европѣ, оказывалъ свое дѣйствіе въ самой Польшѣ. Наконецъ, еслибы это собраніе сената и было расположено въ мою пользу, оно, однако, не могло меня снабдить полномочіемъ по дѣламъ Саксоніи, развѣ бы Рѣчь Посполитая, созванная на сеймъ или собранная въ конфедерацію, объявила предварительно, что она желала участвовать нераздѣльно съ королемъ въ дѣлахъ Саксоніи. Но отъ такого рѣшенія польскій народъ былъ очень

¹⁾ Англія стала союзницей Пруссіи, король которой завладѣлъ Саксоніею; курфюрстомъ же саксонскимъ былъ король польскій Августъ III.

²⁾ Послѣ смерти Александра, послѣдняго князя Острожскаго, умершаго безъ потомства въ 1673 г., часть княжества была утверждена королемъ Яномъ III за князьями Любомирскими, самъ же Острогъ—за Вишневецкими, отъ которыхъ перешелъ къ князю Сангушко. Князья Чарторыйскіе захватили это наслѣдство совершенно неправильно, и это дѣло тянулось во все время царствованія Августа III.

³⁾ Графъ Мнишекъ принадлежалъ къ партіи Потоцкихъ, которые были противниками князей Чарторыйскихъ.

далекъ. Оставался единственный способъ, заключавшійся въ томъ, что король, какъ саксонскій курфюрстъ, назначилъ бы меня своимъ министромъ въ Россіи, такъ какъ саксонскій курфюрстъ былъ воленъ пользоваться услугами кого бы онъ ни пожелалъ изъ какой бы то ни было націи; а всякому поляку дозволялось поступать на службу иностраннаго государя. Самъ отецъ мой былъ уполномоченъ тѣмъ же Августомъ III блюсти его интересъ во Франціи. Ему не былъ присвоенъ публичный характеръ, но его полномочіе исходило отъ одного саксонскаго кабинета. Къ этому способу рѣшились прибѣгнуть и относительно меня; однако, моя семья придумала съ цѣлью придать болѣе значенія моей миссіи, чтобъ мнѣ было выдано подъ печатью Литовскаго княжества нѣчто въ родѣ инструкціи по дѣламъ, существовавшимъ тогда между Россіею и Польшею. Дядя мой, князь Адамъ Чарторыйскій, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, принялъ на себя отвѣтственность за правомѣрность такого порученія. Оставался вопросъ о расходѣ на миссію. У Августа III, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ лишеннаго всякихъ доходовъ съ Саксоніи, не было другихъ средствъ къ жизни, кромѣ доходовъ съ Польши; у него ничего не осталось на покрытіе расходовъ моего посольства, къ тому же при дворѣ мнѣ довольно ясно намекали, что если ожидалась какая-либо польза отъ моихъ заслугъ, то я первый вознаграждался высокимъ значеніемъ возложенныхъ на меня обязанностей посланника. Такимъ образомъ только отъ моего семейства мнѣ пришлось получить то, безъ чего я бы не могъ привести мою миссію въ исполненіе.

Но и среди моего семейства я наткнулся на большія затрудненія. Отецъ мой въ самомъ дѣлѣ желалъ, чтобы мое порученіе, ввѣренное мнѣ, состоялось, но моя мать, хотя и горячо желавшая для меня успѣховъ и повышенія, по своей набожности, терзалась сомнѣніями. Однако, вслѣдствіе настойчиваго желанія моего отца, она уступила, но съ тѣмъ безпокойствомъ, свойственнымъ матери не только набожной, но отлично предвидѣвшей всякаго рода опасности и затрудненія, которымъ могъ подвергнуться ея сынъ, въ особенности любимый ею. Воевода русскій ¹⁾ оказалъ мнѣ большую помощь, чтобъ осилить нерѣшительность моихъ родителей; онъ имѣлъ въ виду тотъ блескъ, который моя миссія могла придать тому семейству, главой котораго онъ какъ будто сдѣлался. Я нашелъ большую подмогу при этомъ дядѣ въ участіи, которое приняла въ успѣхѣ моихъ же-

¹⁾ Князь Августъ-Александръ Чарторыйскій, дядя Понятовскаго.

ланій его дочь замужемъ за княземъ Любомирскимъ, — стражникомъ, а впослѣдствіи великимъ короннымъ маршаломъ. Я о ней упомянулъ въ первой части этихъ записокъ ¹⁾.

Своимъ дружескимъ расположеніемъ, которое она тогда мнѣ выразила, и своими дѣйствительными стараніями помочь мнѣ вернуться къ другой особѣ, такъ какъ я того горячо желалъ, она возбудила во мнѣ столь живую благодарность къ себѣ и проявила до такой степени свою доброту, что я почувствовалъ къ ней нѣчто въ родѣ дружбы, которую я еще не испытывалъ ни къ одной женщиѣ. Эта женщина была чрезвычайно миловидной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ; ей не было еще двадцати лѣтъ, за нею всѣ ухаживали, но она еще никому не дала предпочтенія. Случалось, однако, каждый день и каждую минуту она сходилась со мною во мнѣніяхъ о вещахъ, о людяхъ, книгахъ и по всякимъ пустымъ вопросамъ; она, однимъ словомъ, не смотря на то, что мы не сговаривались, судила, разсуждала всегда какъ я, по какому бы то ни было предмету, — важному или игривому. Ласковая, какъ никогда женщина не умѣла ласкаться, она поступала такъ тогда изъ чистаго великодушія; въ ней нельзя было ни усматривать, ни подозрѣвать ничего другого, кромѣ желанія сдѣлать одолженіе. Она меня побуждала уѣзжать, я же ей былъ настолько обязанъ, что съ момента моего второго отъѣзда въ С.-Петербургъ я не могъ себѣ дать отчета, не представляла ли она меня поступать противъ долга чести. Я знаю только, что ея образъ стоялъ если не рядомъ съ великой княгиней, то сопровождалъ все то, что я чувствовалъ, находясь при ней. По волѣ послѣдней, выраженной черезъ Бестужева, мнѣ была пожалована, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, голубая польская лента.

Наконецъ, я уѣхалъ 15 декабря 1756 г. въ сопровожденіи человѣка, который не имѣлъ цѣны для меня, по имени Огородскій. Воспитанный, по выходѣ изъ краковскаго университета, въ домѣ моего отца, онъ послѣдовалъ за отцомъ въ его путешествіяхъ во Францію; оставленный имъ послѣ того въ Голландіи при моихъ братьяхъ, онъ вмѣстѣ съ ними продолжалъ свое

¹⁾ Въ первой части говорится, что въ 1752 г. двоюродная сестра Станислава-Августа, княжна Изабелла Чарторыйская, дочь князя Августа-Александра Чарторыйскаго, воеводы русскаго, вышла замужъ за князя Станислава Любомирскаго († 1783 г.), двоюроднаго брата ея матери, рожденной Сенявской. Бракъ этотъ совершился по принужденію, — по волѣ отца княжны. Между нею и графомъ Станиславомъ-Августомъ завязалась очень нѣжная и тѣсная дружба, которая сохранилась въ теченіе всей его жизни.

ученіе подѣ наблюденіемъ Каудербаха; онъ затѣмъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ у канцлера Залусскаго, вмѣстѣ съ нимъ былъ много разъ въ Дрезденѣ и впоследствии поступилъ съ правомъ на пенсію въ саксонскій кабинетъ. Обладая болѣе обширными познаніями въ наукахъ философскихъ и естественныхъ, а также по французской словесности, чѣмъ обыкновенно обладали въ Польшѣ, онъ пріобрѣлъ при дворѣ большой навыкъ къ дѣламъ иностраннымъ и мѣстнымъ. Это былъ рѣдкій человѣкъ. Можно было сказать про него, что онъ не только лично зналъ почти всѣхъ поляковъ и всѣхъ литовцевъ по-именно и въ лицо, но былъ посвященъ въ ихъ дѣла, въ ихъ отношенія и приключенія. Сверхъ того, онъ былъ прилеженъ, точенъ, молчаливъ, скромнъ, терпѣливъ, спокоенъ и такъ нѣжно преданъ моему дому, что онъ признавалъ себя по совѣсти обязаннымъ меня любить, мнѣ быть полезнымъ по мѣрѣ своихъ силъ и за мною ухаживать, какъ тѣлохранитель, но безъ всякой претензіи на обязанности наставника. Таковъ былъ человѣкъ, котораго уступили мнѣ по моему выбору въ качествѣ моего секретаря посольства.

Пріѣхавъ въ Ригу 27 декабря ¹⁾, я остановился въ этомъ городѣ три дня, чтобъ не отказываться отъ приглашенія, которое я получилъ отъ фельдмаршала Апраксина ²⁾ на балъ въ день рожденія ³⁾ императрицы Елисаветы. Мнѣ нужно было снискать расположеніе Апраксина. Онъ начальствовалъ надъ войскомъ, которое шло воевать за моего государя; это важное порученіе было ему довѣрено чрезъ посредство Бестужева. Я зналъ Апраксина еще съ перваго моего пребыванія въ Петербургѣ за человѣка, не мало хваставшагося тѣмъ, что былъ однимъ изъ денщиковъ Петра Великаго; но онъ не могъ указать ни на одинъ извѣстный подвигъ, ни на одно заслуженное дѣяніе, соотвѣтствовавшее его настоящему назначенію, на которое года одни ему давали преимущество, называемое старшинствомъ. Первымъ послѣ него въ этомъ войскѣ былъ тотъ генералъ Ливенъ ⁴⁾, который въ 1749 г. привелъ обратно русскія войска изъ Германіи. Но самымъ дѣятельнымъ лицомъ этой арміи былъ

¹⁾ 16 декабря стараго стиля.

²⁾ Фельдмаршалъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ (1702 — 1760), жен. на Аграфенѣ Леонтьевнѣ Соймоновой.

³⁾ 18/29 декабря.

⁴⁾ Баронъ Юрій Григорьевичъ Ливенъ (Георгъ-Рейнгольдъ), конной гвардіи подполковникъ, впоследствии генералъ-аншефъ (1696—1763). Послѣ мира, заключеннаго въ Ахенѣ въ октябрѣ 1748 г., онъ привелъ за смертью князя Репнина русскія войска на родину.

храбрый генераль Петръ Панинъ ¹⁾. Онъ въ качествѣ дежурнаго генерала дѣлалъ все у фельдмаршала Апраксина, имѣя въ то же время досугъ, какъ рассказывали, очень усиленно ухаживать за его супругою.

Прибывъ 3-го января 1757 г. въ С.-Петербургъ, я былъ принятъ на аудіенціи 11-го ²⁾. Рѣчь, которую я держалъ императрицѣ, была произнесена молодымъ человѣкомъ, который, не предвидя, что ее напечатаютъ въ газетахъ, поставилъ себѣ исключительною задачею нарисовать яркими красками предметъ своей миссіи, пользуясь единственнымъ случаемъ, ему представившимся, для изложенія его передъ лицомъ самой государыни, при дворѣ которой, по существовавшему распорядку, не дозволялось ни одному второразрядному министру говорить съ нею о дѣлахъ въ теченіе всего времени его пребыванія при ней.

Вотъ эта рѣчь:

„Имѣю честь обратиться къ вашему императорскому величеству отъ имени его величества короля польскаго. Я повинуюсь его приказаніямъ, какъ вѣрноподданный и горячій патриотъ, утверждая, что дружба моего государя и преданность моей страны ея священной особѣ столь же достовѣрны при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ онѣ были дѣйствительны во всякое время, въ чемъ свидѣтельствуется письмо, которое я имѣю честь представить отъ имени короля. Справедливость, которая царствуетъ въ совѣтахъ вашего императорскаго величества, и выгоды этой имперіи, равнымъ образомъ, говорятъ въ пользу короля, моего государя, и противъ наглого нападенія на его наслѣдственныя области ³⁾. Въ силу такихъ доводовъ я могъ бы

¹⁾ Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721—1789), впоследствии генераль-аншефъ.

²⁾ 31 декабря 1756 г. Понятовскій былъ принятъ на аудіенціи. Будучи только чрезвычайнымъ посланникомъ, онъ пріѣхалъ ко двору въ своей каретѣ; въ полдень его принялъ въ галереѣ оберъ-церемоніймейстеръ, который ввелъ его въ пріемный залъ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія конференціи; оттуда онъ прошелъ въ залъ аудіенцій, въ которой находились придворныя дамы и кавалеры. Гофмейстеръ и церемоніймейстеръ повели польскаго посланника на аудіенцію, которая состоялась въ присутствіи вице-канцлера. При выходѣ церемоніймейстеръ провелъ Понятовскаго въ галерею, откуда онъ прошелъ въ сопровожденіи камеръ-юнкера ихъ высочествъ въ ихъ апартаменты (камеръ-фурьерскій журналъ 1756 г.).

³⁾ Въ августѣ 1756 г. король прусскій Фридрихъ II во время мира напалъ на Саксонію. Онъ оправдывался, сказавъ англійскому посланнику: „sieht meine Nase danach aus, als wäre sie gemacht Nasenstüber in Empfang zu nehmen; bei Gott, die werde ich nicht dulden“ (развѣ мой носъ имѣетъ видъ, что онъ сдѣланъ для того, чтобы воспринимать щелчки; ей-Богу, я ихъ не потерплю). Этимъ нападеніемъ началась семилѣтняя война.

считать вполне обеспеченнымъ успѣхъ того важнаго порученія, возложеннаго на меня къ государынѣ, которая поставила себѣ славною задачею — достиженіе блага своихъ подданныхъ и защиту невинности, хотя бы в. и. в. не изволили объясниться по сему предмету. Но Европа уже освѣдомлена о томъ рескриптами, въ которыхъ она съ благоговѣніемъ признала дочь Петра Великаго ¹⁾. Почему главный предметъ моихъ инструкцій и, я осмѣливаюсь сказать, самый лестный для благихъ качествъ души вашего императорскаго величества заключается въ увѣреніи васъ, государыня, самымъ выразительнымъ и убѣдительнымъ образомъ, въ живой, постоянной и неизмѣнной благодарности, которой душа короля, моего государя, преисполнена къ вашему императорскому величеству. Вы провозгласили, государыня, ваше справедливое негодованіе противъ государя, честолюбіе котораго угрожаетъ всей Европѣ такими же бѣдствіями, какія сегодня постигли Саксонію. Вы обѣщали отомстить за нихъ. Нѣтъ ничего невозможнаго для русской императрицы; но когда императрица Елисавета что-либо предпринимаетъ, то все становится не только возможнымъ, но и осуществится, и король, мой государь, будетъ навѣрно возстановленъ со славою въ своихъ областяхъ, такъ какъ ваше императорское величество того желаете и объявили это. Я воздержусь отъ воспроизведенія ужасной картины набѣга на государство, совершеннаго въ нарушеніе договоровъ во время глубокаго мира, отъ описанія положенія короля, котораго называютъ своимъ другомъ и которому даютъ на выборъ постыдную жизнь или смерть его королевской семьи, подвергнутой крайнимъ лишеніямъ и самымъ невообразимымъ оскорбленіямъ. Я воздержусь отъ изложенія подробностей капитуляціи, нарушенной самымъ жестокимъ обращеніемъ съ офицерами и солдатами, вѣрность которыхъ ихъ государю была бы признана уважительной всякимъ другимъ непріателемъ. Я не останавлиюсь на изображеніи страны, которою завладѣли вражескія войска и которую вотъ уже четыре мѣсяца наполняютъ и опустошаютъ. Я не стану освѣщать новыми красками то, что уже слишкомъ извѣстно. Но я убѣжденъ, что жалость вашего императорскаго величества должна быть сильно возбуждена мыслью, что съ каждымъ днемъ бѣдствія невинной Саксоніи отягчаются, и что съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждою недѣлею проволоочки увеличивается могущество прусскаго короля. Силы,

¹⁾ Елисавета Петровна велѣла выдать изъ своей шкатулки 100.000 руб. королю Августу, о чемъ 13 сентября 1756 г. и состоялось постановленіе конференціи и посланъ рескриптъ министру Гроссу.

которыя онъ сѣумѣлъ найти и употребить въ 1745 г., послѣ поражений, нанесенныхъ ему въ 1744 г., доказываютъ, что онъ — гидра, которую необходимо задушить тотчасъ по ея появленіи. Сопротивленіе, которое онъ испытываетъ въ Богеміи, его удивляетъ, но вамъ, государыня, предстоитъ нанести ему рѣшительные удары. Такъ какъ другимъ державамъ разстояніе не позволяетъ придти скорѣе на помощь, то оказывается, что вамъ, государыня, предоставлено спасеніемъ угнетеннаго союзника убѣдить весь свѣтъ въ томъ, что захотѣтъ и исполнить имѣютъ для васъ одно значеніе, и что ничто не останавливаетъ русское войско, ведомое справедливостью къ славѣ. Да угодно будетъ Небу придать моему голосу даръ убѣжденія, и всѣ мои пожеланія будутъ удовлетворены, если я успѣю достойно исполнить волю моего государя и моимъ поведеніемъ заслужить, во время моего пребыванія при высочайшемъ дворѣ вашего императорскаго величества, продолженіе милостей, которыми вамъ, государыня, было угодно столь щедро и почетно осчастливить меня при отъѣздѣ отсюда. Моя благодарность слишкомъ проникнута уваженіемъ, чтобы болѣе говорить; мнѣ остается только выразить мое почтительное благоговѣніе“.

Рѣчь эта, какова бы она ни была, — говоритъ далѣе Понятовскій, — имѣла успѣхъ; смѣлость иногда необходима. Императрица слышала одни пошлые комплименты, обыкновенно произносимые лицами, не привычными говорить публично, столь невнятно, что она была не въ состояніи разобрать ихъ слова. Для нея было нѣчто новое, когда она услышала отъ иностранца лестныя слова, произнесенныя ясно и съ душою, такъ какъ ораторъ былъ воодушевленъ своимъ предметомъ, а сама она при томъ была твердо убѣждена въ неправотѣ прусскаго короля. Она приказала напечатать эту рѣчь ¹⁾.

Въ числѣ визитовъ, которые, я обязанъ былъ сдѣлать при вступленіи въ должность, было посѣщеніе кавалера Уилльямса ²⁾.

¹⁾ Въ письмѣ Екатерины къ Уилльямсу (Letters, № 58, 31 декабря), которое она написала вечеромъ, великая княгиня, увѣдомляя о томъ, что она и Понятовскій чувствовали себя вполне счастливыми, и что никакой разницы не существовало между настоящимъ и прошедшимъ, сообщала ему, что графа очень хвалили за краснорѣчіе, которое онъ проявилъ во время аудіенціи. „Онъ очень благородно говорилъ, — поясняла Екатерина — и великолѣпно держался“. Бестужевъ не присутствовалъ на аудіенціи по случаю болѣзни; отвѣчать на рѣчь посланника было поручено престарѣлому Миниху, самъ же вице-канцлеръ внезапно вышелъ изъ зала аудіенціи.

²⁾ Великая княгиня выражала въ своемъ письмѣ Уилльямсу отъ 8 января (Letters, № 57) сожалѣніе Понятовскаго, что онъ не видѣлся еще съ нимъ, но передавала послу нѣжныя чувства, которыя питалъ къ нему графъ. Посѣщеніе великобританскаго посла Понятовскимъ, упоминаемое въ его запискахъ, состоялось 8-го

Я не могу вспомнить безъ смущенія словъ, которыя онъ тогда сказалъ: „Я васъ люблю какъ дитя, которое я воспиталъ, помните это; но вы исполните ваши обязанности; я отъ васъ отрекись, какъ отъ своего воспитанника, если изъ дружбы ко мнѣ вы сдѣлали бы малѣйшій шагъ или малѣйшую неосторожность, которые бы противорѣчили вашимъ обязанностямъ, связаннымъ съ вашей настоящею должностію“. Тяжело мнѣ было исполнить это предписаніе, но я остался ему вѣренъ; я не имѣлъ съ Уилльямсомъ никакихъ сношеній ¹⁾. Частнымъ обра-

или 9-го января, такъ какъ въ письмѣ Уилльямса отъ пятницы 10 января (Answers, № 64) говорится, что посольскій собирался посѣтить посланника въ понедѣльникъ въ 6 час. вечера; такое посѣщеніе могло быть только отвѣтнымъ, такъ какъ посольскій не сдѣлалъ бы первымъ визита. Въ понедѣльникъ 13 января Уилльямсъ дѣйствительно отдалъ визитъ графу, такъ какъ великая княгиня писала послу 14 января (Letters, № 62), что она знала о вчерашнемъ визитѣ, на что Уилльямсъ ей отвѣтилъ (Answers, № 65), выражая свою радость въ виду того, что Понятовскій былъ доволенъ его посѣщеніемъ и успокоился. То, что сказалъ Уилльямсъ Понятовскому при ихъ первомъ свиданіи, приведено въ запискахъ Станислава-Августа вполнѣ согласно съ тѣмъ, что писалъ онъ Екатеринѣ въ письмахъ, приведенныхъ выше. За эти дружескія чувства Екатерина благодаритъ Уилльямса въ письмѣ отъ 31 декабря (Letters, № 54). Она пишетъ: „Ахъ, какъ ваше письмо отражаетъ возвышенность вашей души; позвольте мнѣ сказать безъ преувеличенія, что вы достойны всякаго уваженія; я плакала отъ умиленія и восхищалась вашей душой; полагайтесь всегда на меня; я поставлю вамъ памятникъ и провозглашу на весь міръ, что я уважаю добродѣтель, въ этомъ будетъ моя слава“.

¹⁾ Переписка между Уилльямсомъ и великой княгиней показываетъ, что въ началѣ пребыванія Понятовскаго, послѣ обмѣна визитовъ между посломъ и посланникомъ, Уилльямсъ вздумалъ было пригласить графа на обѣдъ. Въ письмѣ отъ 20 января (Answers, № 87) Екатерина въ шутливомъ тонѣ пишетъ сэру Чарльзу, что Понятовскій проситъ его пощадить его невинность, которая бы пострадала отъ обѣда съ нимъ наединѣ безъ оберегателей его чести, саксонскаго резидента Прассе и секретаря посольства Оградскаго, такъ какъ иначе его цѣломудріе, чистое, какъ лилія, и способное, какъ и она, поблекнуть, потеряло бы отъ злословія неблагонамѣренныхъ людей, почему Понятовскій просилъ пригласить къ обѣду всѣхъ троихъ или ни одного. На это Уилльямсъ отвѣтилъ (Letters, № 63), что ему никогда въ голову не приходило приглашать къ обѣду одного графа, напротивъ, онъ пригласитъ его обоихъ тѣлохранителей и посадитъ его между ними, такъ что онъ не подастъ ему ни одного блюда безъ того, чтобы предварительно не испросить позволенія Прассе, и не предложить ему вина безъ согласія Оградскаго. Однимъ словомъ, онъ угоститъ его хорошимъ обѣдомъ, но дурнымъ обществомъ. Надо полагать, что этотъ обѣдъ состоялся, такъ какъ въ другомъ письмѣ Уилльямса (Answers, № 75) онъ проситъ великую княгиню поблагодарить Понятовскаго за его извиненіе въ томъ, что обѣдъ, назначенный у него на слѣдующій день, не можетъ состояться вслѣдствіе болѣзни его повара. Уилльямсъ не безъ ироніи замѣчаетъ, что онъ гордится тѣмъ, что ему повѣдали такую тайну, какъ болѣзнь повара посланника, но утѣшается тѣмъ, что получилъ записку Екатерины, сообщавшую ему это извѣстіе, и что встрѣтится вечеромъ при дворѣ съ великой княгиней и надѣется быть ея партне-

зомъ я видѣлся съ нимъ только послѣ того, какъ онъ по истеченіи года былъ отозванъ. Я вступилъ въ исполненіе своей должности съ самыми лучшими надеждами на ближайшій успѣхъ, согласно перепискѣ и объясненіямъ русскихъ министровъ, основаннымъ на предписаніяхъ государыни. Но въ дѣйствительности движенія русскихъ войскъ во время этой войны поражали своею медленностью и непослѣдовательностью.

Въ обществѣ было извѣстно, — говоритъ далѣе Понятовскій, — что великій князь увлекался прусскимъ королемъ, что Бестужевъ былъ преданъ великой княгинѣ, что Апраксинъ былъ креатурой Бестужева и что я былъ воспитанникомъ Уилльямса. Отсюда выводили, что секретныя предписанія Бестужева шли въ разрѣзъ съ предначертаніями Елисаветы, но, однако, это предположеніе ни на чемъ не было основано. Личная ненависть къ королю прусскому развилась у Бестужева, приверженца Австріи, по принципу, изъ-за того, что Фридрихъ постоянно ему вредилъ, и, работая надъ его паденіемъ, поносилъ его въ своихъ напечатанныхъ стихотвореніяхъ послѣ того, какъ онъ тщетно пытался его подкупить. Апраксинъ имѣлъ самое искреннее намѣреніе исполнить предначертанія своего покровителя, но великая княгиня, какъ это мы увидимъ ниже, ободряла его самымъ настойчивымъ образомъ. Я преисполненъ былъ чувства своего долга, а кромѣ того, работая надъ гибелью короля прусскаго, я полагалъ принести пользу своей отчизнѣ и королю — курфюрсту Саксонскому. Неспособность Апраксина и его слабость, доходящая до глупости, были, слѣдовательно, единственными причинами всего того, что случилось страннаго въ теченіе этого 1757 года въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ. Влѣдствіе его тучности, верховая ѣзда была ему затруднительной; онъ поздно вставалъ, такъ какъ онъ балагурилъ до поздней ночи и засыпалъ только послѣ того, какъ два или три гренадера, одинъ послѣ другого, охрипѣли, рассказывая ему всякія басни и сказки о привидѣніяхъ до того громко, что ихъ было слышно вокругъ генеральской палатки, тогда какъ въ лагерьѣ должно было царить самое глубокое молчаніе. Это происходило постоянно. Тогда еще существовали среди русскаго народа и русскихъ солдатъ рассказчики по призванію, почти на подобіе тѣхъ, которые въ турецкихъ кофейняхъ забавляютъ

ромъ въ игрѣ, если только ему не навредятъ. Кромѣ того, онъ просилъ передать его сыну (Понятовскому), что если бы онъ никогда не угостилъ его обѣдомъ, болѣе не принялъ его и даже болѣе не увидѣлся съ нимъ, то и тогда онъ не пересталъ бы его любить, такъ какъ онъ убѣжденъ, что поступалъ такъ, вслѣдствіе общаго блага — великой княгини и своего.

праздныхъ и молчаливыхъ мусульманъ. Пробужденіе Апраксина, впрочемъ, не походило на пробужденіе герцога Вандомскаго, которое непріятель скоро замѣчалъ. Апраксинъ ровно ничего не зналъ, до такой степени, что 20 августа 1757 года, въ день битвы при Йегерндорфѣ, онъ воображалъ себя просто въ походѣ, когда сраженіе уже было на половину выиграно. Онъ до того смутился, узнавъ о сраженіи, что не отдалъ никакого приказа во время боя, и былъ такъ удивленъ, когда узналъ о своей побѣдѣ, что ничего другого не сумѣлъ сдѣлать, какъ приказать отступленіе, между тѣмъ какъ магистратъ въ Кёнигсбергѣ уже избралъ уполномоченныхъ для передачи ему ключей отъ города. До такой степени было полнымъ пораженіе пруссаковъ, послѣдовавшее по странному стеченію обстоятельствъ, называемому случаемъ; имъ доказывается отъ времени до времени самымъ способнымъ и гордымъ полководцамъ, что они все-таки— простое орудіе, которымъ Владыка судебъ распоряжается по своему усмотрѣнію. Правда, что пруссаки храбро дрались въ этотъ день; фельдмаршалъ Левальдъ считался однимъ изъ лучшихъ прусскихъ генераловъ; русскіе же не давали никакихъ приказаній; нѣкоторые изъ нихъ поплатились и были убиты. Солдаты, почти одни, сдѣлали все; они знали, что имъ слѣдовало стрѣлять, пока у нихъ были патроны, а не обращаться въ бѣгство. Просто исполняя эти двѣ обязанности, они убили столько пруссаковъ, что судьба вынуждена была уступить поле сраженія русскимъ. Дежурный генераль, графъ Петръ Панинъ, былъ отправленъ Апраксинымъ въ Петербургъ съ извѣщеніемъ о побѣдѣ; вслѣдствіе отсутствія этого храбраго, умнаго и вѣрнаго офицера, фельдмаршалъ попалъ въ руки тѣхъ, которые захотѣли воспользоваться его неспособностью, представивъ ему, что, въ случаѣ движенія русскихъ войскъ впередъ, они, навѣрно, погибнутъ за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Возникло подозрѣніе насчетъ генерала Ливена, находившагося въ этомъ войскѣ однимъ изъ первыхъ по чину послѣ Апраксина, въ томъ, что онъ былъ будто бы подкупленъ прусскимъ королемъ, съ цѣлью побудить фельдмаршала къ этому отступленію; но вся жизнь Ливена была слишкомъ достойна, чтобъ можно было оставить безъ доказательствъ это пятно на его памяти. Отъ кого бы ни исходилъ совѣтъ, данный Апраксину, фельдмаршалъ отступилъ назадъ въ Самогитію ¹⁾, какъ будто бы онъ понесъ пораженіе, и опустошалъ всю непріятельскую страну по мѣрѣ того,

¹⁾ Прусско-литовское побережье Балтійскаго моря.

закъ онъ ее покидалъ, какъ будто бы онъ подвергался преслѣдованію. Вѣнскій и версальскій дворы громко возопили, что ихъ предали; варшавскій ограничился жалобой на то, что обѣщанныя Саксоніи вспомогательныя войска отступали назадъ. Императрица Елисавета замѣнила Апраксина генераломъ Ферморомъ ¹⁾. Апраксинъ подвергся задержанію, по настоянію враговъ Бестужева и великой княгини, которые надѣялись этимъ шагомъ удовлетворить свое недоброжелательство по отношенію къ обоимъ этимъ лицамъ. Но каково было ихъ удивленіе, когда въ числѣ бумагъ Апраксина нашлись записки великой княгини, въ которыхъ она убѣждала Апраксина дѣйствовать быстро и энергично противъ прусскаго короля. Это на время спасло Бестужева и внесло казавшееся успокоеніе въ императорскую семью.

Сообразно всему вышеизложенному было бы излишнимъ — продолжаетъ Понятовскій — передавать въ малѣйшихъ подробностяхъ тѣ ходатайства и безчисленныя прошенія, которыми я, во все время моего служенія, домогался скорѣйшаго исполненія всего, что такъ усердно обѣщали моему государю. Отвѣты, которые я получалъ, были почти всегда благопріятны, но исполненіе ихъ грѣшило замедленіями или не соотвѣтствовало средствамъ, вслѣдствіе придворныхъ происковъ и общихъ недостатковъ управленія. Августъ III почти полностью былъ лишенъ доходовъ со своего курфюршества въ теченіе семи лѣтъ, пока продолжалась эта страшная война. Если обыкновенные доходы Саксоніи исчислялись тогда въ 9 милліоновъ червонцевъ, можно фактически утверждать, что прусскій король извлекъ разными поборами по крайней мѣрѣ втрое больше. Помножая девять на семь, что составляетъ 63, и утроивая эту цифру, получимъ 189 милліоновъ, которые Саксонія принесла прусскому королю. При ежегодномъ вспоможеніи въ 700.000 ф. стерл., уплачиваемыхъ Англіею, и при помощи доходовъ, получаемыхъ съ Саксоніи, оказалось возможнымъ невѣроятное, а именно, чтобы бранденбургскій курфюрстъ велъ борьбу съ Россіею, Австріею, Франціею и Швеціею, соединенными вмѣстѣ. Ко всему приведенному надо, однако, прибавить тѣ средства, которыя прусскій король извлекъ изъ способа, впервые примененнаго кѣмъ-либо изъ государей — чеканить монету другого государства. Мало того, что онъ приказалъ изготовлять монету съ изображеніемъ Августа III въ монетныхъ дворахъ Саксоніи, но

¹⁾ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ († 1771) вступилъ въ русскую службу при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ назначенъ генераль-аншефомъ вмѣсто фельдмаршала Апраксина; за сраженіе при Корндорфѣ въ 1758 г. императоръ Францъ I-й возвелъ его въ графское римской имперіи достоинство.

велѣлъ поддѣлывать ее въ своихъ собственныхъ владѣнiяхъ и понизилъ ея цѣнность до того, что она стоила менѣе трети своего дѣйствительнаго достоинства. Такъ какъ главнымъ очагомъ войны была сама Саксонiя, въ которой онъ закупалъ съ оружіемъ въ рукахъ все то, что не похищалъ насильно, то онъ расходовалъ лишь одну треть своихъ предполагаемыхъ издержекъ. Но не одной Саксонiи онъ навредилъ такимъ образомъ; Польша потерпѣла столько же—и вотъ какъ это произошло.

Въ дополненіе къ преимуществамъ, которыми пользовался бранденбургскій домъ въ Восточной Пруссiи, онъ приобрѣлъ, согласно велаускому ¹⁾ договору, еще одно, по которому достоинство монетъ въ обоихъ государствахъ, въ Польшѣ и въ Бранденбургскомъ герцогствѣ, опредѣлялось соглашеніемъ между ними; но этого никогда не соблюдали. Бранденбургскіе курфюрсты ограничились самовластнымъ изготовленіемъ монетъ такого же наименованія, и онѣ считались такой же пробы, какъ польскіе тинфы и шостаки, почему онѣ обращались въ Польшѣ наравнѣ съ польскими монетами. Такъ какъ съ прошлаго столѣтія серебряныя деньги болѣе не чеканились въ Польшѣ, а евреи нашли свою пользу въ покупкѣ старой монеты Яна-Казимира и Яна III вмѣстѣ съ надломленными червонцами, то къ концу царствованія Августа III появился недостатокъ въ серебряныхъ и даже въ мѣдныхъ деньгахъ. Это обстоятельство побудило этого государя воспользоваться тѣмъ же правомъ, которое себѣ предоставилъ король прусскій, какъ герцогъ бранденбургскій. Правда, существовалъ законъ, запрещавшій нашимъ королямъ вновь открывать монетный дворъ въ Польшѣ безъ согласія сейма, но такъ какъ господствовало мнѣніе, что никакой сеймъ не состоялся бы въ виду извѣстнаго своеволія (*liberum veto*), то Августъ III рѣшилъ, что онъ могъ обойти законъ для блага страны, приказавъ отчеканить въ Саксонiи тинфы и шостаки пробы временъ Яна-Казимира и Яна III, которые перешли бы въ обращеніе въ Польшу подобно тому, какъ обращались другія иностранныя деньги. Скоро, однако, обвинили тѣхъ, которые завѣдывали этою чеканкою въ Саксонiи, въ приготовленіи этихъ новыхъ денегъ, достоинствомъ немного ниже ихъ дѣйствительнаго, но разница (даже еслибы таковая и оказалась) была столь незначительной, что она не произвела никакого чувствительнаго вреда, а польза отъ наличности размѣнной монеты была ощутительна.

¹⁾ По этому договору, заключенному 19 сентября 1657 г., Польша признала суверенитетъ Пруссiи.

Подъ прикрытіемъ двойной и одновременной чеканки мелкой монеты и въ Саксоніи, и въ Пруссіи король Фридрихъ успѣлъ — какъ сообщаетъ Понятовскій — наводнить Польшу на 100 милліоновъ этихъ денегъ, прежде чѣмъ большинство населенія Польши, которое уже тогда было въ значительной степени предубѣждено противъ него, догадалось примѣтить ихъ поддѣлку; онѣ входили въ Польшу въ изобиліи, а слѣдовательно съ большою быстротой, такъ какъ прусскій король обратилъ Польшу въ свой складъ. Онъ въ ней покупалъ все потребное по части зернового хлѣба, лошадей, скота, селитры, грубаго полотна и даже сукна. Силезія и прочія области Пруссіи подвергались въ теченіе этой войны столь жестокимъ нашествіямъ и опустошеніямъ, что Польшѣ пришлось замѣстить Силезію въ поставкѣ двухъ послѣднихъ вышеприведенныхъ предметовъ. Когда поляки въ большинствѣ убѣдились въ томъ, что ихъ обманули въ достоинствѣ этихъ прусскихъ денегъ, то они подняли цѣну при продажахъ, но тогда эти деньги понизились на столько же въ дѣйствительной своей цѣнности, и всегда проходило нѣкоторое время, пока не обнаруживался обманъ. Такимъ образомъ къ концу войны въ 1763 г. исчислялось болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ гульденовъ этой поддѣльной монеты въ обращеніи въ Польшѣ. Польскіе евреи, болѣе смѣлавшіе въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ остальное населеніе страны, скоро снюхались съ прусскими евреями, въ руки которыхъ прусскій король передалъ завѣдываніе своею денежною частью. Знаменитый Ефроимъ руководилъ этимъ дѣломъ. Въ то время польскіе евреи были настолько преданы прусскому королю, что они содержали черезъ всю Польшу, начиная съ силезской границы до Венгріи, Турціи и Крыма, свою собственную почту, которая оказала немалую службу прусскимъ корреспонденціямъ въ этихъ странахъ, а особенно въ Польшѣ, поддерживая энтузіазмъ въ приверженцахъ прусскаго короля, распространяя всякіе слухи, ему выгодные, получая свѣдѣнія о русскихъ и объ австрійцахъ и оказывая другія безчисленныя услуги, послѣдствія которыхъ ежедневно ощущались Августомъ III. Но онъ не былъ въ состояніи имъ противодѣйствовать. Этому препятствовали разныя обстоятельства. Шляхта до такой степени умножила за послѣднее столѣтіе законы, предназначенные исключительно къ обезпеченію ея свободы или скорѣе ея своеволія; она до такой степени ограничила королевскую власть, что, собственно говоря, король сталъ безсильнымъ что-либо повелѣвать или запрещать, не прибѣгая къ созыву сеймовъ. Въ это царствованіе успѣхъ всякаго сво-

боднаго сейма справедливо признавался невозможнымъ; достиженіе реформъ чрезвычайнымъ путемъ конфедераціи всегда считалось графомъ Брюлемъ средствомъ слишкомъ опаснымъ, что привело бы только къ образованію контръ-конфедераціи и, слѣдовательно, къ междоусобной войнѣ, возбуждать которую тогда онъ тѣмъ болѣе боялся, что уже слышно было о попыткахъ прусскаго короля поднять турокъ и татаръ. Если бы они вступили въ дѣло, то, по всему вѣроятію, въ Польшѣ; тогда русскіе, вмѣсто того, чтобы идти на выручку Саксоніи, перенесли бы войну въ Польшу, гдѣ ихъ присутствіе, уже безъ того мало терпимое, увеличило бы число поляковъ, составлявшихъ оппозицію короля. Послѣдній же существовалъ со всѣмъ своимъ дворомъ только на доходы съ королевскихъ имѣній, исчислявшіеся въ 300.000 червонцевъ. вспомошествованія, получавшіяся съ Франціи, шли на содержаніе въ Дрезденѣ королевы и всей многочисленной королевской семьи и на уплату жалованья тѣмъ немногимъ саксонскимъ войскамъ, которыя избѣгли капитуляціи подъ Струпеномъ или освободились сами впоследствии отъ прусской службы и поступили въ австрійскую или французскую армію.

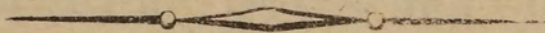
Таковымъ было, — по словамъ записокъ Понятовскаго, — истинно плачевное состояніе, въ которомъ находился Августъ III изъ за-того, что онъ не согласился быть вынужденнымъ союзникомъ короля прусскаго. Онъ былъ тестемъ дофина, отца Людовика XVI ¹⁾; его супруга была двоюродной сестрой Маріи-Терезіи и дочерью старшаго брата ²⁾. Онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ на польскій престолъ Россіи и никогда не переставалъ выказывать самую сильную привязанность этому двору. Прусскій король отнялъ у него Саксонію подъ тѣмъ предлогомъ, что ему извѣстны были соглашенія Августа III съ Россіею и Австріею относительно раздѣла его владѣній между обѣими императрицами. Завладѣвъ дрезденскимъ архивомъ, король прусскій воспользовался тѣмъ, что подходило его замысламъ. Онъ, однако, могъ предъявить изъ найденныхъ депешъ только нѣкоторыя мѣста, которыя въ сущности только доказывали, что Августъ III, много вытерпѣвъ отъ прусскаго короля, и какъ его союзникъ въ 1741 г., и какъ союзникъ Маріи-Терезіи въ 1745 г., всегда боялся этого сосѣда, старался

¹⁾ Сынъ Людовика XV, Людовикъ, умершій до него, былъ жевать на Маріи-Жозефинѣ, дочери Августа III.

²⁾ Старшій братъ императора Карла VI, императоръ Леопольдъ I.

сохранить доброжелательство Австріи и Россіи, но все-таки отказывался применить къ наступательному союзу, въ который по содержанію этихъ депешъ его желали увлечь, подъ тѣмъ предлогомъ, что по своему положенію онъ всегда находился подъ огнемъ общаго непріятели. Прусскій король — какъ говоритъ Понятовскій — особенно напиралъ на фразу, оказавшуюся въ отпускѣ одной изъ саксонскихъ депешъ: „Только тогда, когда всадникъ будетъ сброшенъ съ сѣдла, Саксонія можетъ рѣшиться на болѣе дѣятельное участіе, которое до того момента только повлекло бы ея напрасную гибель“...

С. Горяиновъ.

СИЛЫ ЗЕМЛИ

Романъ Ренэ Базэна.

— *René Bazin. Le blé qui lève. Paris. 1907. Calmann-Lévy.*

V *).

Генераль съ Жакменомъ пошли впередъ по веселой, прямой, какъ стрѣла, дорожкѣ между луговъ. Г. де-Мексимьё дѣлалъ широкіе жесты, о чемъ-то спрашивалъ, нагибался, сбивалъ тросточкою головки полевыхъ цвѣтовъ. Жакмень, который былъ много полнѣе его и ниже ростомъ, держался спокойно, отвѣчалъ односложно, кивая головою въ мягкой шляпѣ.

На разстояніи шаговъ пятидесяти позади нихъ шли Мишель и Антуанета. Дѣвушка была безъ накидки и зонтика; она, улыбаясь, указывала на предметы—одушевленные для нея, такъ какъ она любила ихъ: на загородку для кроликовъ, чудную группу вязовъ и дубовъ, рѣку, прудъ, дальнія фермы...

— Вы такъ же, какъ я, любите нашъ край?

— Глубоко люблю, m-lle Антуанета.

— Я обожаю наши луга.

— А я — лѣса.

— Я люблю здѣшнее солнце.

— А я — уединеніе.

— Значить, мы съ вами — Жанъ, который плачетъ, и Жанъ, который смѣется? Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ плачете?

— Довольно часто.

— Здѣсь это запрещено. Миѣ запрещено мечтать, хотя это

*) См. выше: январь, стр. 241.

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ

И

Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна

По неизданнымъ источникамъ.

Окончаніе.

V *).

„Я не берусь обсуждать, — пишетъ далѣе Станиславъ-Августъ Понятовскій въ своихъ запискахъ, — на какой сторонѣ была правда въ этой знаменитой войнѣ (австро-прусской, 1745 г.), но она была жестока для Саксоніи; другъ и недругъ способствовали ея разоренію. Дрезденъ былъ два раза подвергнутъ бомбардировкѣ пруссаками и австрійцами; послѣдніе уничтожили самый промышленный городъ курфюршества — Циттау“... Обѣ стороны обвинили другъ друга въ грабежахъ и жестокостяхъ. Прусскій король приказалъ сжечь королевскій замокъ Губертсбургъ послѣ того, какъ имъ были проданы еврею мебель и мѣдная крыша. Онъ велѣлъ взорвать великолѣпную гостиную сада, принадлежавшаго графу Брюлю въ Дрезденѣ, уничтожить двѣ дачи того же министра, Пфертавъ и Нишвиць, послѣднюю въ своемъ присутствіи, и соб-

*) См. выше: февраль, стр. 620.

ственноручно разбилъ о спину швейцара зеркало, которое этотъ вѣрный слуга пытался спасти отъ грабежа. Прусскій король въ то время оправдывалъ подобныя свои распоряженія желаніемъ отомстить за тѣ опустошенія, которыя русскіе произвели въ Пруссіи, и тѣ, которыя австрійцы себѣ позволили въ Шарлоттенбургѣ, когда они тамъ были. Кромѣ того, прусскій король приказалъ выпустить до ста тяжкихъ преступниковъ, заключенныхъ въ саксонскихъ тюрьмахъ, а между ними извѣстнаго разбойника Танцволя. Четверо изъ этихъ каторжниковъ, пойманные въ Богеміи, рассказывали, что они получили отъ прусскаго короля приказанія поджигать повсюду, гдѣ могли. Быть можетъ, они лгали. Но тѣмъ не менѣе было странно, что король ихъ выпустилъ на свободу, тѣмъ болѣе, что въ то же время онъ велѣлъ освободить другого разбойничьяго атамана, по имени Кезебира, который находился въ заключеніи въ его же собственныхъ владѣніяхъ, и къ которому онъ обратился съ рѣчью, выпуская его на свободу.

Сельское населеніе въ Саксоніи, правда, было менѣе расположено къ австрійцамъ, чѣмъ къ пруссакамъ, дисциплина которыхъ, можетъ быть, была дѣйствительно лучшею, и которые получили приказаніе убѣдить народъ въ Саксоніи въ томъ, что существовало тайное намѣреніе насильно обратить ихъ въ католичество, а что прусскій король сражался съ цѣлью ихъ защитить отъ такого обращенія. Но большинство торговцевъ, дворянство и въ особенности самъ Августъ III такъ жестоко пострадали отъ прусскаго короля, что одно изложеніе всѣхъ этихъ бѣдствій заслужило Августу III состраданіе, которое, вѣроятно, не осталось бы безплоднымъ со стороны Россіи, Вѣны и Версаля, если бы событія войны имъ болѣе благопріятствовали. Обѣ императрицы согласились уже съ марта мѣсяца 1745 года предоставить ему въ видѣ возмѣщенія городъ Магдебургъ и его уѣздъ и округъ при рѣкѣ Саалѣ. Августъ III, однако, полагалъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ просить о большемъ, что, насколько онъ помнилъ, вѣнскій дворъ, 15 мая 1745 г., ему обѣщалъ гораздо болѣе. Попытались вызвать союзные дворы на объясненія, вслѣдствіе чего Понятовскій получилъ предписаніе передать русскому двору записку подъ названіемъ: „Мотивированный перечень вознагражденія, требуемаго е. в. польскимъ королемъ курфюрстомъ саксонскимъ“¹⁾. Онъ передалъ эту записку русскому министру

¹⁾ Въ числѣ этихъ требованій значились: возвращеніе Августу III, натурою или деньгами, всей его артиллеріи, аммуницій и снаряженій, обратная передача ему всѣхъ бумагъ, документовъ и грамотъ, принадлежавшихъ саксонскому архиву, пере-

19 сентября 1757 г. и получилъ въ отвѣтъ извлеченіе изъ депеши, посланной 30 сентября 1757 г. императорскому послу въ Вѣнѣ, графу Кейзерлингу; ему поручалось въ ней поддержать передъ вѣнскимъ дворомъ домогательство саксонскаго курфюрста.

Понятовскій думалъ, что намѣренія русскаго двора были искренни, но искусство прусскаго короля и, главнымъ образомъ, его счастье, получили перевѣсъ надъ общею волею самыхъ могущественныхъ державъ Европы, хотя онѣ не пощадили для побѣды надъ нимъ ни стараній, ни силъ, ни издержекъ. Франція думала уловить удобный моментъ для того, чтобы возстановить свой кредитъ, которымъ она пользовалась одно время при дворѣ императрицы Елисаветы.

Маркизь де-Лопиталь былъ назначенъ французскимъ посломъ при ней. Его сопровождала многочисленная свита при роскошной обстановкѣ, которою думали сдѣлать впечатлѣніе, о чемъ самъ Лопиталь особенно заботился. Онъ велѣлъ нарисовать свои 23 кареты при ихъ переходѣ черезъ Карпаты и показывалъ съ восторгомъ эту картину. Бывшій посломъ въ Неаполѣ въ то время, когда тамъ царствовалъ (1757 г.) испанскій король Карлъ III, Лопиталь главнымъ образомъ состарился въ Версалѣ, состоя егермейстеромъ при дочеряхъ Людовика XV. Ему казалось, что онъ по своему тону принадлежалъ ко двору Людовика XIV и что обладалъ его горделивымъ обхожденіемъ, произнося пышныя фразы и наставленія, свойственныя въ особенности придворнымъ великаго короля, но въ сущности это былъ человекъ мало образованный и мало искусный и который (какъ Понятовскому сказала г-жа Жофрэнъ) ¹⁾ имѣлъ видъ скорѣе стараго актера, чѣмъ стараго

дача ему всѣхъ его войскъ, которыя прусскій король насильно завербовалъ въ свою армію, уступка Магдебургскаго герцогства со всѣмъ округомъ на рѣкѣ Саалѣ, княжества Гальберштадта, графства Мансфельдскаго и графства Гогенштейнскаго.

¹⁾ Марія-Тереза Родэ, по мужу Жофрэнъ (1699—1777), принадлежала къ буржуазному семейству города Парижа; вышла замужъ за богатаго купца Петра Жофрэнъ, одного изъ основателей зеркальной мануфактуры. Съ 1748 года она имѣла извѣстный салонъ, гдѣ собирались самые знаменитые художники и литераторы, изъ числа послѣднихъ Фонтенель, Монтескье и др. Г-жа Жофрэнъ покровительствовала энциклопедистамъ, изъ которыхъ Даламберъ, Гельвеціусъ, Мармонтель были ея друзьями. Въ ея салонѣ собирались и знатные иностранцы. Во время своего пребыванія въ Парижѣ до пріѣзда въ Россію графъ Понятовскій былъ принятъ очень радушно г-жею Жофрэнъ, по рекомендаціи своего отца. Она взяла молодого человека подъ свое покровительство и руководила его въ парижскомъ обществѣ своими совѣтами. Впослѣдствіи между ними завязалась переписка, которая продолжалась въ то время, когда Понятовскій вступилъ на польскій престолъ. Въ 1766 году г-жа Жофрэнъ пріѣзжала къ нему въ Варшаву.

барина ¹⁾. Онъ старался, насколько возможно, ему вредить, такъ какъ проѣздомъ черезъ Варшаву онъ проникся предубѣжденіями противъ него, которыя ему внушилъ французскій посоль при Августѣ III, графъ Броули. Это былъ маленькій человекъ, живой какъ порохъ, гордый, властолюбивый, придирчивый, чрезмерно безпокойный, что онъ и доказалъ подъ-конецъ ко вреду своего собственнаго состоянія и своей семьи, но полный ума, работающій, хотя и любилъ удовольствіе, желавшій управлять Саксовіей и Польшей. Онъ не выносилъ, что Россія имѣла большое вліяніе при дворѣ Августа III. Онъ старался объ отозваніи Понятовскаго, потому что считалъ его сторонникомъ Англіи и во избѣжаніе того, чтобы при его содѣйствіи въ Россіи не были даны приказанія пребывавшимъ въ Польшѣ русскимъ министрамъ, способствовавшимъ поднятію кредита его семейства, которое онъ считалъ противникомъ Франціи. Въ теченіе всего 1757 года Брюль отвергъ всѣ его ходатайства, такъ какъ онъ боялся разгнѣвать Бестужева и великую княгиню; къ тому же Понятовскій привлекъ на свою сторону вѣнскій дворъ услугой, которая могла считаться въ то время важною.

¹⁾ Французскій посоль Лопиталь произвелъ на великую княгиню очень дурное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ Уилльямсу (Letters, № 67, 2 іюля 1757 г.) она пишетъ: „Я чувствую безпредѣльную антипатію къ малой откровенности его (посла) нрава, къ которой, сказать по правдѣ, я сама его довела, къ постояннымъ хитростямъ его ума и напускаемой напыщенности его манеръ; однимъ словомъ, онъ мнѣ крайне не понравился, потому что онъ французъ, а это значить для меня противникъ всего русскаго. Я тоже не могу ему нравиться, я всегда буду противовѣсомъ французскаго вліянія, лишь бы Господу Богу было угодно помочь мнѣ въ этомъ. У меня недостаетъ низости и подлости, чтобы скрывать отъ посла мое чувство; все, что я могу сдѣлать, это только молчать. Въ такомъ настроеніи онъ меня нашель въ Петровъ день (29 іюня 1757 г.), на балу, такъ какъ онъ искалъ поговорить со мною о дѣлахъ и заставить меня проболтаться. Я такъ замкнулась, что онъ одинъ говорилъ, я ему отвѣчала лишь односложными словами или взглядомъ, значившимъ: „считаете ли вы меня душой“. Увидавъ, что я не поддавалась его краснорѣчивымъ убѣжденіямъ въ защиту его неправаго дѣла, онъ сталъ мнѣ говорить всякій вздоръ, въ чемъ онъ не очень силенъ, да и я тоже на то не очень способна. Чувствуя оба натянутость своихъ отношеній, мы не можемъ другъ другу понравиться“. Затѣмъ великая княгиня сообщала Уилльямсу, что она съ Понятовскимъ не могла не придти къ заключенію о разницѣ между вновь прибывшимъ посломъ и тѣмъ, чье отозваніе имъ такъ было прискорбно. Плаксивая отъѣздъ Уилльямса, она выражала ему, что она почитала, любила его, какъ отца, и счастлива тѣмъ, что она сумѣла приобрѣсти его дружбу. Въ томъ же письмѣ Екатерина сознавалась ему, что, несмотря на его наставленія, она все-таки совѣтовалась по всѣмъ вопросамъ съ канцлеромъ Бестужевымъ. Шуваловы ея боялись изъ-за императрицы. „Но если бы мнѣ, — замѣчала великая княгиня, — посчастливилось имѣть чаще доступъ къ ней, то я не знаю, не кончилось ли это бы тѣмъ, что она окончательно привыкла бы ко мнѣ, а я приобрѣла бы довѣріе въ ея умѣ“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ записокъ графъ Понятовскій объясняетъ, что, желая для общаго блага союзниковъ расположить великаго князя Петра Ѳедоровича къ австрійскому послу графу Эстергази и къ его двору, онъ въ своихъ разговорахъ съ его высочествомъ старался склонить его къ тому, и весною 1757 г. успѣлъ настолько, что австрійскій канцлеръ, князь Кауницъ, въ письмѣ на имя Эстергази, отъ 26 мая того года, призналъ дѣйствія графа Понятовскаго заслуживавшими всякаго одобренія и отказался отъ всѣхъ предубѣжденій, которыя вѣнскій дворъ питалъ къ нему когда-то. Въ завершеніе усилий графа Понятовскаго въ этомъ направленіи великій князь подписалъ, 15 іюля 1757 г., вмѣстѣ съ графомъ Эстергази конвенцію, по которой Петръ Ѳедоровичъ предоставлялъ императрицѣ Маріи Терезіи свои голштинскія войска за ежегодное вспомоствованіе въ 100 тысячъ гульденовъ.

„Кто зналъ Петра III и его прусскій фанатизмъ,—пишетъ графъ Понятовскій,—не будетъ удивляться тому значенію, которое вѣнскій дворъ придалъ услугѣ, мною оказанной ему тѣмъ, что я побудилъ великаго князя къ заключенію этой конвенціи. Съ того времени онъ позабылъ о ней, но тогда, съ помощью ея, я снискалъ искреннюю дружбу графа Эстергази. Она мнѣ помогла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1756—1757 года защититься отъ французскихъ происковъ“...

Представитель Франціи при Августѣ III, графъ Брольи, потребовалъ, однако, отъ короля отозванія графа Понятовскаго. Въ подавннй имъ, 25 октября 1757 г., запискѣ онъ доказывалъ, что графъ былъ приверженцемъ Англіи и поддерживалъ тайныя сношенія съ ея правительствомъ, въ виду чего французскій король настаивалъ на удаленіи графа изъ Петербурга. Отозваніе его должно было служить доказательствомъ дружескихъ отношеній Августа III къ версальскому двору. Въ этомъ смыслѣ графъ Понятовскій получилъ отъ Августа III письмо отъ 30 октября, въ которомъ король, отзывая его, выражалъ ему свое полное благоволеніе, но объяснялъ, что вынужденъ былъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ силу обстоятельствъ. Графъ Понятовскій въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 11 ноября (31 октября), донесъ королю, что, подчиняясь его приказанію для пользы его службы, онъ уже представилъ министерству свою отзывную грамоту. Затѣмъ, графъ въ письмѣ къ Брюлю высказалъ свое удовлетвореніе въ томъ, что король доволенъ его службой, и надежду на то, что онъ его не забудетъ. Одновременно съ посланіями короля и графа Брюля Понятовскій получилъ письмо отъ своего отца, который описывалъ

свою аудіенцію у короля. Увѣряя его въ своей преданности, онъ напомнилъ королю, что назначеніе его сына въ Петербургъ произошло по волѣ его величества, а что онъ, Станиславъ Понятовскій, подчинился ей, не взирая на ту ненависть, которую такое назначеніе возбуждало противъ молодого графа и его семейства среди державъ, не сочувствовавшихъ Россіи, и среди многочисленной партіи въ Польшѣ, не расположенной къ этому государству. Узнавъ отъ графа Брюля, что отозваніе его сына, Станислава-Августа, совершилось по требованію Франціи, онъ, опасаясь, что его сынъ чѣмъ-либо заслужилъ немилость короля, умолялъ короля успокоить его, Станислава, въ томъ, что отозваніе не произошло по этой причинѣ. Августъ III поспѣшилъ ему отвѣтить, что отлично помнилъ всѣ обстоятельства назначенія Станислава-Августа и что, вполнѣ удовлетворенный его отличной службой и усердіемъ, выражалъ ему свое благоволеніе. Въ виду того, графъ Станиславъ Понятовскій, не ходатайствуя ни объ отозваніи своего сына, ни объ оставленіи его въ Петербургѣ, умолялъ короля оказать ему какую-либо милость, такъ какъ иначе враги его семейства будутъ ссылаться на его отозваніе, какъ на доказательство неудовольствія короля противъ него. Въ случаѣ неимѣнія свободной должности, на которую его сынъ могъ бы быть назначенъ, графъ Станиславъ просилъ о выдачѣ его сыну до того пенсіи въ шесть тысячъ червонцевъ, а такъ какъ онъ, не получая никакого жалованья отъ правительства и содержась на средства, доставляемые ему его семействомъ въ недостаточномъ размѣрѣ, не могъ не впасть въ долги, то графъ Станиславъ просилъ короля объ уплатѣ этихъ долговъ. Августъ III признался, что отозваніе графа Станислава-Августа изъ С.-Петербурга было вызвано исключительно требованіемъ Франціи, которая иначе лишила бы его уплачиваемой ею субсидіи, что онъ и королевское семейство проживали только на средства, доставлявшіяся Россією и Францією, что онъ самъ не имѣлъ возможности назначить какую-либо пенсію, но что онъ постарается выдать графу Станиславу-Августу извѣстную сумму денегъ ¹⁾, такъ какъ онъ, король, ничего не имѣлъ ни противъ отца, графа Понятовскаго, ни противъ его семейства, а еще менѣе противъ посланника, который своимъ отмѣннымъ поведеніемъ заслужилъ вѣчную его благодарность.

¹⁾ Изъ приведеннаго далѣе въ запискахъ письма его къ графу Брюлю отъ 17 (28) апрѣля 1758 г. видно, что Понятовскій получилъ вексель на 4.000 рублей и этимъ письмомъ просилъ графа повергнуть его благодарность къ стопамъ его величества.

„Письмо, которое я написалъ своему семейству 15 (4) ноября 1757 г.,—говоритъ графъ Понятовскій въ своихъ запискахъ,—рисуеть мое тогдашнее положеніе, и я привожу его. Въ дополненіе къ тому, что я сообщилъ моему отцу, я вамъ скажу, что Лопиталь велѣлъ у меня спросить, какимъ способомъ онъ могъ бы загладить зло. Я поручилъ ему сказать, что уже не было въ его власти что-либо измѣнить, что я чувствовалъ до глубины души несправедливость и обиду, которыя мнѣ причинила Франція, что не мнѣ было ему давать совѣты насчетъ того, какъ ему поступать; но что я предоставлялъ только на его усмотрѣніе написать его двору, съ цѣлью уничтожить тѣ лживыя впечатлѣнія, о которыхъ ему донесли насчетъ меня, и тѣмъ мнѣ дать удовлетвореніе. Вчера онъ пришелъ ко мнѣ; онъ меня приласкалъ, какъ никогда; онъ, впрочемъ, сказалъ г. Камбизу, пріѣхавшему въ Варшаву, что такъ какъ онъ самъ видѣлъ, сколь милостиво со мною бесѣдовала императрица, то могъ, какъ очевидецъ, рассказать о томъ графу Брольи. Воронцовъ положительно мнѣ обѣщаль отъ имени императрицы, что дѣйствія Бестужева ¹⁾ въ Парижѣ не будутъ признаны императорскимъ правительствомъ и что серьезно потребуютъ отозванія графа Брольи и Дюрана ²⁾. Воронцовъ, однако, принявшій самое главное участіе въ требованіи моего отозванія, теперь не можетъ не отказаться отъ своихъ прежнихъ домогательствъ и дѣйствовать противъ нихъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ мнѣ высказалъ всевозможныя увѣренія, говоря, что онъ въ отчаяніи отъ моего отозванія, что не принялъ въ немъ ни малѣйшаго участія; онъ готовъ сдѣлать все на свѣтѣ—или чтобъ я остался, или чтобъ я послѣ вернулся. Онъ меня увѣрять, что государыня очень негодовала на мой отъѣздъ, такъ какъ она всегда была довольна моимъ поведеніемъ, и клялся въ искренности всего, что онъ говорилъ. Я ему отвѣтилъ, что отнынѣ Петербургъ станетъ для меня ужаснымъ мѣстомъ пребыванія, если мой путь будетъ столь же тернистъ, какъ онъ былъ донинѣ, что я отлично зналъ всѣ происки для того, чтобы мнѣ причинить непріятность и мнѣ навредить. На это я привелъ ему нѣсколько примѣровъ, но онъ клялся, что не имѣлъ о томъ никакихъ свѣдѣній. Но если,—прибавилъ я,—императрица желаетъ меня терпѣть здѣсь,—все зависитъ отъ нея. Однако, всѣ эти увѣренія пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что Бестужевъ дѣ-

¹⁾ Графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (1658—1720) былъ императорскимъ посломъ въ Парижѣ.

²⁾ Французскій министръ-резидентъ въ Варшавѣ.

лаеть для меня; впрочемъ, ударъ, которымъ меня поразили, падеть на самихъ французовъ.

„Очевидно, великая княгиня ¹⁾ не преминула дѣйствовать самымъ настойчивымъ образомъ, и таково было то значеніе, которымъ она пользовалась у тогдашняго любимца, Ивана Ивановича Шувалова, что не только онъ отнесся ко мнѣ съ сочувствіемъ, но сама императрица Елисавета, вмѣсто того, чтобы назначить мнѣ прощальную аудіенцію, о которой я просилъ, высказала мнѣ передъ всѣми свое сожалѣніе насчетъ моего отъѣзда въ высшей степени милостиво. Это обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательно, что не было въ обычаѣ, чтобы она даже слово сказала во время куртага второстепеннымъ министрамъ. Послѣдствія всего вышеизложеннаго приведены въ моемъ письмѣ, отъ 2 декабря, моему семейству слѣдующаго содержанія: „Три недѣли тому назадъ канцлеръ Бестужевъ написалъ Брюлю, что мое отозваніе означало непріязнь къ нему, что онъ просилъ за то удовлетворенія, требуя, чтобы я былъ назначенъ сюда комиссаромъ и полномочнымъ министромъ республики для разбора всѣхъ недоразумѣній съ Россією, возникавшихъ изъ-за пограничныхъ сношеній, изъ-за набѣговъ гайдамаковъ и для улаженія всѣхъ пререканій между обоими государствами, а именно относительно жалобъ, возбужденныхъ въ Литвѣ по случаю прохода русскихъ войскъ. Такъ какъ отвѣтъ графа Брюля на новый запросъ секретаря Прассе касательно моего отозванія изложенъ въ благопріятномъ для меня смыслѣ, я надѣюсь, что и отвѣтъ канцлеру Бестужеву будетъ не менѣе благопріятенъ. Такимъ образомъ, я былъ бы въ Польшѣ, удовлетворилъ бы теперешнія требованія Франціи и могъ бы возвратиться уже не какъ саксонскій министръ, а какъ посланникъ своего отечества, что было бы несравненно пріятнѣе.

„Отозваніе мое произошло приблизительно въ тотъ моментъ, когда получилось извѣстіе о пораженіи французовъ подъ Росбахомъ ²⁾, что умалило значеніе Франціи среди ея союзниковъ.

¹⁾ Екатерина въ своихъ запискахъ пишетъ относительно отозванія графа Понятовскаго, что, въ октябрѣ 1757 г., Бестужевъ ей передалъ, что польскій король только-что прислалъ Понятовскому отзывную грамоту, что Бестужевъ имѣлъ большой споръ съ графомъ Брюлемъ и саксонскимъ кабинетомъ и сердился на то, что съ нимъ не посовѣтовались. Бестужевъ, кромѣ того, узналъ, что вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, и Иванъ Шуваловъ обдѣлали это дѣло черезъ саксонскаго резидента Прассе. Канцлеръ велѣлъ подать себѣ отзывную грамоту Понятовскаго и вернуть ее саксонскому двору подъ предлогомъ несоблюденія формальностей. Соч. Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 399 и 400.

²⁾ 5-го ноября 1757 г. Фридрихъ одержалъ подъ Росбахомъ въ Саксоніи бле-

Это несчастіе повергло Лопитала въ такое уныніе и онъ оплакивалъ его такъ неестественно и такъ смѣшно, какъ будто онъ просилъ прощенія у публики за неумѣлость своихъ соотечественниковъ. Это обстоятельство даже послужило къ притупленію удара, нанесеннаго мнѣ графомъ Брольи. Но такъ какъ читатель могъ бы спросить, не подалъ ли я въ самомъ дѣлѣ поводъ къ дѣйствительному подозрѣнію, возбужденному французами противъ меня въ томъ, что я приверженецъ Англіи, я скажу, что Уилльямсъ незадолго передъ тѣмъ поручилъ мнѣ передать, что онъ получилъ свои отзывныя грамоты, и, будучи принятымъ на прощальныхъ аудіенціяхъ, просилъ меня заходить къ нему какъ къ другу до своего отъѣзда, такъ какъ подобное посѣщеніе не могло уже болѣе быть вмѣнено въ вину или возбуждать подозрѣнія. Я былъ того же мнѣнія и видѣлся съ нимъ, но въ виду разныхъ случайностей его отъѣздъ откладывался со дня на день въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, въ продолженіе которыхъ мои посѣщенія были часты, можетъ быть, слишкомъ часты, хотя, по правдѣ сказать, вопросъ о дѣлахъ никогда не возникалъ между Уилльямсомъ и мною во время этихъ визитовъ, которые почти всегда происходили при постороннихъ. Осторожность уступила во мнѣ мѣсто дружбѣ и благодарности, которыя я испытывалъ къ нему; эти чувства развились тогда во мнѣ еще болѣе при видѣ чловека, котораго я зналъ въ теченіе столь многихъ лѣтъ такимъ сильнымъ и блестящимъ, въ состояніи угнетенія физическаго и духовнаго ¹⁾.

стящую побѣду надъ французскими и имперскими войсками, находившимися подъ начальствомъ принца Рогана-Субиза и принца Юсифа Саксенъ-Гильдбурггаузена.

¹⁾ Распавшееся здоровье, не прекращавшіяся головныя боли, а главнымъ образомъ желаніе удалиться отъ петербургскаго общества, въ которомъ онъ болѣе не игралъ прежней роли, и держаться въ сторонѣ отъ политическихъ разговоровъ, побудили Уилльямса переѣхать, 12-го марта 1757 г., на дачу его друга, барона Вольфа; при этомъ онъ написалъ лорду Гольдернесу, прося его разрѣшить ему отпускъ или отозвать его, такъ какъ онъ чувствовалъ необходимость отдохнуть въ Англіи. Тамъ, на дачѣ, Уилльямсъ получилъ письмо отъ великой княгини, предупреждавшей его о томъ, что тайно было приказано вскрывать всю переписку иностранныхъ министровъ (Letters № 61, 21-го марта). Въ отвѣтъ Уилльямсъ, благодаря за предупрежденіе, писалъ, что онъ десять дней уже живетъ на дачѣ, что воздухъ дѣйствовалъ благоприятно на него, такъ какъ мѣстность гористая. Кончалъ онъ письмо пожеланіемъ, чтобъ у сына Екатерины родился братъ. „Осмѣливаюсь спросить, — пишетъ онъ, — нѣтъ ли такового въ ходу?“ (Answers № 63, 22-го марта). Въ маѣ Уилльямсъ, получивъ свои отзывныя грамоты, увѣдомилъ о томъ великую княгиню. Въ томъ же мѣсяцѣ (Letters, № 59) писала Екатерина Уилльямсу, сожалѣя объ его отъѣздѣ, но выражая вмѣстѣ съ тѣмъ свое затрудненіе высказать ему то, чего хотѣла, такъ какъ не была привычна къ такому шагу ни по своему характеру, ни по свойствамъ своей души.

„Нѣкоторыя приказанія, данныя Бестужевымъ князю Волконскому ¹⁾, находившемуся съ недавней поры въ Польшѣ и оказавшему даже извѣстное вліяніе на дворъ короля Августа III въ пользу моего семейства, несмотря на непріязнь графа Мнишка и французской партіи, увеличили естественное безпокойство графа Брولي, который, впрочемъ, не могъ видѣть безъ досады, что великобританскій посланникъ, лордъ Стормонтъ, былъ задушевно принятъ всѣмъ нашимъ семействомъ, и что вообще предпочитали англійскаго посланника французскому, но скорѣе даже какъ человѣка, чѣмъ какъ министра. Все это оказало вліяніе на дѣйствія французовъ противъ меня“...

Далѣе, графъ Понятовскій приводитъ еще нѣсколько писемъ. Графъ Брюль увѣдомилъ его 21-го (10-го) ноября 1757 г., что

Осильвъ эти чувства смущенія, она передала ему свою просьбу—ссудить ей такую же сумму денегъ, какую она уже получила, но съ тѣмъ, чтобъ дѣло хранилось еще въ большей тайнѣ, чѣмъ въ первый разъ, и чтобъ никто не зналъ, что эти деньги предназначены для нея, а чтобъ онѣ получились въ Петербургѣ для надобностей его, Уильямса, или подъ другимъ предлогомъ. Прося сэра Чарльза сказать ей свое мнѣніе, относительно ея ходатайства, она завѣряла его въ своей дружбѣ и своей благодарности, которую она надѣялась огласить до смерти въ общее свѣдѣніе. „Мы,—кончала она,—вмѣстѣ преодолѣемъ своихъ враговъ“. Въ перепискѣ недостаетъ отвѣта Уильямса на это письмо Екатерины, но ея ходатайство было удовлетворено, какъ это видно изъ намековъ, встрѣчающихся въ письмахъ, которыя она написала ему 19-го августа 1757 г., въ тотъ моментъ, когда Уильямсъ переѣхалъ въ Кронштадтъ, чтобъ сѣсть на судно для отплытія въ Англію. Въ одномъ (Letters, № 60) она упоминала о переводѣ съ письма, который она получила отъ сэра Чарльза и изъ котораго она усматривала благосклонное расположеніе къ ней короля Георга II, и просила передать ему, что она считала союзъ съ Англіею самымъ естественнымъ и самымъ выгоднымъ для Россіи. Что же касается самого Уильямса, она высказывала, что никогда не забудетъ тѣхъ услугъ, которыя онъ ей оказалъ.

Отъ того же 19-го августа имѣется другое письмо Екатерины къ Уильямсу, хранящееся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ (а въ копіи—въ Императорской Публичной библіотекѣ (Разн. яз. F. IV, № 178), въ которомъ она писала, что ея благодарность ему будетъ вѣчной, ея она надѣялась доказать въ болѣе счастливыя времена; эта благодарность равнялась тѣмъ обязательствамъ, которыя она чувствовала за собою передъ нимъ. Рядомъ съ этимъ письмомъ въ Британскомъ музеѣ хранятся еще два письма, отъ того же 19-го августа 1757 г., великаго князя и великой княгини Уильямсу; они оба прощались съ нимъ въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, при чемъ Екатерина опять упоминала о своемъ расположеніи къ Англіи и радовалась тому, что благо Россіи заставляеть ее искать случая, чтобъ расплатиться съ Англіею за ея личныя обязательства предъ его величествомъ королемъ Георгомъ. Уильямсъ не дожилъ до вступленія на престолъ Екатерины II. Выѣхавъ изъ Кронштадта поздно осенью 1757 г., онъ заболѣлъ въ Гамбургѣ и только весною 1758 г. прибылъ въ Англію, гдѣ умеръ 2-го ноября (22-го октября) 1759 г., въ полномъ упомишательствѣ.

¹⁾ Князь Михайлъ Никитичъ Волконскій (1713 — 1789), племянникъ канцлера графа Бестужева, былъ посланникомъ въ Варшавѣ; впоследствии генераль-аншефъ.

король выразилъ свое одобреніе относительно той умѣренности, которую Понятовскій проявилъ при полученіи отзывной грамоты, и что онъ приметъ поведеніе графа въ расчетъ для будущаго. 23-го (12-го) января 1758 г. графъ получилъ депешу отъ 11-го января (31-го декабря), въ которой ему указывалось, что приложенныя къ ней два письма обоимъ канцлерамъ должны служить новымъ для него уполномочіемъ на продолженіе его дѣятельности при императорскомъ дворѣ, при которомъ король, находя его пребываніе въ С.-Петербургѣ полезнымъ для своей службы, приказывалъ ему состоять, не взирая на предъявленіе прежней отзывной грамоты. Въ виду сего графъ Понятовскій доставилъ означенныя письма обоимъ канцлерамъ и выразилъ имъ надежду, что государыня не откажетъ ему въ томъ благоволеніи, которое она ему выразила, сказавъ, что она вовсе не желала его отозванія.

„По моемъ возстановленіи въ обязанности посланника, — пишетъ Понятовскій, — я продолжалъ исполнять ее еще нѣсколько мѣсяцевъ, но среди бури, первый порывъ которой унесъ фельдмаршала Апраксина ¹⁾. — Уже мы видѣли, какимъ образомъ его неспособность и оплошность повліяли косвеннымъ образомъ на мою судьбу и понудили, наконецъ, императрицу не только замѣстить его генераломъ Ферморомъ, но велѣть его задержать и привезти въ С.-Петербургу въ качествѣ государственнаго преступника, для отвѣта по тѣмъ обвиненіямъ, которыя они предъявляли противъ него и которыя состояли не болѣе и не менѣе какъ въ государственной измѣнѣ. Австрійскій домъ полагалъ возможнымъ даже уличить его въ тайномъ сговорѣ съ прусскимъ королемъ, въ чемъ графъ Эстергази подозрѣвалъ даже канцлера Бестужева, благопріятеля Апраксина. Французскій дворъ не только рассчитывалъ нанести этимъ путемъ ударъ Бестужеву, извѣстному своимъ нерасположеніемъ къ Франціи, но даже онъ надѣялся этимъ добратся до великой княгини, которую онъ считалъ поклонницей Англіи. Когда схватили бумаги Апраксина, то между ними нашли частныя письма Бестужева къ нему, въ которыхъ первый, какъ другъ, убѣждалъ его исполнять самымъ настойчивымъ образомъ тѣ приказанія, которыя онъ ему давалъ оффиціально въ своихъ депешахъ какъ министръ, — нанести прусскому королю какъ можно большій вредъ. Кромѣ того, были най-

¹⁾ Апраксинъ вернулся 17 марта 1757 г., но ему не дали доѣхать до С.-Петербурга: въ Четырехъ-Рукахъ онъ получилъ приказаніе государыни остановиться тамъ и ждать ея дальнѣйшихъ распоряженій. — Письмо графа Понятовскаго къ Брюлю отъ 17 (28) марта 1757. — Соч. Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 388.

дены въ этой перепискѣ три записки, писанныя рукою великой княгини, въ которыхъ она ободряла его исполнить свой долгъ во имя чести русскаго оружія и на погибель прусскаго короля. Казалось, что эти письма должны были утвердить кредитъ канцлера у Елисаветы и привести въ уныніе его враговъ, и дѣйствительно они пали духомъ на первыхъ порахъ, но скоро они сумѣли обратить эти извѣстія противъ него. Они сказали императрицѣ, что Бестужевъ, склонивъ великую княгиню тайно переписываться съ Апраксинымъ по государственному дѣлу, этимъ самымъ совершилъ тяжкое нарушеніе долга службы. Они указали на очень оживленный слогъ записокъ великой княгини и дали замѣтить Елисаветѣ, что великая княгиня писала Апраксину, какъ своему преданному слугѣ, какъ будто обѣщая ему продолженіе своихъ милостей и, слѣдовательно, исполненіе его надеждъ въ будущемъ въ зависимости отъ его поведенія на войнѣ. Отъ этого они перешли къ тому, что представили государынѣ о дѣйствительномъ уже или готовящемся образованіи опасной партіи, имѣвшей цѣлью ниспроверженіе Елисаветы и возведеніе на престолъ ея племянника, сына старшей ея сестры, — великаго князя, подъ именемъ котораго царствовала бы его супруга при помощи Бестужева, какъ совѣтника, честолюбіе и смѣлость котораго были извѣстны. Этотъ вымыселъ былъ прикрашенъ всякими хитростями и клеветами, на которыя способны злая воля придворныхъ и придворная политика, въ особенности когда ее обострялъ, какъ это было тогда въ Россіи, страхъ, который овладѣлъ Шуваловыми, Воронцовыми, французами и Эстергази при мысли, что скоро всѣ дѣла Россіи перейдутъ въ руки Бестужева, котораго они, по разнымъ причинамъ, справедливо считали ужаснымъ для себя. Елисавета болѣла тогда очень часто, что не предвѣщало для нея долгихъ дней. Великая княгиня въ то время родила дочь ¹⁾, которая умерла въ 1759 г.

„Я часто съ нею видѣлся, для чего я не нуждался болѣе въ посредничествѣ Нарышкина. Подъѣхавъ въ повозкѣ или на санихъ на извѣстное разстояніе отъ дворца ²⁾, я слѣзалъ и шелъ одинъ ко дворцу, гдѣ подымался по той же маленькой лѣстницѣ,

¹⁾ Великая княжна Анна Петровна, родившаяся 9-го декабря 1757 г.; объ этомъ событіи Екатерина пишетъ въ своихъ запискахъ.—Соч. Имп. Екатерины II, т. XII, 1, стр. 401.

²⁾ Какъ надо полагать, то былъ временной дворецъ у Зеленаго моста (что нынѣ Полицейскій), на Мойкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится домъ Елисеѣва. Переѣздъ двора въ это зданіе совершился на время перестройки большого Зимняго дворца на Невѣ, оконченнаго лишь въ 1762 г.

по которой Нарышкинъ меня провелъ въ первый разъ и у которой часовой (по всему вѣроятію, уже предупрежденный) мнѣ не дѣлалъ никакихъ вопросовъ и не чинилъ препятствій. Иногда великая княгиня въ опредѣленный часъ выходила оттуда же въ мужскомъ платьѣ и садилась въ мои сани... Однажды, когда я ее ждалъ такимъ образомъ, какой-то оберъ-офицеръ сталъ вертѣться около меня и сдѣлалъ мнѣ даже нѣсколько вопросовъ. Высокая шапка была у меня нахлобучена на голову, а самъ я былъ закутанъ въ большую шубу. Я сдѣлалъ видъ, что спалъ, какъ слуга, ожидавшій своего барина. Признаюсь, меня кинуло въ жаръ, несмотря на трескучій морозъ, который держался тогда; наконецъ, вопрошавшій удалился, и великая княгиня вышла. То была ночь приключеній: сани ударились такъ сильно о камень, что княгиня была сброшена лицомъ на землю на нѣсколько шаговъ отъ саней. Она не двигалась; я думалъ, что она убилась до смерти; я побѣждалъ ее поднимать; она отдѣлалась нѣсколькими ушибами; но по возвращеніи оказалось, что ея горничная, по какой-то оплошности, не оставила открытой дверь ея комнаты, такъ что великая княгиня подвергалась большой опасности, до тѣхъ поръ, пока эта дверь не была отперта, по счастливому случаю, другою горничною.

„Однако я продолжалъ заботиться, смотря по обстоятельствамъ, не только о личныхъ интересахъ саксонскаго курфюрста Августа III, но и о дѣлахъ польскаго двора, какъ это видно изъ слѣдующихъ бумагъ ¹⁾).

„Представивъ эту перепискою картину моей роли, какъ посланника, я принимаюсь вновь за передачу рассказовъ, которые ближе касаются моей личности“.

VI.

„25 февраля 1758 ²⁾), возвращаясь изъ Комедіи въ 10 час. вечера, я нахожу у себя Бернарди. Это былъ венеціанскій ювелиръ, который часто носилъ письма великаго канцлера и мой великой княгинѣ, а также отвѣты. Онъ мнѣ сказалъ: „Все про-

¹⁾ Здѣсь въ запискахъ графа Понятовскаго приведены его письма и донесенія, къ графу Брюлю за время съ 14 марта по 11 іюля 1758 г. Въ нихъ посланникъ передаетъ полученныя императорскимъ дворомъ вѣсти о военныхъ дѣйствіяхъ, свѣдѣнія о приѣздѣ въ С.-Петербургъ принца Карла Саксонскаго и о его пребываніи, а также разные придворные извѣстія и слухи.

²⁾ 14 февраля (ст. ст.), суббота.

пало: канцлеръ Бестужевъ арестованъ; уже стоитъ стража въ моемъ домѣ; я былъ о томъ предупрежденъ въ домѣ Доллолю, гдѣ я находился. Ради Бога, я умоляю васъ, велите бросить меня въ колодезь вашего дома, чтобы по крайней мѣрѣ спастись отъ пытокъ, которымъ подвергаютъ здѣсь государственныхъ преступниковъ“. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія я ему сказалъ: „Имѣете ли вы въ настоящее время у себя малѣйшую бумагу, писанную рукою канцлера или великой княгини?“ — „Ни одной“, — отвѣтилъ онъ. „Совѣтую вамъ тогда отправиться прямо домой, не выказывая ни страха, ни безпокойства. Доброта царствующей императрицы и то, что мнѣ извѣстно изъ поведенія канцлера и великой княгини, даютъ мнѣ возможность предсказать, что послѣ первой тревоги все это кончится гораздо менѣе трагично, чѣмъ вы это думаете. Попытка ваша скрыться оказалась бы, во-первыхъ, напрасной по прошествіи одного часа и послѣ вашего задержанія только отягчила бы вашу судьбу“. Послѣ многихъ разсужденій и поощреній я, наконецъ, успѣлъ уговорить Бернарди послѣдовать моему совѣту. — Немного сценъ въ моей жизни произвели на меня болѣе тягостное впечатлѣніе; кромѣ того, Бернарди оказалъ мнѣ много услугъ, онъ былъ къ тому же честный человѣкъ и человѣкъ любезный. — Онъ подвергся легкому заключенію; черезъ нѣсколько недѣль было почти рѣшено его освободить, когда случай, вслѣдствіе котораго отягчилась участь Бестужева, возымѣлъ вліяніе и на его судьбу, такъ что онъ былъ сосланъ, съ пенсіею въ нѣсколько сотъ рублей, въ Казань, гдѣ онъ умеръ; его жена и дѣти пользовались въ Венеціи пенсіею отъ меня“...

Послѣ многихъ приготовительныхъ намековъ, сдѣланныхъ съ разныхъ сторонъ врагами Бестужева, съ цѣлью очернить его во мнѣніи Елисаветы, французскій посоль Лопиталь, подойдя во время одного изъ пріемовъ при дворѣ къ императрицѣ, какъ будто для того, чтобы полюбоваться ея нарядомъ, рѣшился ей сказать: „У вашего величества есть при дворѣ очень опасный для васъ человѣкъ“. Онъ сказалъ это очень вразумительно. Елисавета въ испугѣ спросила, кто это? — Лопиталь назвалъ Бестужева и удалился. Это возымѣло дѣйствіе. Бестужевъ, предупрежденный о томъ, что буря усиливалась, пересмотрѣлъ свои бумаги, сжегъ то, что казалось ему необходимымъ уничтожить, и до такой степени былъ увѣренъ въ своей безопасности, что когда онъ былъ арестованъ въ прихожей государыни, то не выразилъ ни страха, ни озлобленія, и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ выказывалъ

не только полное спокойствіе, но почти веселое расположеніе; иногда даже угрожалъ своимъ врагамъ мщеніемъ въ будущемъ.

Императрица, видя, что не обнаруживалось никакого дѣянія, которое могло бы быть вѣнено Бестужеву въ видѣ государственнаго преступленія, стала раскаяваться въ томъ, что велѣла его арестовать. Его враги уже находились въ страхѣ, когда Елисавета велѣла узнать отъ него, не просилъ ли онъ графа Брюля пожаловать польскую голубую ленту министру великаго князя по голштинскимъ дѣламъ, барону Штамбке ¹⁾. Это былъ человѣкъ, которому Бестужевъ покровительствовалъ; онъ питалъ большую привязанность къ великой княгинѣ. Неизвѣстно, почему Бестужевъ рѣшился отрицать это дѣйствительное обстоятельство, но онъ отрекся отъ него ²⁾. Елисавета велѣла переспросить Бестужева нѣсколько разъ, но онъ все болѣе и болѣе упорствовалъ въ своемъ отрицаніи, доходя до того, что выражалъ готовность поклясться и приобщиться святыхъ тайнъ въ подтвержденіе достовѣрности своихъ словъ. Тогда ему предъявили маленькую записку, собственноручно написанную имъ карандашомъ, на имя его секретаря Канцлера, въ которой онъ предложилъ послѣдному не забыть того, что онъ ему поручилъ по сему предмету. Этотъ клочокъ нисѣма, по всей вѣроятности, выскользнулъ изъ груди бумагъ, которыя Бестужевъ считалъ навѣрно сожженными. Вслѣдствіе этой ложной клятвы, которой Бестужевъ предлагалъ подверг-

¹⁾ По смерти Пехлина, министра великаго князя по голштинскимъ дѣламъ (весною 1757 г.), Бестужевъ посовѣтовалъ Екатеринѣ просить Петра Фѣдоровича о назначеніи на мѣсто Пехлина нѣкоего Штамбке, котораго выписали изъ Голштиніи. Великій князь далъ ему подписанный приказъ работать вмѣстѣ съ великой княгиней. Благодаря этому, великая княгиня могла свободно сноситься съ Бестужевымъ.—Сочин. Имп. Екатерины II, т. XII, стр. 384.

²⁾ Понятовскій не понимаетъ, почему канцлеръ отрекся отъ того, что просилъ орденъ для Штамбке. Надо полагать, что орденъ жаловался послѣдному по просьбѣ великой княгини или въ угоду ей, и что Бестужевъ отрекся отъ этого дѣла, чтобъ не вмѣшивать въ него Екатерину. Во время слѣдствія надъ бывшимъ канцлеромъ открылись сношенія, которыя онъ имѣлъ съ великой княгиней и графомъ Понятовскимъ черезъ Штамбке, а такъ какъ подобныя сношенія съ государственнымъ преступникомъ считались въ высшей степени предосудительными, то всѣ эти лица, замѣшанные въ нихъ, болѣе или менѣе пострадали. Императрица потребовала отъ великаго князя высылки Штамбке обратно въ Голштинію, и его отправили 7 (18) апрѣля 1758 года. Императорское правительство потребовало отъ польскаго короля отозванія графа Понятовскаго, такъ какъ, согласно запискамъ Екатерины, нашли между бумагами Бестужева письмо къ нему отъ польскаго посланника. Сама же великая княгиня, предвидя опасность, сожгла всѣ свои бумаги.—Соч. Имп. Екат. II, т. XII, 1, стр. 412 и 413.—Письма графа Понятовскаго къ графу Брюлю отъ 3 (14), 6 (17) и 8 (19) апрѣля 1758 г.

нуться, и по такому пустому вопросу, онъ навсегда погубилъ себя во мнѣніи Елисаветы; увидавъ себя уличеннымъ, онъ паль духомъ и опустился.

Но такъ какъ въ его обвиненіи не нашли ничего другого, то Елисавета удовольствовалась его ссылкой въ одно изъ его помѣстій подь Москвою (въ село Горетово, можайскаго уѣзда), откуда онъ былъ вызванъ уже Екатериною II ¹⁾.

¹⁾ Донесеніями графу Брюлю, приведенными въ его запискахъ, графъ Понятовскій увѣдомлялъ саксонскаго министра о ходѣ слѣдствія надъ Бестужевымъ. На его судьбу не могло вліять обвиненіе, предъявленное Апраксину, такъ какъ дозвано, что Бестужевъ никакого участія не принималъ въ позорномъ отступленіи фельдмаршала послѣ битвы подь Гроссъ-Эгеридорфомъ. Узнавъ о томъ, Бестужевъ, напротивъ, выразилъ громко свое негодованіе, несмотря на свою дружбу къ Апраксину, и тѣмъ доказалъ, что ставилъ благо своей родины выше личныхъ своихъ привязанностей (письмо графу Брюлю 17 (28) апрѣля). Письмомъ отъ 22 апрѣля (2 мая) Понятовскій увѣдомлялъ, что дѣло Бестужева затягивалось. Великая княгиня должна была вторично объясниться съ императрицею, но свиданіе не могло еще состояться, вслѣдствіе того, что Елисавета болѣла глазомъ, какъ ею велѣно было передать великой княгинѣ. Нездоровье императрицы помѣшало ей показаться саксонскому принцу Карлу, въ ночь передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ. „Это недомоганіе—пишетъ Понятовскій—называютъ воспаленіемъ, но скорѣе это кровеизліяніе, — послѣдствіе несчастнаго случая, бывшаго съ нею недѣли три тому назадъ. Но она велѣла сказать великой княгинѣ, что она не должна была печалиться и что скоро все перемѣнится къ ея удовольствію“. 25 апрѣля (5 мая) Понятовскій писалъ, что глазъ императрицы не вылечился и что она не покажется на завтрашнемъ праздникѣ (20 апрѣля, день ея коронаціи), такъ какъ у нея вчера сдѣлался новый припадокъ, довольно сильный, ибо ей пустили кровь“. „И вотъ,—замѣчаетъ Понятовскій,—три припадка, послѣдовавшіе одинъ за другимъ на короткомъ разстояніи: первый случился въ началѣ апрѣля, второй—25 (14) апрѣля.—Одинъ изъ судей Бестужева сказалъ, что такъ какъ не нашли ничего важнаго противъ него, то ищутъ въ самыхъ старыхъ дѣлахъ и изслѣдуютъ цѣлую жизнь министра. Во дворцѣ еще остаются въ нерѣшительности, такъ какъ Иванъ и Петръ Шуваловы встрѣчаютъ препятствія своимъ добрымъ намѣреніямъ въ лицѣ самого Александра Ивановича. Трудно это понять, но вотъ какъ вещи мѣняются и измѣняются еще болѣе“. Въ письмахъ отъ 9 мая (29 апрѣля) 19 (8) мая Понятовскій доноситъ, что слѣдствіе надъ Бестужевымъ окончено и представлено на усмотрѣніе императрицы, которая не знала, на что рѣшиться; она говорила: „Вспыхнулъ большой пожаръ, не знаю, какъ его потушить“,—а въ другой разъ: „Не заставляйте меня поступить вторично опрометчиво въ такомъ важномъ дѣлѣ“. 4 іюня (24 мая) Понятовскій писалъ: „Наконецъ, произошло второе свиданіе императрицы съ великой княгиней; онѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ объяснились, съ той и другой стороны съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью; другъ друга онѣ взаимно тронули. Ея величество обнаружила къ великой княгинѣ такія явныя доказательства своей привязанности, что можно ожидать самыхъ важныхъ послѣдствій въ отношеніи намѣреній двора къ общему благу этой имперіи“. „Послѣдствія свиданія уже обнаружились во многихъ случаяхъ,—писалъ Понятовскій 6 іюня (26 мая)—и взаимное довѣріе съ каждымъ днемъ становится совершеннѣе“. Наконецъ, 11 іюля (30 іюня) Понятовскій доносилъ, что за нѣсколько недѣль до того императрица, узнавъ,

На слѣдующій день послѣ ареста Бестужева, Понятовскому пришлось быть при дворѣ на свадьбѣ одной изъ фрейлинь императрицы ¹⁾. Такая свадьба считалась придворнымъ праздникомъ, на которомъ, по этикету, присутствовали иностранные министры.

„Можетъ быть, — пишетъ Понятовскій, — читатель не будетъ недоволенъ найти описаніе обычаевъ, съ которыми справлялись свадьбы фрейлинь этого двора и которые соблюдались тогда.

„Послѣ того какъ предложеніе жениха было принято родителями невесты и государыней, онъ ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ съ своей невестой въ такой близости, что надо удивляться тому, что изъ этого не происходили нѣкотораго рода замѣшательства, тѣмъ болѣе, что обыкновенно проходилъ значительный промежутокъ времени, часто цѣлый годъ отъ дня сговора до свадьбы. За два дня до нея приданое невесты перевозилось съ большою торжественностью въ домъ жениха, гдѣ оно выставлялось, какъ въ лавкѣ, на показъ всего города. Во время брачнаго благословенія двое присутствовавшихъ родныхъ держали надъ головами брачующихся вѣнецъ изъ вызолоченнаго дерева. Послѣ брачнаго благословенія, гофмаршалы двора шли передъ молодыми съ жезлами, украшенными серебромъ, на верху которыхъ придѣланы орлы, и вели рядъ церемоніальныхъ танцевъ. Надъ столомъ, накрытымъ для ужина, на срединѣ его висѣлъ маленькій балдахинъ: то было мѣсто молодой супруги. Мужъ всходилъ на столъ и, пройдя черезъ весь столъ, садился рядомъ съ нею, но мимоходомъ долженъ былъ снять вѣнокъ изъ цвѣтовъ, висѣвшій надъ молодой. На свадьбѣ, которую я описываю, мужъ забылъ исполнить эту часть церемоніи. Вѣнокъ остался повисшимъ...

„Весь этотъ обрядъ, какъ мнѣ сказали, установленъ Петромъ

что Бестужевъ нуждался въ деньгахъ на домашнія потребности, велѣла ему выдать 1.000 рублей и донести ей, когда эти деньги будутъ имъ израсходованы; послѣ сего она приказала вновь ему выдать 1.500 руб. и назначила ему, кромѣ того, пять рублей суточныхъ. Рѣшеніе по его дѣлу еще не состоялось, только приводятся въ ясность долги Бернарди и то, что ему были должны.

¹⁾ Екатерина въ своихъ запискахъ упоминаетъ о трехъ свадьбахъ императорскихъ фрейлинь, бывшихъ въ концѣ масляницы 1758 г. Между прочимъ, она говоритъ, что наканунѣ свадьбы камеръ-юнкера Льва Александровича Нарышкина былъ арестованъ канцлеръ Бестужевъ; а такъ какъ Понятовскій пишетъ, что онъ былъ на свадьбѣ на слѣдующій день послѣ этого ареста, то очевидно, что онъ присутствовалъ на свадьбѣ своего друга Нарышкина, который женился на племянницѣ графовъ Разумовскихъ — фрейлинь Маринѣ Осиповнѣ Закревской. — Соч. Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 464.

Великимъ, согласно обычаю, существовавшимъ въ его время въ Швейцаріи. Теперь, я слышалъ, эти церемоніи измѣнились.

„Немилость, въ которую впалъ Бестужевъ, подѣйствовала на меня такъ сильно изъ чувства благодарности, которое я къ нему испытывалъ, а также вслѣдствіе косвеннаго удара, нанесеннаго великой княгинѣ, что я былъ очень серьезно боленъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Тогда я сталъ страдать тѣми сильными головными болями и другими болѣзненными явленіями, которыми я мучился впослѣдствіи такъ часто до настоящаго времени, когда я пишу эти строки. Меня тогда лечилъ Бургавъ, племянникъ того, котораго прозвали въ Голландіи и въ нашемъ столѣтїи современнымъ Гиппократомъ. С.-петербургскій Бургавъ оглохъ; для сообщенія съ своими больными онъ завелъ себѣ переводчика; слова послѣдняго онъ читалъ съ помощью азбуки, въ которой его пять пальцевъ составляли гласныя буквы, а согласныя образовывались изъ разныхъ положеній, въ которыя складывались пальцы. Онъ скоро понималъ и отвѣчалъ такъ точно и умно, что, несмотря на его глухоту, было пріятно съ нимъ разговаривать. Онъ однажды нашелъ у меня на столѣ трагедіи Расина и захотѣлъ ихъ отобрать у меня, сказавъ: „Вы еще хандрите, вамъ потребно веселое чтеніе“.

VII.

Хотя великая княгиня съ нѣкотораго времени имѣла основаніе не довѣрять Льву Александровичу Нарышкину ¹⁾, но, въ виду находенія Бернарди въ заключеніи, ей пришлось, по словамъ Понятовскаго, прибѣгнуть къ посредничеству Нарышкина, чтобы возобновить съ нимъ сношенія. Они стали столь же частыми, какъ прежде; впрочемъ, произошло нѣкоторое сближеніе между княгинею и императрицей, что дало даже надежду, что она вполнѣ благосклонно отнесется къ ихъ близости.

„Эта надежда еще болѣе способствовала моему выздоровленію, — пишетъ Понятовскій, — чѣмъ лекарства Бургава. Но, однако, оно подвигалось такъ медленно, что когда я поѣхалъ встрѣ-

¹⁾ Въ запискахъ Екатерины мы читаемъ, что Нарышкинъ одно время былъ подъ вліяніемъ Ивана Ивановича Шувалова, который посовѣтовалъ ему сблизиться съ великимъ княземъ, такъ какъ благорасположеніе его могло принести ему болѣе выгоды, чѣмъ дружба съ Екатериной, которую не любили ни императрица, ни великій князь. Екатерина въ своихъ запискахъ жалуется на то, что Нарышкинъ сталъ невыносимъ и грубъ.—Соч. Имп. Екатерины, XII, 1, стр. 390 и 391.

чать за нѣсколько верстъ отъ С.-Петербурга пріѣзжавшаго тогда принца Карла Саксонскаго, мой другъ Ржевускій узналъ меня съ трудомъ. Движеніе и весна скоро меня поставили на ноги“.

Этотъ принцъ Карль, любимый сынъ Августа III, пріѣзжалъ съ надеждой получить, съ согласія Елисаветы, Курляндское герцогство на мѣсто Бирона, въ случаѣ его невозвращенія изъ ссылки. „Мое семейство и я — пишетъ Понятовскій — считали этотъ проектъ незаконнымъ, но такъ какъ онъ не былъ еще извѣстенъ, а единственною цѣлью путешествія выставялось простое желаніе представиться императрицѣ до выступленія въ походъ въ рядахъ ея войскъ, то я счелъ своею обязанностью оказать сыну моего государя самое почтительное вниманіе. Онъ былъ изящной наружности, очень ловокъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, и хотя очень плохо воспитанъ, но казался превосходствомъ въ сравненіи съ великимъ княземъ, который почувствовалъ очень скоро свое неравенство съ нимъ, къ тому же усмотрѣлъ съ негодованіемъ въ немъ врага прусскаго короля“¹⁾.

¹⁾ По словамъ Екатерины, принцъ Карль ничего не значилъ самъ по себѣ и не былъ вовсе воспитанъ; кромѣ танцевъ и охоты, онъ ничего не зналъ. Онъ самъ сказалъ ей, что онъ во всю свою жизнь не пользовался ни одной книгой, за исключеніемъ молитвенниковъ, которые ему дарила его мать. Пріѣхалъ онъ съ большой свитой, въ числѣ которой были князь Любомирскій, графъ Потоцкій, коронный писарь графъ Ржевускій, князья Сулковскіе, графъ Эйнзидель и многіе другіе. При немъ состоялъ въ качествѣ наставника генераль-маіоръ Лашиналь. — Соч. Имп. Екат. II, т. XII, 1, стр. 391.

Не безынтересно будетъ привести донесенія графа Понятовскаго графу Брюлю о пріѣздѣ принца Карла. — Изъ разговора съ вице-канцлеромъ Воронцовымъ Понятовскій узналъ, что императорскій дворъ думалъ сперва отклонить этотъ пріѣздъ, — если же онъ былъ неизбеженъ, то просилъ отложить его до конца поста, такъ чтобъ онъ совершился не ранѣе 3-го (14-го) апрѣля, о чемъ Понятовскій написалъ состоявшему при принцѣ генераль-маіору де Лашиналь (письма отъ 3-го (14-го) и 6-го (17-го) марта). Такъ какъ пріѣздъ сталъ неизбеженъ, то начали готовиться къ приему принца; на его встрѣчу поѣхалъ въ Нарву церемоніймейстеръ Олсуфьевъ и самъ Понятовскій собирался его встрѣтить (письма 17-го (28-го) марта, 20-го (31-го) марта). Затѣмъ, 30-го марта (10-го апрѣля) онъ выѣхалъ и 31-го марта (11-го апрѣля) пріѣхалъ въ одной каретѣ съ нимъ, между 5 — 6 часами вечера, къ дому Ивана Ивановича Шувалова, гдѣ ему была отведена квартира (письма 10-го и 11-го апрѣля [30-го и 31-го марта]). Согласно предварительно выработанному церемоніалу, принцъ по пріѣздѣ послалъ съ извѣщеніемъ о семъ графа Эйнзиделя къ вице-канцлеру и генераль-маіору де Лашиналь (de La Chinal) къ графу Александру Шувалову; со стороны императрицы и великихъ князей явился поздравить принца съ пріѣздомъ гофмаршалъ Головкинъ. Вице-канцлеръ пріѣхалъ въ тотъ же день извѣстить принца, что императрица не могла ему еще дать аудіенціи по случаю болѣзни глаза. 1-го (12-го) апрѣля явились къ принцу оба посла, маркизь де Лопиталь и графъ Эстергази; онъ ихъ принялъ, стоя, и разговаривалъ съ ними въ продолженіе получаса

Въ теченіе тѣхъ трехъ мѣсяцевъ, которые этотъ принцъ провѣлъ въ Петербургѣ, онъ всѣ часы своего досуга, которые оставались у него за исполненіемъ его придворныхъ обязанностей по отношенію къ императрицѣ, употреблялъ на развлеченія у себя на дому. Онъ особенно много фехтовалъ; при этомъ упражненіи онъ нѣсколько разъ состязался на рапирахъ съ знаменитой кавалершей д'Эонъ ¹⁾, которая тогда была въ С.-Петербургѣ, какъ кавалеръ, принадлежавшій къ свитѣ французскаго посла де-Лопиталь, и носила драгунскій мундиръ. Понятовскій состязался съ нимъ, или съ нею, на рапирахъ, далекій отъ мысли имѣть подозрѣніе насчетъ ея пола, который, какъ говорили, былъ извѣстенъ Елисаветѣ. Одинъ изъ кавалеровъ, принадлежавшій къ свитѣ принца Карла, былъ молодой саксонскій графъ Эйнзидель, который соединялъ въ себѣ самую прелестную наружность съ самыми привлекательными нравственными качествами. Саксонскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, Прассе ²⁾, который считалъ себя обязаннымъ завидовать Понятовскому и который былъ великимъ фатомъ, наговорилъ графу сперва на него, какъ будто его пристрастіе къ Англіи совратило его съ пути, указаннаго его обязанностями; но, скоро разубѣдившись, Эйнзидель призналъ правоту Понятовскаго, донесъ своему двору, защищая его, и вступилъ съ нимъ въ дружескія отношенія.

„Я не могу вспомнить — пишетъ Понятовскій — безъ самаго искренняго сожалѣнія о томъ, что такая личность сдѣлалась бесполезною своей родиной и свѣту, вслѣдствіе фанатизма этого развѣтвленія секты гернгутеровъ, называемаго *die Stillen im Lande* (тишайшіе въ странѣ), въ которое онъ вдался, очертя голову, можетъ быть, по причинѣ наслѣдственнаго раз-

(письмо 2-го (14-го) апрѣля). Послѣ аудіенціи у императрицы она высказала похвалы принцу и пожаловала ему подарокъ, стоющій, какъ говорили, отъ 60 до 80 тысячъ рублей. Принцъ своимъ обращеніемъ и поведеніемъ заслужилъ одобреніе всего общества (письма 10-го (21-го), 14-го (25-го) апрѣля, 22-го апрѣля (2-го мая). Въ честь его давались балы и маскарады; такъ напр., 7-го іюня у графа Кирилла Разумовскаго, 11-го іюня у графа Петра Шувалова, а 16-го іюня онъ переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ находился императорскій дворъ; оттуда онъ ѣздилъ 23-го іюня въ Кронштадтъ, сопровождаемый Понятовскимъ. При отъѣздѣ Елисавета Петровна ему пожаловала знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; уѣхалъ онъ 3-го (14-го) іюля (письма 9-го (20-го), 12-го (23-го), 16-го (27-го) іюня, 24-го іюня (4-го іюля), 3-го (14-го) іюля).

¹⁾ Д'Эонъ (Charles, G^{énéviève}, d'Eon de Beaumont, 1728—1810), извѣстный французскій авантюристъ, который выдавалъ себя за женщину, пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ въ качествѣ агента Людовика XV.

²⁾ Екатерина пишетъ про него, что онъ оказывался часто освѣдомленнымъ о разныхъ мелкихъ особенностяхъ, и удивлялись откуда, онъ могъ ихъ узнать. Нѣ-

стройства, которымъ поражена была его мать. Я жилъ съ нимъ на одной квартирѣ во время маленькой поѣздки, которую мы сдѣлали вмѣстѣ съ принцемъ Карломъ въ Шлиссельбургъ ¹⁾, съ цѣлью посмотрѣть на каналъ.

„Замѣтивъ хожденіе вокругъ насъ, то взадъ, то впередъ, одного изъ придворныхъ лакеевъ, котораго приставили къ службѣ принца, мы спросили, наконецъ, у него о причинѣ его поведенія, и послѣ того, какъ мы ему сдѣлали подарокъ, онъ намъ чистосердечно отвѣтилъ: „Я очень занятъ; я опредѣленъ замѣстителемъ шпиона на все путешествіе, такъ какъ кондиторъ, который былъ главнымъ шпиономъ, занемогъ“. Этотъ маленькій анекдотъ служить доказательствомъ духа и нравовъ этого двора въ то время. Понятно, что ни принцъ, ни кто-либо изъ насъ не могъ подать поводъ къ политическому безпокойству, въ особенности въ томъ мѣстѣ и при этой поѣздкѣ, которая, впрочемъ, состоялась съ графомъ Иваномъ Чернышевымъ во главѣ и въ которой участвовали вмѣстѣ съ нами вдвое болѣе русскихъ разнаго ранга, чѣмъ иностранцевъ ²⁾. Но Петръ I сказалъ, что нужно фискалить, и фискалили по важнымъ и второстепеннымъ предметамъ. Въ мое время я видѣлъ, какъ въ Россіи дѣйствовали по наставленіямъ Петра I, точно такъ же, какъ во времена кардинала Ретца поступали въ Испаніи относительно тысячи предметовъ не вслѣдствіе размышленія и сообразно съ существовавшими обстоятельствами, но въ виду того, что такъ поступали во времена Карла V.

„Такъ какъ самымъ красивымъ изъ свиты принца Карла былъ непрекословно графъ Францискъ Ржевускій, бывшій тогда короннымъ писаремъ, то Елисавета не была равнодушной къ его чарамъ; но ревнивое вниманіе Ивана Шувалова воспрепятствовало этой зарождавшейся страсти. Даже произошелъ случай,

сколько спустя, открылся этотъ источникъ: онъ былъ любовникомъ жены вице-канцлера Воронцова, Анны Карловны, рожденной Скавронской; послѣдняя была очень дружна съ женою церемоніймейстера Самарина, у которой графиня видѣлась съ Прассе.—Сочиненія Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 400.

¹⁾ Въ письмахъ къ Брюлю Понятовскій описываетъ поѣздку въ Шлиссельбургъ, которая совершилась съ 13-го по 20-е мая; при отъѣздѣ императрица подарила принцу соболью шубу и муфту, по случаю господствовавшей холодной погоды. Поѣздка была очень пріятна принцу.—Письма графу Брюлю 12-го (23-го) и 19-го (30-го) мая.

²⁾ Такъ какъ въ это время содержался въ Шлиссельбургѣ злосчастный императоръ Іоаннъ Антоновичъ, и даже стража не знала, кто онъ такой, то этимъ объясняются тѣ предосторожности, которыя были приняты при появленіи принца Карла съ многочисленной свитой.

который едва не произвелъ прискорбное столкновеніе. Однажды, послѣ обѣда, мы собрались у Ивана Шувалова въ числѣ нѣсколькихъ поляковъ и немногихъ русскихъ; я, къ моему несчастью, предложилъ развлечься игрой, называемой „сокретаремъ“. Каждый, получивъ карточку съ названіемъ одного изъ такихъ игроковъ, долженъ былъ написать на ней измѣненнымъ почеркомъ все, что ему вздумалось бы насчетъ того, имя котораго стояло на карточкѣ. По прочтеніи перваго распредѣленія оказалось, что первая карточка содержала имя Ивана Шувалова, и на ней было написано: „Кто основательно съ нимъ знакомъ, признаетъ, что онъ не заслуживаетъ дружбы честнаго человѣка“. Взбѣшенный Шуваловъ сталъ грозить виновнику этого оскорбленія, и я видѣлъ по его глазамъ, что онъ подозрѣвалъ въ томъ Ржевускаго. Я ему сказалъ тогда: „Я вамъ не скажу, кто написалъ эти слова, хотя я это замѣтилъ, но я ограничусь увѣреніемъ, что въ этомъ не участвовалъ ни одинъ изъ польскихъ гостей“. Послѣ нѣкотораго молчанія я увидалъ, что Шуваловъ и Иванъ Чернышевъ вступили въ объясненія. Мы узнали потомъ, что Чернышевъ призналъ себя написавшимъ эти слова по той причинѣ, что Шуваловъ ему не услужилъ, какъ онъ рассчитывалъ, для полученія милости, которой онъ добивался у государыни, хотя Шуваловъ былъ ему обязанъ благопріятнымъ содѣйствіемъ въ интригѣ съ одной женщиной, къ которой императрица испытывала всегда сильную ревность. Чернышевъ держалъ Шувалова въ страхѣ изъ-за этого секрета, почему послѣдній постарался замять, какъ могъ лучше, слухи объ этомъ происшествіи, которое Чернышевъ вызвалъ нарочно.—Однимъ изъ тѣхъ, которые составляли свиту принца Карла, былъ Браницкій ¹⁾, нынѣ великій гетманъ. Тогда еще молодой, онъ уже былъ извѣстенъ двумя походами, которые онъ сдѣлалъ съ отличіемъ въ качествѣ добровольца въ рядахъ австрійскихъ войскъ, въ свитѣ того же принца Карла. Съ момента своего приѣзда въ Петербургъ онъ выразилъ мнѣ такое сильное желаніе пріобрѣсти мою дружбу и такимъ особеннымъ рыцарскимъ образомъ, что мнѣ пришлось въ голову испытать ее въ одномъ странномъ походе, къ описанію котораго я приступилъ.

„Вслѣдствіе оборота, который приняло дѣло канцлера и всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ при с.-петербургскомъ и варшав-

¹⁾ Графъ Ксаверій Петровичъ Браницкій, коронный великій гетманъ, впоследствии російскій генераль-отъ-инфантеріи, женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, племянницѣ князя Потемкина, умеръ въ 1819.

скомъ дворахъ, мое пребываніе здѣсь становилось все болѣе и болѣе щекотливымъ для меня, почему я нашелъ нужнымъ, путемъ отпуски, удалиться на нѣкоторое время изъ Россіи, чтобы вернуться обратно, когда время и мѣсто укажутъ ¹⁾. При такомъ намѣреніи я участилъ свои посѣщенія въ Ораніенбаумъ, гдѣ тогда находился великокняжескій дворъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ мое пребываніе въ Петергофѣ по случаю пріѣзда туда принца Карла приближало меня на двѣ трети къ цѣли моихъ поѣздокъ ²⁾. Вслѣдствіе счастливой до той поры привычки переодѣваться и пользоваться всѣми подходящими средствами для совершенія подобныхъ поѣздокъ, я до такой степени не усматривалъ опасности въ нихъ, что 6 іюля (26 іюня) я рѣшился отправиться въ Ораніенбаумъ, не условившись заранѣе съ великой княгиней, какъ я это дѣлалъ всегда. Я нанялъ, какъ обыкновенно, маленькую крытую повозку, которою правилъ извозчикъ, не знавшій, кто я; на запяткахъ сидѣлъ мой переодѣтый вѣстовой, который всегда меня сопровождалъ и прежде. Въ эту ночь (которая въ Россіи и не была таковою) мы, къ несчастію, встрѣчаемъ въ ораніенбаумскомъ лѣсу великаго князя со всей его свитою; всѣ были навеселѣ. На вопросъ, кого онъ везетъ, извозчикъ отвѣчаетъ, что не знаетъ—кого. Мы проѣзжаемъ, но фрейлина Елисавета Воронцова ³⁾, бывшая съ великимъ княземъ, выражаетъ предположенія, которыя до такой степени приводятъ его въ дурное расположеніе ⁴⁾, что когда я, пробывъ нѣсколько часовъ съ великой княгиней, вышелъ изъ отдаленнаго павильона, который она тогда занимала, я увидалъ

¹⁾ Графъ Брюль увѣдомилъ Понятовскаго, что король желалъ, чтобъ онъ былъ посломъ на предстоящемъ сеймѣ; ходатайствуя передъ Брюлемъ, чтобъ это мѣсто было за нимъ обезпечено королемъ (письмо 22 апрѣля (2 мая) 1758), Понятовскій доноситъ, что онъ рассчитывалъ выѣхать въ концѣ іюня изъ С.-Петербурга и просилъ Брюля освѣдомиться у канцлера Воронцова, признавалъ ли онъ пребываніе его, Понятовскаго, въ С.-Петербургѣ до этого срока полезнымъ для службы короля, или же оно принесетъ, по мнѣнію вице-канцлера, вредъ интересамъ Августа III (письмо 5 (16) іюня 1758 г.).

²⁾ Великокняжеская чета переѣхала въ Ораніенбаумъ въ субботу 30 мая 1758 г., четыре дня спустя послѣ второго свиданія Екатерины съ императрицей (письмо графу Брюлю 2 (13) іюня); императорскій дворъ переселился въ Петергофъ въ субботу 13 іюня, принцъ же Карлъ переѣхалъ 16 (27), а вмѣстѣ съ нимъ и Понятовскій (письмо 16 (27) іюня).

³⁾ Графиня Елисавета Романовна (1739 — 1792), камеръ-фрейлина и кавал. дама ордена св. Екатерины, потомъ жена ст. сов. Александра Ивановича Полянскаго.

⁴⁾ По донесеніямъ французскаго посла Лопиталья Петръ опасался посягательства на свою жизнь.

себя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него настигнутымъ тремя всадниками съ саблями въ рукахъ, которые, схвативъ меня за шиворотъ, повели въ такомъ видѣ къ великому князю. Узнавъ меня, онъ просто велѣлъ моимъ провожатымъ идти за собою. Насъ повели нѣкоторое время по пути, идущему къ морю. Я думалъ, что мнѣ уже пришелъ конецъ; но на берегу повернули направо, къ другому павильону. Тамъ на опредѣленный и ясный вопросъ великаго князя я отвѣтилъ отрицаніемъ. Онъ сказалъ: „Говорите правду; если вы ее скажете, все можетъ устроиться; если же вы будете отрицать, вы плохо проведете свое время“. — „Я не могу—отвѣтилъ я—утверждать, что я сдѣлалъ что-либо, когда я этого не дѣлалъ“. Послѣ сего онъ пошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, казалось, онъ совѣтовался съ своею свитою. Скоро вернувшись обратно ко мнѣ, онъ сказалъ: „Хорошо, такъ какъ вы отказываетесь говорить, вы останетесь здѣсь до новаго приказанія“, — и оставилъ меня со стражей у дверей въ комнату, гдѣ, кромѣ меня, находился его генераль Брѣдорфъ. Мы хранили глубокое молчаніе два часа, по прошествіи которыхъ вошелъ графъ Александръ Шуваловъ, двоюродный братъ любимца Елисаветы. То былъ великій инквизиторъ, начальникъ того страшнаго судилища, которое называли въ Россіи Тайной Канцеляріей. Какъ будто для того, чтобъ увеличить тотъ ужасъ, который возбуждало одно названіе его должности, природа надѣлила его нервными подергиваніями, страшно безобразившими его лицо, къ тому же некрасивое, всякій разъ, какъ онъ погружался въ занятія, поглощавшія его вниманіе. Изъ его появленія я понялъ, что императрица была освѣдомлена о происшедшемъ. Онъ пробормоталъ въ смущеніи нѣсколько словъ, изъ которыхъ я скорѣе угадалъ, чѣмъ понялъ, что онъ просилъ объяснить ему, что случилось. Не входя въ подробности о томъ, я ему сказалъ: „Вы поймете, я думаю, милостивый государь, что для чести вашего двора важно, чтобы все это кончилось съ возможно меньшей оглаской и чтобы вы меня отпустили отсюда какъ можно скорѣе“. — „Вы правы, — пробормоталъ онъ, такъ какъ къ тому же онъ заикался, — я сдѣлаю о томъ распоряженіе“. Онъ вышелъ и менѣе чѣмъ черезъ часъ вернулся сказать, что мнѣ подана карета, въ которой я могъ вернуться въ Петергофъ. То былъ плохой маленькій экипажъ, весь въ зеркалахъ, или, скорѣе, въ стеклахъ, со всѣхъ сторонъ, въ видѣ фонаря. Въ такомъ мнимомъ инкогнито я пустился медленно въ путь въ шесть часовъ утра, среди бѣлаго дня, на двухъ лошадяхъ, по глубокому песку, вслѣдствіе котораго время въ пути мнѣ показалось безконечно дол-

гимъ. Не доѣхавъ до Петергофа, я велѣлъ кучеру остановиться и, отославъ карету, пѣшкомъ сдѣлалъ остальную часть пути, въ плащѣ и шапкѣ, нахлобученной до ушей. Могли меня принять за разбойника, но все-таки моя фигура должна была менѣе обращать вниманіе любопытныхъ, чѣмъ эта невозможная карета. Пришедши къ деревянному строенію, въ которомъ я жилъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими кавалерами изъ свиты принца Карла, въ маленькихъ низкихъ комнатахъ перваго этажа, всѣ окна коего отворены, я не захотѣлъ войти черезъ дверь, во избѣжаніе встрѣчи съ кѣмъ-нибудь. Мнѣ вздумалось пройти въ мою комнату черезъ окно, но я ошибся въ окнѣ и, прыгнувъ, очутился въ комнатѣ моего сосѣда, генерала Роникера ¹⁾, котораго брили. Онъ принялъ меня за привидѣніе; мы оба стояли нѣсколько минутъ въ недоумѣніи и молчали, затѣмъ разразились громкимъ смѣхомъ. Я ему сказалъ: „Не спрашивайте меня, откуда я прихожу, а также, почему я вошелъ черезъ окно, но, какъ добрый соотечественникъ, дайте мнѣ ваше честное слово не рассказывать обо всемъ этомъ“. Онъ мнѣ далъ слово, и я пошелъ спать, но напрасно. Я провелъ два дня въ самомъ сильномъ смущеніи. Я хорошо видѣлъ по наружности, что мое приключеніе стало извѣстнымъ, но никто не заговаривалъ со мною про него.

„Наконецъ, великая княгиня нашла способъ передать мнѣ записку, изъ которой я увидалъ, что она успѣла заручиться расположеніемъ графини Елисаветы Воронцовой. Черезъ два дня великій князь съ супругой и всѣмъ своимъ дворомъ пріѣхалъ въ Петергофъ, чтобы тамъ провести Петровъ день, придворный праздникъ въ честь основагеля императорской резиденціи ²⁾).

¹⁾ Графъ Михаилъ Александровичъ Роникеръ (1728—1802).

²⁾ Этотъ день въ 1758 г. приходился на понедѣльникъ. Екатерина пишетъ въ своихъ запискахъ, что когда попался Понятовскій, генералъ Брокдорфъ предложилъ его убить. Левъ Александровичъ Нарышкинъ посоветовалъ его передать графу Александру Ивановичу Шувалову; послѣдній его передалъ своему зятю (графу Гавріилу Ивановичу Головкину) и уѣхалъ въ Петергофъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ посоветовалъ своему двоюродному брату отпустить Понятовскаго, что онъ и сдѣлалъ. Графъ Александръ Шуваловъ рассказалъ о происшедшемъ Екатеринѣ на слѣдующій день; она ничего о томъ не знала. Великаго князя, когда онъ пришелъ къ Екатеринѣ, уже успѣли уговорить, такъ какъ не желали огласки. Онъ предложилъ ей повидаться съ Елисаветой Воронцовой, которая пришла къ великой княгинѣ, пролежавшей въ постели цѣлый день, въ виду удрученнаго своего состоянія. На слѣдующій день вечеромъ, т. е. 28 іюня, Екатерина получила черезъ Александра Шувалова записку императрицы, которая ее просила не огорчаться и пріѣхать, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Петергофъ на Петровъ день. Екатерина отвѣтила, выразивъ ей свою живѣйшую благодарность. Въ Петергофѣ графъ Ржевускій сказалъ великой княгинѣ, что, по словамъ ея друга, черезъ посредничество де ла-Греле (Лагреназъ, французскій

При дворѣ въ этотъ день состоялся балъ; танцуя менуэтъ съ Елисаветой Воронцовой, я ей сказалъ: „Вы могли бы нѣкоторыхъ осчастливить“. „Это уже почти сдѣлано,—отвѣтила она;—приходите въ часъ ночи вмѣстѣ съ Львомъ Александровичемъ къ павильону „Монплеzirъ“, гдѣ остановились ихъ высочества, въ Нижній садъ“. Пожавъ ей руку, я пошелъ совѣтоваться съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Приходите, вы меня найдете у великаго князя“. Я былъ нѣкоторое время въ раздумьи, потомъ я сказалъ Браницкому: „Согласны ли вы рискнуть прогуляться со мною въ эту ночь въ Нижнемъ саду? Богъ знаетъ, куда насъ заведетъ прогулка; но, по всему вѣроятію, она кончится хорошо“. Онъ сразу соглашается, и мы приходимъ въ условленный часъ и къ условленному мѣсту. Въ двадцати шагахъ отъ гостиной я встрѣчаю Елисавету Воронцову, которая мнѣ говоритъ: „Нужно, чтобы вы подождали здѣсь еще нѣсколько времени, такъ какъ у великаго князя есть еще гости, которые курятъ съ нимъ трубку и отъ которыхъ онъ желаетъ сперва отдѣлаться, чтобы потомъ видѣться съ вами“. Она нѣсколько разъ ходила подслушать, не пришелъ ли моментъ, котораго мы ожидали. Наконецъ, она мнѣ сказала: „Войдите“,—и вотъ великій князь весело подходитъ ко мнѣ со словами: „Не означаетъ ли это верхъ глупости, что меня въ-время не посвятили въ тайну? Если бы ты это сдѣлалъ, не произошла бы вся эта ссора“. Я сознался во всемъ (какъ можно было думать), и тотчасъ же сталъ восхвалять глубину военныхъ распоряженій его высочества, отъ которыхъ мнѣ было некуда дѣться. Это ему очень польстило и привело его въ доброе расположеніе духа... На слѣдующій день всѣ на меня стали лучше смотрѣть. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ говорилъ мнѣ пріятныя вещи, Воронцовъ дѣлалъ то же самое. Я однако имѣлъ случай замѣтить, что все это было не столь ясно, и что пора мнѣ уѣзжать ¹⁾.

живописецъ) и графа Браницкаго все устроится; она ему отвѣтила „Скажите вашему другу, что я нахожу этотъ конецъ совсѣмъ смѣшнымъ, и что эта гора родила мышъ“. Затѣмъ она передаетъ, какъ, вернувшись съ ужина, она пошла спать; между двумя и тремя часами утра она услышала, какъ отдергиваютъ занавѣсь ея кровати, и она проснулась; то былъ великій князь, который сказалъ ей, чтобъ она встала и слѣдовала за нимъ. „И вотъ мы всѣ трое лучшіе друзья на свѣтѣ,—пишетъ Екатерина.—Великій князь до отъѣзда графа Понятовскаго проводилъ два-три вечера въ недѣлю въ моемъ кружкѣ и пилъ мое англійское пиво“.—Сочин. Имп. Екатерины, т. XII, 1, стр. 437.

¹⁾ Изъ донесенія Понятовскаго графу Брюлю отъ 2 (13) іюля видно, что въ этотъ день принцъ Карлъ уѣхалъ изъ Петербурга и на прощаніе получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Понятовскій пишетъ, что онъ прощался вмѣстѣ съ прин-

Я уже напередъ имѣлъ разрѣшеніе и, наконецъ, нужно было покинуть Петербургъ. Мое путешествіе было очень несчастливо; всѣ приключенія, которыя могутъ замедлить путешественника, случились со мною“.

Только послѣ трехъ недѣль онъ добрался до Селець, куда его родители удалились по смерти его бабушки Чарторыйской, умершей 20 февраля этого года ¹⁾.

VIII.

Пробывъ нѣсколько дней въ Сельцахъ у своихъ родителей, Понятовскій, по ихъ приказанію, отправился въ Варшаву представиться ко двору. „Я былъ имъ — пишетъ онъ — (по крайней мѣрѣ съ виду) лучше принять, чѣмъ ожидалъ. Король, смѣясь, спросилъ у меня, возстановленъ ли миръ между великимъ княземъ и его супругою. Брюль, по своему обыкновенію, разсыпался предо мною въ поклонахъ и комплиментахъ. Его жена снова приняла тонъ мамы въ отношеніи ко мнѣ. Но ея дочь ²⁾ обращалась со мною съ холодною аффектаціею. Я спросилъ о причинѣ такого поведенія у аббата Виктора, бывшаго наставника ея брата; съ аббатомъ я часто видѣлся въ Петербургѣ. Это былъ веселый, жизнерадостный уроженецъ Піэмонты, человекъ тонкій, какихъ мало; онъ мнѣ сказалъ: „довѣрьтесь мнѣ“. Черезъ три дня, графиня Мнишекъ не только смягчилась, но скоро сдѣлала мнѣ такой пріемъ, что я счелъ себя обязаннымъ дать ей довольно ясно понять, что я не былъ свободенъ, и что всѣ ея старанія мнѣ нравиться будутъ напрасны. То была замѣчательная глупость, за которую я всегда буду упрекать себя: во-первыхъ, не было вовсе установлено, чтобы графиня Мнишекъ имѣла виды на меня. Она тогда была въ связи съ графомъ Эйнзиделемъ. Но когда она желала быть ласковой, то она была такою до того, что можно было обмануться, не зная ее хорошо. Она поступала равнымъ образомъ съ женщинами; она такое же горячее чувство вносила, повидимому, во всѣ свои вкусы, увеселенія, музыку, танцы, литературу, художество; она схватывала все очень легко и казалась одаренною талантами ко

цемъ и думалъ выѣхать черезъ три недѣли. Такимъ образомъ, его отъѣздъ долженъ былъ совершиться около 23—25 іюля стараго стиля.

¹⁾ Княгиня Изабелла Чарторыйская, рожденная Рациборская, жена князя Казимира, подъ-канцлера литовскаго и каштеляна виленскаго.

²⁾ Графиня Марія-Амалия-Фредерика Брюль (1734—1772), замужемъ за графомъ Юріемъ Августомъ Мнишкомъ, краковскимъ каштеляномъ (1716—1778).

всему. Когда она желала кого-нибудь привлечь, она черезъ 24 часа знала всѣ анекдоты его жизни и высказывала живое участіе къ его интересамъ. Но рѣдко замѣчалась послѣдовательность въ ея вкусахъ, какъ бы они ни казались рѣшительными. Мое признаніе, столь нелестное для нея, ей не понравилось; она мнѣ припомнила это въ другую пору, о чемъ я расскажу въ свое время. Такъ какъ гораздо легче устраниваться отъ какого либо обязательства, чѣмъ привести его въ исполненіе, то я располагалъ, не обижая вовсе дамы, сотнею средствъ для того, чтобы избавиться отъ того, которое, какъ мнѣ казалось, угрожало мнѣ. Но я еще держался началъ безусловно строгаго исполненія долга. Да къ тому же я опасался попасть въ ловушку, поставленную съ цѣлью погубить меня во мнѣніи тамъ, гдѣ я боялся вызвать малѣйшій упрекъ въ какой-либо провинности. Другія предложенія, быть-можетъ болѣе серьезныя, были скоро мнѣ сдѣланы съ разныхъ сторонъ. Я отказался отъ всѣхъ съ рыцарскимъ самоотверженіемъ, которое могло бы быть изображено въ самомъ изысканномъ романѣ. Однако я ежедневно видѣлся съ моей двоюродной сестрой, княгиней Любомирской. Ежедневно она говорила со мною о великой княгинѣ и всегда съ интересомъ, который не только не прекращался, но постоянно возрасталъ. Чѣмъ болѣе я думалъ, что повѣрялъ ей только свою тайну, свое чувство, тѣмъ болѣе являлась у меня потребность говорить съ нею и часто, и продолжительно.

„Мой ближайшій другъ въ ту пору, графъ Ржевускій, который, страдая еще отъ нерѣшительности и совѣстливости своей дамы, былъ столько же стѣсненъ дурнымъ расположеніемъ моего дяди, воеводы русскаго, и пользовался мною для того, чтобы облегчить себѣ разными способами сношенія съ нею, чему я ревностно способствовалъ, думая этимъ оказать ему услугу, достойную друга и любовника. Та, которую я считалъ только своей довѣренной, нуждалась сама въ довѣренномъ лицѣ, чтобы облегчить свое горе, причиняемое ей ревностью ея отца и матери. Оба они ревновали ее, хотя по очень различнымъ причинамъ. Ея отецъ былъ въ нее влюбленъ. Ея мать, старая кокетка, не прощала ей, что она сдѣлалась женою того, кого она когда-то любила. Двоюродная сестра во всякое время и во всякомъ мѣстѣ надѣляла меня самыми нѣжными ласками, какъ любимѣйшаго изъ родственниковъ и друзей; а такъ какъ она выражала этимъ одну лишь дружбу, то она изъ того не дѣлала ни малѣйшей тайны. Ея репутація была еще совершенно безупречна; ея положеніе, красота, разсудительность, всѣ ея добрыя качества, не

опороченныя до того, въ 22-хъ-лѣтнемъ возрастѣ, какими-либо слабостями или пятномъ, создали ей, при заманчивой наружности, такую славу и, можно сказать, славу всеобщую между всѣми мужчинами и женщинами, какою не пользовался, насколько мнѣ пришлось слышать, никто, ни въ одной странѣ. Ея одобреніе признавалось свидѣтельствомъ дѣйствительной заслуги, ея мнѣніе считалось приговоромъ, не подлежащимъ апелляціи. Люди различнаго возраста, душевныхъ свойствъ, партій—сходились въ преклоненіи передъ нею. Между тѣмъ эта женщина, какъ мнѣ казалось, предпочитала меня всѣмъ остальнымъ. Станьте на мое мѣсто и осудите меня. Подъ прикрытіемъ самой ея добродѣтели я считалъ себя въ безопасности и, обманывая себя тѣмъ, что только вель бесѣду съ ангеломъ, да притомъ съ ангеломъ-хранителемъ, я влюбился до такой степени, не сознавая этого, что я во всю свою жизнь, какъ мнѣ кажется, не испытывалъ такого сильнаго чувства. Почти не было письма великой княгинѣ, въ которомъ я бы не упоминалъ объ этой двоюродной сестрѣ и объ участіи, которое она выражала намъ, такъ что великая княгиня кончила тѣмъ, что написала ей очень дружеское письмо.

„Въ такомъ настроеніи я провелъ около трехъ лѣтъ, ожидая и желая наступленія какихъ-либо обстоятельствъ, которыя бы благопріятствовали моему возвращенію въ Россію, тогда какъ я утѣшалъ свою скорбь отъ разлуки нѣжною дружбою совершенно особеннаго свойства“, — такъ заключаетъ Понятовскій.

Съ формальной стороны, онъ не былъ отозванъ отъ своего посольства въ Петербургъ. Онъ бы могъ быть отправленъ обратно, если бы разныя обстоятельства, съ одной стороны, не измѣнили мало-по-малу его положенія, а съ другой — если бы вслѣдствіе разныхъ причинъ сами отношенія его ко двору Августа III не ухудшились, какъ никогда. Первый поводъ подалъ вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ. Биронъ и его семейство все томились въ тюрьмахъ въ Россіи. Это заключеніе, продолжавшееся десять лѣтъ, производило, безъ сомнѣнія, большія неудобства въ Курляндіи и нарушало верховныя права Польши. Вслѣдствіе требованій, неоднократно предъявленныхъ по сему предмету и всякій разъ отвергнутыхъ Россіею, Августъ III вздумалъ воспользоваться этимъ отказомъ для своего любимаго сына, Карла. Онъ успѣлъ добиться отъ императрицы Елисаветы очень положительныхъ, неоднократно подтверждаемыхъ, заявленій въ томъ смыслѣ, что Россія, вслѣдствіе государственныхъ соображеній, никогда не выпуститъ на свободу Бирона и его семейства. Основываясь на этихъ актахъ, король счелъ себя въ правѣ, по роспускѣ сейма

въ 1750 г., предложить польскому сенату вопросъ о томъ, не могъ ли онъ располагать курляндскимъ лэномъ, какъ не замѣщеннымъ? Отецъ и дяди Понятовскаго были того мнѣнія, что оказанная Бирону несправедливость была слишкомъ очевидна, что честь Польши не могла допустить, чтобы Россія самовластно лишила герцогства не только Бирона, котораго она обвиняла въ злоупотребленіяхъ во время его управленія, какъ регента, но даже его нисходящихъ, и что, наконецъ, по соглашенію, состоявшемуся съ Августомъ, онъ могъ располагать Курляндіею только съ разрѣшенія всѣхъ трехъ сословій Рѣчи-Посполитой, созванныхъ на сеймъ, а не по одному постановленію сената. Къ тому же, по случаю уже очень пошатнувшагося здоровья императрицы Елисаветы, можно было предвидѣть, что скоро, быть можетъ, Биронъ, выпущенный на свободу, сдѣлается очень опаснымъ соперникомъ этого королевскаго сына, котораго желали пристроить. Эти соображенія не понравились. Большинство сенаторовъ подало голосъ согласно видамъ короля (декабрь 1758), и 9-го января 1759 года принца Карла его отецъ-король пожаловалъ очень торжественно Курляндскимъ герцогствомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Понятовскаго изъ С.-Петербурга, скончалась дочь великой княгини, родившаяся годъ тому назадъ, и ея мать была принуждена, по обрядамъ православной церкви, цѣловать руку своего ребенка, прежде чѣмъ его похоронили. Къ этому горю, которое онъ раздѣлялъ съ великой княгиней, присоединилось другое, иного рода. Новый французскій министръ въ Польшѣ, смѣнившій Броули, Монтэль, привезъ ему письмо отъ г-жи Жофрэнъ, въ которомъ она журила его по лживымъ извѣстіямъ, которымъ она вполне вѣрила, за вымышленное его тщеславіе и хвастовство насчетъ пребыванія въ Россіи.

„Я ей отвѣтилъ — пишетъ Понятовскій — съ большою чувствительностью, и получилъ отъ нея письмо отъ 4-го марта 1759 г., которое я еще сохранилъ, но я сжегъ предыдущее отъ досады и изъ осторожности. Натянутость отношеній, однако, скоро смѣнилась прежней задушевностью нашей переписки. — Великая княгиня продолжала мнѣ писать, и я отвѣчалъ ей, направляя мои письма на имя Ивана Ивановича Шувалова, предложившаго мнѣ свои услуги по этому предмету съ вѣдома и согласія Елисаветы, которая, очевидно, рассчитывала быть освѣдомленной этимъ способомъ о нашей перепискѣ. Моя привязанность предохранила меня въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ отъ всякаго увлеченія. Я былъ чуждъ всѣхъ забавъ, свойственныхъ молодымъ людямъ моего возраста. Когда

по благопристойности мнѣ приходилось отъ времени до времени участвовать въ нихъ, мои сверстники говорили: „его царство вѣдь не отъ міра сего“. Я проводилъ весь день, исполняя свой долгъ передъ королемъ, бывая у своей двоюродной сестры и ухаживая за своими родителями. Мой отецъ любилъ говорить со мною о предметѣ моихъ желаній. Моя мать старалась иногда бороться съ ними путемъ строгихъ нравоученій, внушаемыхъ ея набожностью. Она имѣла такую власть надо мною, она любила меня такъ нѣжно, ее такъ глубоко огорчало то, что я сбился съ прямого пути, что я однажды совершилъ надъ собою самое жестокое насиліе. Я пошелъ къ ксендзу Сливицкому, который былъ моимъ духовникомъ до самой своей смерти. Я далъ ему клятву отказаться отъ того, чего я желалъ больше всего на свѣтѣ, развѣ бы совершилось благопріятное событіе, единственное, которое могло узаконить мои желанія, и я сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобъ извѣстить о семъ великую княгиню, выяснивъ ей причину сего, но не отрекаясь вовсе отъ самой нѣжной и вѣрной любви. Я былъ приведенъ въ заблужденіе своею страстью, искренностью и благочестіемъ насчетъ возможной продолжительности этихъ намѣреній. Они не оскорбили великой княгини, она какъ будто была согласна имъ повиноваться. Когда я передалъ моей матери о той побѣдѣ, которую я одержалъ надъ самимъ собой, она съ умиленіемъ меня поцѣловала, и съ того времени перестала выражать мнѣ свои убѣжденія по этому предмету, которыми она до той поры старалась меня отвлечь отъ пути, признавшаго ею гибельнымъ для меня. Она часто мнѣ выражала желаніе, чтобъ я женился на дѣвицѣ Оссолинской, дочери волынскаго воеводы ¹⁾, въ настоящее время женѣ короннаго кравчаго Потоцкаго ²⁾, тогда самой красивой дѣвушкѣ во всей Польшѣ; я постоянно отвѣчалъ матери, что едва-ли она желала несчастья моей будущей женѣ, и что таковое было неминуемо съ мужемъ, который всегда бы смотрѣлъ на нее, какъ на вѣчное препятствіе къ тому, что удовлетворило бы его сердце и его честолюбіе. Такъ какъ мать этой дѣвушки сама въ очень ясныхъ выраженіяхъ предложила мнѣ свою дочь, то я ей далъ почти такой же отвѣтъ, добавивъ однако, что, насколько я зналъ самого себя, я чувствовалъ себя неспособнымъ сдѣлать счастье особы, которую я бы взялъ въ жены, и что чѣмъ болѣе она заслуживала бы вниманія своими качествами и красотою, тѣмъ сильнѣе я упрекалъ бы себя“.

¹⁾ Антонъ-Іосифъ, женатый на Стадницкой.

²⁾ Графъ Іосифъ Потоцкій † 1802 г.

IX.

Понятовскій послѣ того излагаетъ въ запискахъ, какъ его мать, исполнивъ свой долгъ въ отношеніи дѣтей и своей матери, удалилась въ деревню съ мужемъ, а онъ, графъ Станиславъ-Августъ, переселился къ своему дядѣ, князю Чарторыйскому, и вмѣстѣ съ нимъ и его дочерью, княгиней Любомирской, переѣхалъ на лѣто въ ихъ имѣніе Пулавы. Въ теченіе 1759 года князь Августъ Чарторыйскій отправилъ въ С.-Петербургъ своего сына Адама. Эта поѣздка придала большое значеніе его семейству, и среди шляхты сложилось убѣжденіе, что русскій дворъ поддержитъ партію Чарторыйскихъ послѣ смерти Августа III, когда наступитъ междуцарствіе. Многіе даже думали, что престолъ могъ перейти къ князю Адаму или его отцу. Они пришли къ такому заключенію, когда стало извѣстно, съ какимъ почетомъ и отличіемъ князь Адамъ былъ принятъ Елисаветой Петровной и великокняжескимъ дворомъ. Екатерина иначе его не называла, какъ двоюроднымъ братомъ.

„Молодой Чарторыйскій, — говоритъ Понятовскій, — будучи въ Петербургѣ, очень привязался къ графинѣ Брюсъ ¹⁾, которая тогда была очень близка къ великой княгинѣ. — Онъ сошелся коротко съ датскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ, барономъ Остенюмомъ, черезъ котораго проходила моя шифрованная переписка съ великой княгиней; она шла тѣмъ же путемъ черезъ него, когда онъ сталъ датскимъ министромъ при Августѣ III. Князь Адамъ вернулся изъ Россіи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ“.

Затѣмъ Понятовскій рассказываетъ, что въ этомъ 1759 году, 27-го октября, умерла его мать, въ его отсутствіе. Получивъ отъ отца шкатулку, оставленную ему матерью, онъ нашелъ въ ней всѣ свои письма, которыя когда-либо ей писалъ.

„Въ своемъ смущеніи, — пишетъ Станиславъ-Августъ, — и не знавъ, что я дѣлалъ, я ихъ тотчасъ всѣ сжегъ. Послѣ я очень сожалѣлъ о томъ, такъ какъ я бы въ нихъ нашелъ все, что я дѣлалъ, сказалъ и думалъ въ прежнихъ моихъ путешествіяхъ, такъ какъ я говорилъ ей все“.

Зиму 1759 — 1760 года Понятовскій провелъ въ Пулавахъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ Адамомъ, ко-

¹⁾ Графиня Прасковья Александровна, рожденная графиня Румянцова (1729—1786), статсъ-дама, жена графа Якова Александровича Брюса, впоследствии генераль-анъ-шефа.

торый все вздыхалъ по графинѣ Брюсъ и не могъ примириться съ женитьбой, которую готовилъ ему отецъ. 6-го марта 1760 г. состоялась свадьба брата Станислава-Августа, Андрея, который женился на графинѣ Кинской, дочери правителя Богеміи. При этомъ Станиславъ-Августъ рассказываетъ, что подарилъ брату всѣ брилліанты, которые онъ получилъ отъ русскаго двора. Онъ описываетъ своего брата, какъ человѣка, прославившагося на австрійской службѣ своею храбростью, чему служили доказательствомъ одиннадцать ранъ, полученныхъ имъ въ бою. Въ теченіе этого года Станиславъ-Августъ посѣтилъ свою двоюродную сестру, княгиню Любомирскую, въ имѣніи ея мужа—Ланкутъ.

„Несмотря на наши ссоры, кончавшіяся примиреніями,—пишетъ Станиславъ-Августъ,—я все-таки считался ея первымъ другомъ. Въ этомъ качествѣ я былъ въ правѣ говорить съ нею откровеннѣе другихъ по одному предмету, который всегда возбуждалъ во мнѣ удивленіе. Ея отецъ желалъ, чтобы состоялся бракъ его сына съ дочерью графа Флемминга, о которомъ упоминалось выше. О немъ говорили уже давно, и онъ былъ рѣшенъ обоими стариками. Флеммингъ его страстно желалъ, но князь Адамъ казался болѣе далекимъ отъ этой мысли, чѣмъ когда-либо. Съ того времени, какъ онъ возвратился изъ Россіи влюбленнымъ въ графиню Брюсъ, и послѣ того, какъ онъ вспомнилъ, что сильно увлекался графиней Оссолинской, о которой я выше говорилъ, а главное, послѣ того, какъ молодая Флеммингъ была изуродована оспою до такой степени, что тогда это казалось неисправимымъ, дядя попробовалъ прибѣгнуть къ моему посредству для того, чтобы привести его сына въ подчиненіе его видамъ. Я ему сказалъ, что я былъ мало способенъ исполнить это порученіе, такъ какъ мнѣ казалось несправедливымъ принуждать сердце его сына, тѣмъ болѣе, что я тщетно уже представлялъ послѣднему, что онъ долженъ былъ избѣгать увлеченія, что онъ былъ совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ я, ибо онъ былъ какъ бы уже связанъ далеко ранѣе своего путешествія въ Россію. Я не хотѣлъ упрекать себя въ причиненіи горя моему двоюродному брату насчетъ брака, который онъ считалъ своимъ несчастьемъ. Но отецъ самъ рѣшился исполнить порученіе, отъ котораго я отказался. Онъ такъ самовластно высказывалъ свою волю тамъ, гдѣ онъ могъ ее выражать, что его сынъ не посмѣлъ ему противиться. Свадьба была назначена на 19-е ноября 1760 г.

„По мѣрѣ того какъ приближался срокъ этой свадьбы, княгиня Любомирская становилась все грустнѣе, и ея бесѣды съ братомъ всегда сопровождались слезами, которыя она проливала изъ жа-

лости къ своему брату, въ виду его свадьбы. Все это, однако, было у нея такъ преувеличено, что при самомъ бракосочетаніи, въ церкви, на виду у всѣхъ присутствовавшихъ, она громко рыдалась, обнимая брата, какъ будто прощалась съ нимъ навсегда. Эта сцена произошла слишкомъ явно, чтобъ не возникли самыя странныя предположенія. Они, впрочемъ, были совершенно неосновательны ¹⁾. Чѣмъ болѣе я былъ въ этомъ увѣренъ, тѣмъ настойчивѣе я сталъ требовать отъ нея объясненія причинъ такого непонятнаго горя. Она отвѣтила, что имѣла какое-то предчувствіе, что эта молодая дѣвушка, которая становилась ея невѣсткой, будетъ причиной ея несчастья на всю ея жизнь, и что потому она питала непреодолимое отвращеніе къ ней. Я напрасно ей представлялъ, что эта дѣвочка, столь неизмѣримо уступавшая ей въ граціи, въ талантахъ (такъ какъ тогда она никакими не обладала), не могла быть предметомъ зависти для нея, которая пользовалась еще уваженіемъ, благосклонностью, можно было сказать, даже обожаніемъ постороннихъ и близкихъ, но что эта хорошая слава уменьшится, коль скоро станетъ извѣстнымъ ея неблаговидное обращеніе съ невѣсткой, которая ни въ чемъ не могла быть виновной передъ нею. Она согласилась съ моимъ мнѣніемъ, но повторила, что ея предчувствіе и ея антипатія были непреодолимы. Я подумалъ въ самомъ дѣлѣ, что она была не въ своемъ умѣ, такъ какъ не могъ придавать значеніе этому пророческому чувству. Но я, однако, увидалъ потомъ, какъ оно оправдалось обстоятельствами“.

¹⁾ Князь Адамъ Чарторыйскій, извѣстный сподвижникъ Александра I-го въ дни его молодости, говоритъ въ своихъ запискахъ (т. I, стр. 3 и 4), что его мать, графиня Изабелла Флеммингъ, приходилась двоюродной племянницей своему мужу, такъ какъ ея мать, рожденная княжна Чарторыйская, была двоюродной сестрой ея мужа. Онъ рассказываетъ, что его мать, будучи дѣвушкой, заразилась оспой, посѣщая больного крестьянскаго ребенка, и что такъ какъ старики Чарторыйскіе очень желали этой свадьбы, то, коль скоро она поправилась, ее повели подъ вѣнецъ, несмотря на то, что все лицо у нея было покрыто струпьями и красными пятнами, а на головѣ былъ надѣтъ парикъ, такъ какъ всѣ волосы у нея вылѣзли послѣ болѣзни. Книгинѣ Любомирской сдѣлалось дурно на свадьбѣ при видѣ ея лица, столь обезображеннаго, ей стало жалко брата, которому родители выбрали такую жену. Но Изабелла Чарторыйская скоро совсѣмъ поправилась и сдѣлалась женщиной замѣчательной красоты.

X.

Изложивъ, затѣмъ, въ запискахъ, что великій гетманъ литовскій князь Радзивиллъ сваталъ за него свою старшую дочь, и что онъ уклонился отъ этого, Понятовскій описываетъ, какъ въ апрѣлѣ 1761 г. не состоялся сеймъ, созванный по вопросу о чеканкѣ монеты. Остальную часть года онъ провелъ у своего отца и у старшаго брата, Казимира.

„Смерть Елисаветы—пишетъ онъ далѣе,—происшедшая въ началѣ 1762 года ¹⁾, за которой послѣдовало въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ царствованіе Петра III, неблагопріятное для меня, не послужило поводомъ къ тому, чтобы графъ Брюль оказалъ ко мнѣ особое расположеніе до тѣхъ поръ, пока Екатерина II не взошла на престолъ. Тогда Брюль сталъ заискивать у меня, но, увидавъ, что великая княгиня не призывала меня къ себѣ, онъ снова охладѣлъ. Здѣсь надо вернуться къ предыдущимъ событіямъ. Когда я оставилъ Петербургъ, я увезъ съ собой очень точное разрѣшеніе, не оскорблявшее чувства, но предоставлявшее мнѣ вольности, которыя, повидимому, соответствовали потребностямъ моего возраста. Оно было мнѣ подтверждено долго послѣ того письмами, которыя находятся еще у меня. Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ я этимъ не воспользовался, и мои частыя увѣренія въ этомъ были совершенно правдивы. Когда, наконецъ, этой строгой чистотѣ былъ положенъ конецъ, я изъ вполне излишней откровенности признался въ этомъ. Это случилось въ началѣ зимы. Почтальонъ, везшій это письмо, погибъ въ рѣкѣ, вышедшей изъ береговъ. Узнавъ объ этомъ несчастномъ случаѣ, я по глупой чистосердечности повторилъ свое признаніе. Мнѣ, правда, отвѣтили, что ожидали уже давно такого несчастія, которое переносили, не измѣняясь. Это великодушіе не долго продолжалось,—скоро Орловъ ²⁾ меня замѣнилъ. Отъ меня скрывали это нѣсколько мѣсяцевъ, но письма постепенно стали охладѣвать. Потомъ, по смерти Елисаветы, власть и угрожающее расположеніе Петра III были естественною причиною того, что даже письма стали болѣе рѣдкими. Наконецъ, когда переворотъ низвергъ Петра III, я нѣсколько дней послѣ

¹⁾ Елисавета Петровна скончалась 25-го декабря 1761 г. (5-го января 1762 г.).

²⁾ Григорій Григорьевичъ Орловъ (1734—1783), впоследствии князь, генерал-фельдцейхмейстеръ.

того, какъ получилъ о томъ извѣстіе, вмѣстѣ со всѣми другими, оставался безъ письма до тѣхъ поръ, пока курьеръ австрійскаго посла въ С.-Петербургѣ, графа Мерси Аржанто ¹⁾, не привезъ мнѣ его письма“.

Затѣмъ слѣдуетъ въ запискахъ Понятовскаго письмо графа Мерси, отъ 13-го іюля 1762 г., на имя Станислава-Августа, при которомъ препровождалось письмо Екатерины ему же отъ 2-го іюля ²⁾. Она убѣдительно просила не спѣшить пріѣздомъ въ Петербургъ, потому что его пребываніе при тогдашнихъ обстоятельствахъ было бы опасно для него и очень вредно для нея. Переворотъ, который совершился въ ея пользу, похожъ на чудо. Она увѣряла, что всю жизнь будетъ только стремиться быть полезной ему и его семейству. Екатерина въ этомъ письмѣ давала Понятовскому надежду на возможность пріѣхать черезъ нѣкоторое время, но не тотчасъ ³⁾. Поэтому онъ пишетъ въ своихъ запискахъ:

„Я напрасно утѣшался тѣмъ, что скоро я буду призванъ. Мнѣ слишкомъ трудно было держаться передъ завистливой публикой столицы, а въ особенности выдерживать проницательный взглядъ людей при дворѣ, злобно расположенныхъ ко мнѣ. Я поспѣшилъ уѣхать въ Пулавы. Я тамъ заболѣлъ отъ горя и безпокойства. Благодаря заботамъ и дѣйствительной личной дружбѣ врача моего дяди, Реймана, только черезъ 10 или 12 дней наступило выздоровленіе. Проснувшись разъ утромъ въ 6 ч., я, озабоченный мыслями, которыя меня занимали, сталъ обсуждать въ своемъ умѣ, какія могли быть причины, помѣшавшія исполненію моихъ желаній; я тогда не зналъ еще настоящей причины.

„Размышляя о внезапномъ приближеніи Екатерины II къ Фридриху II (уже тогда извѣстномъ) и столь противорѣчащемъ первой деклараціи этой новой государыни ⁴⁾, я вообразилъ себѣ

¹⁾ Флоримундъ-Клавдій графъ Мерси Аржанто, род. въ 1722 въ австрійскихъ Нидерландахъ; онъ былъ назначенъ посломъ на мѣсто графа Эстергази въ 1761, въ 1764 г. былъ отправленъ въ Варшаву присутствовать при королевскихъ выборахъ, а въ 1766 г. занялъ постъ посла въ Парижѣ.

²⁾ Записки Имп. Екатерины II, томъ XII, ч. 2, стр. 547 и 548.

³⁾ На письмо графа Мерси отъ 23 іюля Понятовскій отвѣтилъ, прося переслать прилагаемое посланіе по адресу, обозначенному круглою звѣздочкою; оно и было доставлено графомъ Мерси 31 іюля Екатеринѣ, которая, увѣдомивъ о полученіи, поручала ему переслать письмо отъ 2-го августа, упоминаемое ниже.—Сборн. Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 46, стр. 11, 89—91.

⁴⁾ Манифестъ Екатерины о восшествіи на престолъ отъ 28-го іюня 1761, строго осуждавшій миръ, заключенный Петромъ III съ Пруссіей, давалъ надежду на то, что

вдругъ, что прусскій министръ въ Петербургѣ замѣнилъ меня. Въ этотъ моментъ, когда эта идея пришла мнѣ въ голову, я услыхалъ, какъ било семь часовъ, и тотчасъ я почувствовалъ, какъ будто острый ножъ пронзилъ меня насквозь, и возобновилась та же болѣзнь, отъ которой меня спасъ Рейманъ. Мнѣ понадобилось болѣе недѣли, чтобы встать на ноги. Мнѣ пришлось тогда убѣдиться, насколько душевныя страданія имѣютъ вліяніе на тѣло, и мнѣ тогда показалось болѣе вѣроятною та геморроидальная колика, отъ которой, какъ писали, скончался Петръ III, такъ какъ я испыталъ на себѣ самомъ, до какой степени горе можетъ быть причиной этого недуга. Какъ только я былъ въ состояніи встать на ноги, я рѣшился поѣхать обратно въ Варшаву, думая, что тамъ я буду ближе къ извѣстіямъ, которыхъ я ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Напрасно дядя отговаривалъ меня ѣхать; я уже переѣзжалъ черезъ рѣку, когда я встрѣтилъ посреди Вислы моего стараго курьера, который мнѣ везъ второе письмо отъ графа Мерси“.

Въ запискахъ приводится это письмо, отъ 2-го августа 1762 г., а затѣмъ—то, которое Екатерина написала того же числа ¹⁾. Въ немъ она описывала переворотъ, посредствомъ котораго она вступила на престолъ (28-го іюня 1762 г.). Письмо это начиналось тѣмъ, что она отправляла графа Кейзерлинга ²⁾ посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать Понятовскаго королемъ по кончинѣ Августа III, а въ случаѣ, если это ему не удастся, то она желала, чтобы былъ избранъ королемъ князь Адамъ Чарторыйскій, сынъ воеводы русскаго.

Въ этомъ заключался главный поводъ письма; второй же состоялъ въ томъ, чтобы Понятовскій не вздумалъ пріѣзжать, такъ какъ всѣ умы еще въ броженіи.

Письмо кончалось предостереженіемъ, что правильная переписка не возможна, и увѣреніемъ въ томъ, что она, Екатерина, сдѣлаетъ все для Станислава-Августа и для его семьи.

„Какъ только я прочелъ — пишетъ далѣе Понятовскій—это письмо, я возвратился обратно въ Пулавы, чтобы прочесть его дядѣ, который заставилъ меня повторить его при его женѣ, дочери и сынѣ.

Екатерина опять склонится на сторону Австріи; но уже въ первые дни послѣ воцаренія было повелѣно войскамъ отдѣлиться отъ прусской арміи, но не присоединяться къ австрійской и отступить въ Россію. Екатерина прежде всего желала обезпечить спокойствіе государства и заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ.

¹⁾ Сочиненія Имп. Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 546—555.

²⁾ Графъ Германъ Кейзерлингъ (1695—1764).

„Я только могъ замѣтить по лицу дяди выраженіе той надежды, которую онъ составилъ себѣ, воображая, что столько возникнетъ препятствій моему избранію, что въ концѣ концовъ придутъ къ нему съ предложеніемъ престола, и у него вырвалось замѣчаніе, что онъ приметъ корону не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ она была обезпечена послѣ его смерти за его сыномъ. Послѣдній, выйдя отъ отца, повторилъ мнѣ тогда то, что онъ высказывалъ уже мнѣ прежде нѣсколько разъ, говоря: „Каждый имѣетъ свой образъ дѣйствій. Я знаю, какъ слава волнуетъ другихъ. Я согласенъ, что слава воиновъ-побѣдителей въ родѣ Нумы Помпилія или Альфреда Великаго очень завидна, но, признаюсь, она меня не искушаетъ и я ея вовсе не желаю. Я ее охотно предоставляю тѣмъ, которые готовы потрудиться, чтобъ заслужить ее. И это такъ справедливо, что я не только не хочу воспользоваться тѣмъ предложеніемъ, которое Екатерина, какъ кажется, мнѣ дѣлаетъ въ этомъ письмѣ, но немедленно я напишу графинѣ Брюсъ, поручивъ ей умолить императрицу, чтобъ она не думала обо мнѣ, а только о васъ“.

„Напрасно я старался отговорить его. Онъ отправилъ письмо; это меня такъ глубоко тронуло, что я не могъ не повѣдать этого дядѣ съ тѣмъ изліяніемъ сердечныхъ чувствъ, которыя я испытывалъ къ его сыну. Дядя мнѣ ничего не отвѣтилъ, но онъ сдѣлалъ своему сыну самыя жестокіе упреки, какъ это будетъ видно впоследствии.—По прошествіи нѣсколькихъ дней совѣщаній, было рѣшено, что я напишу черезъ посредство графа Мерси, и что я передамъ, что предпочли бы князя Волконскаго графу Кейзерлингу. Слѣдующія письма графа Мерси, барона Бретейля ¹⁾ и императрицы передаютъ то, что я могъ бы рассказать“.

При письмѣ графа Мерси, отъ 22 августа, Понятовскій получилъ письмо Екатерины отъ 9 августа, въ которомъ она описывала тѣ опасности, которымъ она подвергалась, въ особенности если ихъ переписка будетъ перехвачена ²⁾. 12 сентября, баронъ Бретейль ³⁾ переслалъ письмо Екатерины; въ немъ она повторяла Понятовскому, что ему невозможно пріѣзжать, иначе ей грозила опасность. Она удивлялась его отчаянію, потому что въ концѣ концовъ всякій разсудительный человѣкъ долженъ покориться. Въ депешѣ отъ 29 ноября графъ Мерси рассказывалъ, что на-

¹⁾ Французскій посланникъ въ Петербургѣ Louis Charles Auguste Le Tonnellier, baron de Reuilly, dit baron de Breteuil (1730—1807), пріѣхавшій въ сентябрѣ 1762 и остававшійся до декабря 1762 г.

²⁾ Сочиненія Имп. Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 555—557.

³⁾ Тамъ же, стр. 557—559.

дняхъ нарочный графа Понятовскаго привезъ въ Москву письмо, которое Мерси доставилъ императрицѣ; она ему передала свой отвѣтъ, который онъ успѣлъ прочесть. То было письмо отъ 11 ноября, препровожденное имъ Понятовскому при запискѣ отъ 26 ноября 1762 ¹⁾. Въ немъ Екатерина подтверждала, что существовали препятствія, мѣшавшія его приѣзду въ Россію, и отсовѣтовала тайную поѣздку, такъ какъ ея шаги не могли оставаться тайными. При письмѣ отъ 26 декабря баронъ Бретейль препроводилъ письмо Екатерины, въ которомъ говорилось, что если онъ явится, то ихъ обоихъ убьютъ. Увѣряя его въ томъ, что даже переписка между ними являлась излишнею, и что будущее покажетъ, какого блага она желаетъ его семьѣ, Екатерина удивлялась, что онъ могъ ее обвинить въ неблагодарности. 23 февраля 1763 г., баронъ Бретейль доставилъ послѣднее письмо Екатерины, отъ 5 января, въ которомъ она писала Понятовскому, что не знала, чѣмъ она заслужила всѣ его упреки, и увѣряла въ своей дружбѣ къ нему и къ его семьѣ.

„Въ теченіе зимы 1762 на 1763 годъ я—говоритъ Понятовскій въ своихъ запискахъ — два раза писалъ императрицѣ: „Не дѣлайте меня королемъ, но призовите меня къ себѣ“. Я выражался такъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе того чувства, которое я питалъ въ своей душѣ; съ другой стороны, я былъ убѣжденъ, что я принесу болѣе пользы своему отечеству, какъ частный человѣкъ, находящійся при ней, чѣмъ король, царствующій здѣсь, въ Польшѣ. Но это было напрасно, — мои просьбы не были услышаны“...

Разсказывая далѣе, что англійскій посланникъ въ Варшавѣ, лордъ Стормонтъ, по приказанію своего двора иногда доставлявшій его письма въ Россію, получилъ предупрежденіе изъ Лондона не принимать отъ Понятовскаго писемъ для доставленія императрицѣ, такъ какъ скоро узнали въ Англии перемѣну ея въ отношеніи къ графу, — Станиславъ-Августъ прибавляетъ, что, кромѣ этой непріятности, ему скоро пришлось испытать еще сильнѣйшее горе, а именно: его отецъ, графъ Станиславъ, здоровье котораго стало ухудшаться, скончался 30 августа 1762 г., почти достигнувъ 86-ти лѣтъ.

С. Горяиновъ.

¹⁾ Сочиненія Имп. Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 560 и 561.

„ЗА-ГРАНИЦЕЙ“

РОМАНЪ.

XVII. — Среди хаоса *).

Проходили дни, наступила полная осень... Чаше и чаще хмурилось солнце, чаще и чаще надъ Женевой пролетали ледянымъ вихремъ „бизы“ ...

Анна Николаевна почти ежедневно посѣщала Гордѣева въ больницѣ; онъ поправлялся очень медленно... Если кто-нибудь особенно желалъ, чтобы онъ, наконецъ, поднялся, то это былъ я. Онъ ворвался въ мою жизнь съ Анной Николаевной неожиданнымъ и для меня неприятнымъ элементомъ. Я не могъ ничего сказать противъ того, чтобы Анна Николаевна его посѣщала, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея частыя отлучки въ больницу мнѣ не нравились, раздражали меня. Я инстинктивно чувствовалъ, что это чѣмъ-то грозитъ отношеніямъ между мной и Анной Николаевной.

Самъ я въ больницѣ, послѣ перваго посѣщенія, не былъ ни разу, — больше того: я почти никогда не освѣдомлялся о немъ, и если зналъ о его положеніи, то по бюллетенямъ, которые мнѣ давала Анна Николаевна, возвращаясь домой, и присовокупляла:

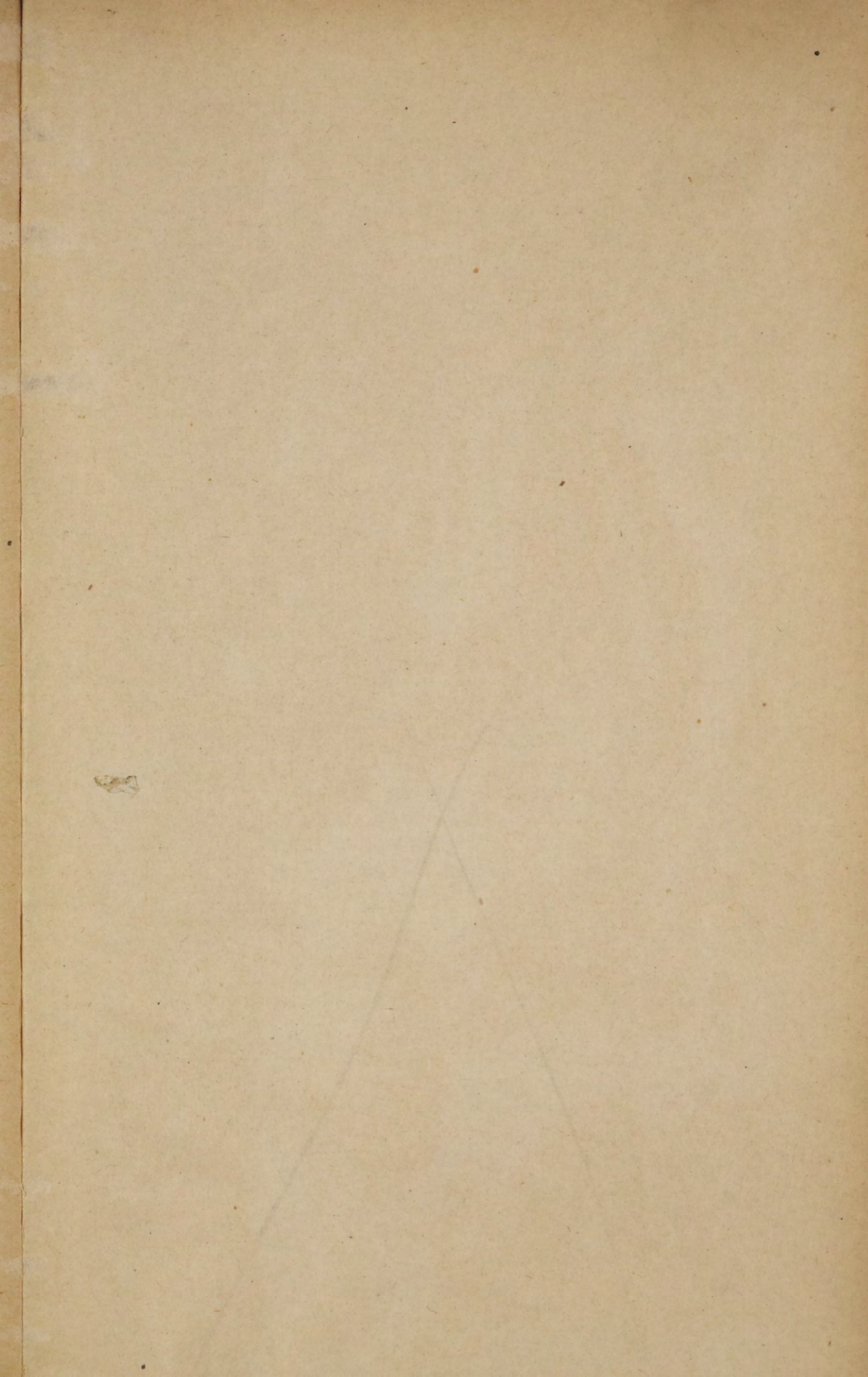
— „Гордѣевъ общаетъ совершенно окрѣпнуть умственно“ ...

— „Его братъ хлопочетъ, чтобы ему позволили возвратиться въ Россію“.

— „Сегодня Гордѣевъ первый разъ всталъ съ постели“ ...

Я выслушивалъ эти рапорты и невольно сравнивалъ ихъ съ докладами о ходѣ романа между „Ванькой“ и Митровой. Анна

*) См. выше: февр., стр. 561.

Blank page with faint ghosting of text from the reverse side.

Blank page with faint ghosting of text from the reverse side.

